

Сергей Разбоев

В
О
С
П
И
Т
А
Н
Н
И
К

Ш
А
С

16+

Сергей Разбоев
Воспитанник Шао. Том 1

«ЛитРес: Самиздат»

1991

Разбоев С. А.

Воспитанник Шао. Том 1 / С. А. Разбоев — «ЛитРес: Самиздат»,
1991

Остросюжетный боевик, органично переплетённый с историческими фактами и восточной философией о тайном боевом обществе монастыря Шаолинь — "Белый Лотос". Это первая книга трилогии "Безумие Истины". В ней повествуется о противостоянии одной из сект боевого тайного сообщества в Китае "Байляньшэ" - "Белый лотос" имперским интересам спецотделов ЦРУ и Китая. В центре судьба потомка русских эмигрантов, волею судьбы оказавшегося в одном из монастырей тайного общества "Белый Лотос" течения "Син И" - "Направленная воля" или "Оформленный разум".

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	9
Глава вторая	20
Глава третья	23
Глава четвертая	37
Глава пятая	42
Глава шестая	44
Глава седьмая	48
Глава восьмая	52
Глава девятая	55
Часть вторая	59
Глава первая	59
Глава вторая	76
Глава третья	79
Часть третья	82
Глава первая	82
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Часть первая ЗАТВОРНЫЙ ДУХ Пролог

Ветры.

Устрашающие... Ураганные...

Огромные массы воздуха, пугающие необузданностью, неукротимой силой все живое и сущее. Неистовые завывающие струи, сносящие, ломающие все, возникающее на пути. Стенающие в бешеном порыве на самых высоких вибрирующих тонах. Свирепые, яростно сокрушающие препятствия, не имеющие ни грани какой бы то ни было жалости, сочувствия.

Ветры.

Все, что имеет самое дикое, самое ужасающее для живого, самое ужасающее, воплотила природа в буйных ветрах.

Для живого страх и отчаяние. Напоминание сущему о бренности, никчемности, слабости. Безразличия к нему высших сил.

И негде укрыться от мятущейся стихии, напирających исполинской громадой масс воздуха, крутящихся в хаосе направлений и мест.

Вершины ветшают под яростью неудержимых струй. Скатываются в расщелины гигантские обломки. Валуну богобоязненно скапливаются у подножий. Знойно вскипает вода в величественных просторах океана: гулко шипит, урчит, пенится. Морская пучина неожиданно вздымается, обнажает со дна свои неисчислимы сокровища, разносит разрушение и смерть по всей линии притихших берегов. Задыхаются от несокрушимой воли потоки брызг и клубящегося тумана. Мириады тонн живого дьявола ниспадают с неба, довершая полный хаос и смятение раскатистыми, заколачивающими ударами десниц громовержца. Ослепительно-белые вспышки молний сотрясают ухающее пространство земной тверди.

И никакой возможности на спасение, никакой надежды, никаких шансов.

Ничего...

Сиротливые ущелья обреченно кривятся в сполохах гроз, нещадных струй бездушного, бесформенного титана.

Все, что может, пригибается, изливается в стенаниях и скорби. Что не может – исчезает, растворяется в бесчувственной стихии.

Нет ни слез, ни слов. Есть хаос, смятение, отчаяние. Животный, парализующий страх. Страх и слабость. Безволие. Непротивящее ожидание заранее уготованной участи.

Рок.

Мгновение бытия.

То, что каждую секунду отстукивает набатом существующего.

Момент состоявшейся истины.

Можно только молиться о ниспослании всевышним участи кроткой, но живой. Пусть безрадостной, но на вдохе. Молиться усердно, денно и ночью. Молиться, во испокон веков повторяя давно приевшиеся нудные слова нечувственной стихии, вымаливая пощаду собственной плоти и сути.

Молиться, дабы сохранить себя. Сохранить живущих рядом. Молиться, дабы, кто верует и кто не верует, поверили в магическую силу многократно повторяемого слова. Усердно заклинаемого.. Взывающего..

Первое противление стихии.

Слово.

Слово и ветер.

Два понятия, влетающие и вылетающие из всех круговертей: первое – наводящее хаос в душах, второе – в природе.

Конкурирующие.

Не уступающие силой, могуществом, последствиями.

Что необузданно, то опасно. Что неукротимо, то нелюбимо.

Живущему нужен мир. Страждущему – сострадание. Говорящему – понимание. Понимание не только сказанного, но и того, что приходит с годами.

И был бы мир. Не были бы слова подобны разрушительной силе буйных ветров: бездушны, холодны, опасны, сродни штормовым захлестывающим шквалам.

И над Китаем ветры губительные, продувающие Поднебесную с востока на запад.

Сырость..

На земле и в душах.

Темнота. Теснота.

Рыгающие вспышки молний. Гром, грохот, грязь. Беззащитность.

Покорность. Упорная покорность стихии. Все подчиняющая, принижающая.

1949 год.

Разудалые ветры Великой китайской революции, гражданской войны.

Треск ружей, пулеметов. Рев моторов. Смрадное уханье пушек. Ошарашивающее эхо сотен тысяч ликующих голосов. Вскидывание вверх такого же количества грозных кулаков. Песни.

Это революция.

Революция в Китае.

Быстрые отряды молниеносно снимаются, уходят на юг и под новые песни нового времени занимают боевые позиции.

Так надо.

Веление времени требует оперативности, самопожертвования, песен. Обязательно песен. Забыть себя, свое личное в лихом круговороте, в смятении чувств и мыслей. И делать то, что требуется всем.

Это революция.

Лозунги. Боевые призывы. Неразбериха.

Всеобъемлющий шум в такой степени действует на личность, что она оглушена, сбита с толку. Но времени нет, и нужно идти туда, куда уходит отряд или демонстрация.

С ними не соскучишься. Можно понять, почему вокруг вспенилось и бурлит яростно людское море; что требуется от тебя, срамного в своем оголенном непонимании таких простых и наглядных истин, какие творятся вокруг.

Харбин.

В это беспокойное время он напоминает растревоженный, визжащий обезьянник. Кто ходит чинно и деловито, а кто носится по улицам, выкрикивая лозунги, за которые в старое время от деда родного получил бы увесистого леща.

Революция.

Хаос.

Все можно.

Можно лазить по деревьям и заборам, карабкаться на крыши домов и оттуда с классовым понятием кричать, что тот, кто носит кожаную обувь и цветной галстук, – буржуи, а посему бить их нещадно палками, изгоняя из бесовых душ зачатки и остатки старого вредного сознания. Выбить крепкими ударами крестьянского и рабочего кулака затаившегося врага, под разными личинами скрывающегося от справедливого возмездия народного гнева.

Непримиримость – первое условие преданности революции.

Беспощадность – тоже первое, но за непримиримостью.

Мечь всем врагам: и вашим, и нашим. Также первое, но за беспощадностью. Иностранец, чужеземец – он же варвар, не признающий революции, он твой невидимый враг. Уничтожен твой враг – не сиди, бей второго, иначе тот, второй, не будет ожидать, пока решишься ты.

Решимость – первое условие и впереди всех первых.

Большой слон не решается нападать на буйвола. Маленький тигр – решается. Он король. Он властелин. Ему править, ему решать. Маленькие обезьяны страшатся нападать на кого-либо. Но если они видят, что в смертельной схватке победитель выходит из нее уставшим и раненым – берегись король. Десяток обезьян не оставят ни праха твоего, ни памяти. Ибо их много, они живучи: они знают, что делают.

И это первое условие всех условий.

Берегись, кто не знает и не понимает китайцев. Они умны, решительны, непримиримы, безжалостны.

Каждый китаец – китаец. Все китайцы – народ, нация. Древнейшая. Признанная поддерживать и блюсти порядок во Вселенной, быть средоточием мудрости, традиций, культуры. Под небом бытия множество народов и государств, только Поднебесная одна. И только от нее исходят все благодетели разума, справедливости.

Слово не слово, если оно не приоткрывает истины. Иероглиф ничего не значит, коль не обнажает правды сути сущего, того, что требуется человеку простому, работающему. Вода, еда, кров над головой – суть бытия. Воздайте каждому: и воцарится на просторах вселенской равнины вечный мир, вечный покой.

Разберись: что есть что, и кто есть кто. В такие бурные, переполненные событиями дни, когда за день произносятся миллиарды слов, свершаются тысячи деяний, плохих и хороших, никто, быть может, и не обратил внимания на короткую злую поножовщину у ворот харбинского рынка, в результате которой от полученных ударов упал на землю бездыханный сын эмигранта из России. А рядом с ним – его молодая супруга, судорожно в беспомощности притягивающая к себе малыша.

Оба были молоды, оба красивы. Оба на что-то рассчитывали в Великой стране.

Все было бы ничего. К такому в те жестокие дни уже привыкли и смотрели на все, как на рок. Никто не противился. Принималось, как само собой разумеющееся.

Если бы не малыш, около двух лет от роду. Он не плакал. Сухие глаза его с непониманием смотрели на родителей. Ухватив обоих за пальцы, тянул к себе. Обидчиво глядел то на отца, то на мать, не потерявшую своей прелести даже в эти предсмертные минуты. Женщина иногда вздрагивала, из уст исходил хриплый протяжный стон. Он резко прерывался, и тогда слышалось kloкочущее бульканье крови в горле.

Мальчонка не заметил чьи-то тени, опустившиеся над ним. Он силился понять, почему отец с матерью не встают, и потому непрерывно тянул их к себе. Но положение не менялось, и ребенок обессиленно тянул руки.

Стоявшие возле него, по накинутым балахонам и покрою хитонов, скорее относились к монахам даосско-буддийского течения. Но их выверенные движения воинов и цвет одеяния – не желтый и не красный – для сведущего подсказывал, что эти молчаливые фигуры могли принадлежать какому-нибудь старому тайному обществу или еретической секте.

Монахи обошли малыша, сели напротив. Их было четверо. Трудно определить возраст: сухая, туго натянутая кожа лица почти не оставляла морщин. Цвет лица у всех был одинаков: бледный, с землистым оттенком. Глаза острые, пронзительные, смотрели не только на ребенка, но и отрывисто, как бы прощупывая местность, вокруг себя, на прохожих, торопливо исчезающих под упорными, немигающими глазами четырех.

Женщина уже не вздыхала. На губах стали появляться темные пятна, лицо мужчины сохраняло отчаянность последних минут борьбы.

Подошли еще несколько монахов. Эти были явно моложе первых, но так же степенны, малоподвижны. Появились веревочные носилки, нанизанные на тесты. Один из старейших взял на руки малыша, предварительно укутав его в темный грубый материал. Молодые монахи перекатили тела на носилки и быстро засеменили к харбинскому кладбищу.

Там смотритель часто кивал головой, поддакивая в такт старшему. Все кланялся, уверяя того в надежности будущих забот. На углу в глухом месте общего кладбища появился холмик.

Малыш неподвижно сидел на руках: тихо наблюдал за скорбной процедурой, за снующими молчаливыми людьми, торопливо производящими погребение.

Так незаметно, как и появились, ушли монахи нестройным косяком по пыльному тракту в юго-западном направлении.

Глава первая КИТАЙСКАЯ ТЕМА

Тонкий шлейф синеватого дыма неторопливо, замысловатыми зигзагами, поднимался над настольной лампой, расстился вширь, собирался непринужденной покачивающейся мощью в плотное облачко, подплывал к дальнему углу комнаты и, как бы сбрасывая с себя налет навесного, ненужного, резко, дружным потоком, вытягиваясь в таинственного немого джинна, всплывал к потолку. Словно отработанная мысль, приевшаяся и порядком надоевшая, уступает место новым идеям, легким посвистом он выходил наружу через скрытое вентиляционное отверстие.

В комнате окон не было, потому мудрено играющий дымок сигареты придавал некоторый живой облик мрачноватому помещению, в котором, кроме большого двухтумбового стола, пары широких кресел, стального шкафа и карт на стене, ничего не имелось.

И тишина: мерная, спокойная.

Полумрак. Библиотечно. Даже архивно. Кондиционер не позволял излишне расслабляться, выходить настроению из-под контроля. Трескучие голоса двух джентльменов заставили бы вздрогнуть случайных свидетелей непривычной резкостью и черствостью интонации.

– Да, для интервью, парень, ты сегодня выглядишь неподходяще. Налей виски, взбодрись.

Сидящий напротив пренебрежительно сморщился, но от предложения не отказался.

– Значит, утверждаете, что столкнулись с толково затушеванной от внешнего мира и довольно странной в поведении сектой.

Офицер иронично медлил. Глаза его надменно и высчитывающе смотрели в темень угла помещения. Но, по-видимому, подчинившись найденным соображениям, изменил характер взгляда. Тень сосредоточенности опустилась на лицо.

– Сэр, мне, наверное, не стоит категорично утверждать сказанное. Это мои выводы, сделанные в результате встречи с монахами.

– Как же вы вышли на этот монастырь?

– В приятной полосе случайностей, сэр. Нашим людям попались на глаза списки участников соревнования в одной из провинций. Конкретно: Рус Ли. В Китае подобные имена не встречаются.

Майор пригубил виски. Сосредоточенность не покидала его.

Тяжелые глаза полковника неотрывно следили за реакцией офицера. Он не столько хотел услышать из его уст, сколько прочесть по лицу и понять.

Но подчиненный не смущался под диктаторским взглядом начальника. С сытым видом довольного бургера сносно отвечал на вопросы и только изредка нервно поеживался от назойливо лезших в память неприятных воспоминаний.

– Майор Споун, а что за контора – Шаолин-су?

– Шаолин? – вяло, с нотками безразличия, переспросил офицер, – старый сарай, набитый сказками и байками. Афиша для туристов и любопытных. Сидит в нем заведомый старик. И, как давно заученное, бубнит интересующимся почти одно и то же. Хитер, бестия. И людей моих, похоже, раскусил. Никакой свежей информации, ни одного слова о том, что существует в настоящее время в монастырях западного Китая. И это лучшие агенты плелись с различными группами к прогнившему столу практически впустую.

– Не спешите с выводами. Споун. С хитрым противником нужно выжидательно действовать. Как знать, может этот архар не последнюю роль сыграет. Заранее ничего предсказать нельзя.

– Оно конечно. Но это упрямство сродни вызову.

– Пройдет. Слушаю вас дальше.

– Шаолинь пуст. Вывеска. Дальше темная яма, в которую ступить, не приглядевшись, опасно. Во всяком случае те лица, с которыми приходилось видеться, не внушают никакого доверия.

– Почему вы так решили? – недоверчиво бросил полковник. Его сигара трубно дымило на большущей пепельнице в виде авианосца с истребителями по бортам. Сам он, сплетя руки в пальцах и положив их на стол, снисходительно вслушивался в слова подчиненного. Полученные сведения удивили Динстона и озадачили. От майора он надеялся услышать законченный диалог с далекими монахами и приемлемые договоренности. Но ни то, ни другое достигнуто не было. И сейчас шеф китайского отдела служб Соединенных Штатов силился понять, что недоработано его людьми: недостаточная компетентность или совсем иные принципы существования монашеского клана, разговор с которыми так не вязался у Споуна.

– О'кей, – снова остановил подчиненного Динстон, – расскажите о монахах, только проще. Не укладывается в голове, что они так, только из своих соображений, не приняли столь выгодное предложение.

Теперь Споун в свою очередь посмотрел на шефа, как на неосведомленного.

– Не знаю, как и не знаю, за кого они приняли меня, но игра налицо. Маски у них надежные. Конечно, бутафорию переживаний я понял не сразу, несмотря на то, что вид их, поведение не совмещались со слышанным о них ранее.

Поначалу, довольно продолжительное время, пришлось нам ожидать в небольшой мало-приятной комнатухе, пристроенной к монастырю у ворот. Сукины дети – они провели меня в первом раунде.

Споун деланно сплюнул.

– Не газуйте, майор, я вас понимаю. Представляют ли монахи что-нибудь серьезное для нас как потенциальные противники нашей миссии?

– Признаюсь, я в полном неведении об их возможном потенциале. Только одна подозрительность.

– Если можете, о каждом попробуйте.

– Двойственное чувство. – Споун отлег на станку кресла, густо задымил. – Когда они вошли, сторбленные, шаркающие, я прикинул, что беседа много времени не займет. Но уселись перед нами с апломбом вселенских судей. Справа от старшего – настоятель монастыря, к нам немного боком, правая его рука не забывала подергиваться. Голову вперед наклонял, будто бы слабо слышал. Говорил еле слышно, хитро, с уловками. В основном только он с нами разговаривал. В центре старший, старейшина. Выглядел вполне прилично, хотя утверждают, что ему под сто. Только спящие глазки неподвижно следили за нами. Иногда кивал вслед сказанному. Прозорлив. Слова его опасны, сбивают с толку. Постепенно приходило в голову, что они не так дряхлы, как стараются выглядеть.

Слева от старейшины – Ван – Большой Чемпион. Его узнаешь сразу. Одноглазый. Ох и неистовый старик. Проще с самим дьяволом в карты собачить, чем с ним остаться с глазу на глаз. Вначале еще казался немощным. Но так его раздражали наши предложения, что злобный глаз его все время сверкал недовольством. После того, как он неожиданно вспылил при очередной перебранке, у меня отпали всякие сомнения в хилости здоровья монахов.

Темно-серые сутаны чисты. В каждом уверенность, спокойствие. Такое, надо отметить, несвойственное спокойствие: отвлеченное. Только Чемпион в заплатанном балахоне всяким жестом выказывал презрение к нам. Пальцы ежесекундно в движении, костяшки мозолисты, жестки. Одиноким глаз по-бычьему непримирим. Непокладистый.

– Ну что ж, – полковник продолжал пристально посматривать на Споуна, – описали вы вполне обстоятельно. Но, чтобы они ни говорили, верить надо настолько, насколько сказанное

соответствует действительности. Она-то нам как раз и неизвестна. Придется ее поиски продолжать дальше.

Майор отложил сигарету.

– Тяжелый, неудобный народ.

– Не зарекайтесь.

– Нужны иные подходы.

– Но беспокойтесь. Мы уточним, что за гуси эти монахи. Они тоже смертные. И всяким человеческим их можно устроить или приласкать.

– Естественно, – скорее для себя согласился офицер. – Но валюта как предмет воздействия отпадает.

– Запомните, – продолжал полковник указующим тоном, – нас всегда выручала информированность. Всегда. В мире нет второй фирмы, в которой бы было собрано больше сведений, чем в нашей. Нужно обращаться к экспертам, консультантам. Они буквальны в знаниях, хотя с них тоже нелегко выпытать нужное.

– Но что можно узнать у монахов про монахов? Что они исповедуют нам, если их ничего не влечет, ничего не интересует, если они ни к чему не стремятся.

– Послушайте, Споун, – полковник быстро нагнулся над столом, приближаясь к подчиненному. Майор вздрогнул от неожиданности. – Вообще-то следует знать, что китайская нация – нация раболепствующих плебеев. Несмотря на то, что они имеют свой апломб, любой нахальный прохожий влезь на бочку, гаркни смелее, топни зло на толпу, и она повинется. Позже одумается, роптать начнет, но дело сдвинуто, и дальше нужно только умело верховодить. – Динстон выпрямился. – Подумать только, такую стену, как в Китае, могли сделать только они. Другим... – полковник махнул рукой.

– Здесь при толковых правителях давно могли бы стать мировыми гегемонами.

– Как знать, – возразил Споун, – может, это только начало стены...

Динстон прищурился. Неприязненные глазки внимательней оцупали подчиненного: «Не так-то он прост». И добавил уже спокойнее с большим оттенком равенства:

– Умеете импровизировать?! Похвально. Но не будем загадывать. Пока стена не так длинна и не столь опасно высока, нам, американцам, следует подумать, чтобы эта впечатляющая реликвия муравьиной нации для них осталась той стеной, за которую они, как за ворота запретной зоны, выходить без разрешения не смели бы. Ловите мысль?

Майор раздражающе ухмыльнулся.

– Сэр, сейчас молодежь гораздо сообразительнее, наглее. За «так» и «просто так» за воротами ее не удержишь.

Динстон засопел. Его глаза с еще меньшей любезностью отражали в своих напыщенных зрачках неясный силуэт собеседника.

– Вздор, Споун. Практика истории не имеет подобных случаев.

– Практика никогда не имеет случаев. Поколения меняются. Только почему-то сатанинская аналогия повторяется, из века в век.

Брови полковника круто поднялись,

– Ну, майор, где это вы набрались такой дряни?

– В России.

– Ну и ну. А я вас принимал за недоученного студента. Такие категоричные мысли. Вы не в меру резкий оппонент. Мне думается, если бы вы хотя бы чуть-чуть воздерживались, исход переговоров с монахами мог бы быть более приемлемым.

– ?..

– Не представлял я, что вы можете мусолить идеи, против которых мы и крутим всю кашу в мире.

– Оставьте, сэр, не то, чего доброго, я могу оказаться розовее вас.

– Может статься. Конечно, молодость категорична. Если не ошибаюсь, вы тридцатого года рождения.

– Не ошибаетесь, сэр.

– Оставим болтовню бесплодных домохозяек. Мы здесь не для определения ваших политических склонностей. Поверьте, мне это ни к чему. Если компетентные службы нашли нужным прислать вас сюда, значит вы удовлетворяете требованиям данной миссии.

– А вот я уже не придерживаюсь этой точки зрения.

– Это потому, что вы не знаете всей сути. Но об этом позже, – Динстон замолчал, въедливые глазки немигающе уставились на неясные очертания подчиненного. – Нелогично, конечно, было бы полагать, что первый визит сложится удачно. Но убежденность успокаивала, что вы сможете заложить ту базу, с которой мы можем вести дальнейшие переговоры более маневренно. Ничто не сильно во взаимоотношениях сильных так, как слово истинной силы. Оно единственное может решить исход многих начал. Там, где не умеют или не хотят добиться желаемого словом, начинается резня, – полковник мотнул головой. – Так с людьми, которых видишь впервые, нельзя. Пусть они нули, несведущи. Но и они вправе посмеяться вслед вам и указать, что янки как были примитивны во взаимоотношениях с прочими народами, так и остались.

Споун недовольно поднял голову, отложил сигарету.

– Не скрою, сэр, мне нечем было крыть доводы монахов. Они диктуют условия. Но, уверяю вас, с ними я остался почтителен и ничем не стремился вывести их из себя. Если это и случилось, то благодаря Вану. Он не придерживался этикета. Первый визит был обречен изначально. Сошлись два крайне разных мира и представления о жизни. Это во многом сместило мои собственные мысли к порогу большей реальности. Стало наглядно ощутимо, что независимые группки и регионы запросто плюют на нас, не желая приближаться к пониманию наших догм.

– Это у вас после встречи с ними появилось столько желчи?

– Какое это имеет значение? Важно, что я хотел бы сейчас оказаться где-нибудь в Париже или Монте-Карло.

– Согласен с вами, майор. После нескольких месяцев в Китае я твердо уверовал, что нельзя верить ни китайцам, ни женщинам, ни падшим физически или духовно.

Споун просто отмахнулся от подозрительно явного намека.

– Ну, хорошо, – продолжал Динстон, – не стоит принимать близко к сердцу шуточки начальников. На какой сумме вы остановились?

– Мы не останавливались. Цену назвал я. А они мне довольно своеобразно дали понять о такой высокой духовной материи и такой низости материального бытия, что выше четырехсот тысяч я уже не решался предлагать.

– Да, они опытнее вас. Знают, в какую сторону загибать, чтобы лишиться контраргументов. Но ничего, майор, вторая ваша поездка будет удачнее.

– Но будет ли она оправдана, сэр?

– Что за тон, майор Споун?

– Видите ли, дороги Китая так щедро кишат разбойничьими шайками, что просто не представляю, как они сами пользуются ими.

– Майор, – глаза Динстона стали жесткими, лицо неподвижно и скупое, – о трудностях передвижения по здешним дорогам изложите как-нибудь в мемуарах. Я не буду возражать, если вы там что-нибудь от себя добавите. Но приказ извольте не обсуждать. От вас, боевого офицера, непривычно подобное слышать. Сейчас, чтобы успешно противодействовать затившимся схимникам, нам требуется как можно более полная информация о них. Поэтому и ездить к ним придется не раз и не два. Прощупывать всевозможные каналы! Думаю, что эксперт по Китаю при торговом представительстве, мистер Маккинрой, даст нам полезную инфор-

мацию. Он здесь четыре года, китаевед, подскажет, с какой стороны лучше подобраться. Сейчас меня больше настораживает сдержанность монахов. Как вы думаете, могут отшельники догадываться о наших истинных целях?

Споун сидел и старательно дымил, чтобы периодически прятаться от назойливых глаз шефа.

– Мы не так долго были вместе. И еще меньше разговаривали. Невозможно что-либо выделить из сказанного ими.

– Хорошо. Принимайте к действию вторую группу. Начинайте собирать необходимое. Через два дня, в шесть вечера, с докладом, здесь. Можете идти.

Споун встал, церемонно кивнул, бесшумно вышел. Тяжелая дверь медленно вернулась на прежнее место.

Несколько секунд Динстон смотрел вслед. Дымок неясно очерчивал силуэт майора, искажая форму, вытягивался и убегал под потолок. Когда весь сигаретный дым исчез, полковник иронично скривился в адрес подчиненного.

Через несколько минут должен войти Маккинрой. В Штатах ему настоятельно советовали придерживаться советов этого эксперта. Но сможет ли он что-нибудь привнести сокровенного о монахах.

Динстон отрешенно смотрел на свой профиль, отраженный в лакированной стенке пепельницы-авианосца. Искривленная рожа в изогнутой плоскости была ему противна. Он заскрипел зубами. Воинственный лик в сферической части уподобился широкой морде глупого китайца, с мятым носом, растянутым ртом. Почему-то представилось, что и в разговоре с узкоглазыми он выглядит обывательским простофилей: этаким китайским болванчиком.

Чего же ты хочешь? Пятый месяц в Китае. Поначалу все представлялось очень просто: завербовать какого-нибудь тибетского монаха, посвященного в тайны воздействия на человеческую психику, его волю, желания. Но немудреное задание на поверку оказалось трудно разрешимой задачей. Еще и неизвестно, чем все кончится. Все начала разбиваются о непроницаемые души несговорчивых монахов.

Каждый месяц приходится являться в штаб-квартиру с отчетом. А что он может доложить? То, что на подходах к монастырям гибнет определенное число агентов и завербованных.

Почему монахи не идут ни контакт? Почему особое раздражение вызывают у них иностранцы? Хозяин насторожен, если посетитель близок к заветной цели. Неужели Управление на верном пути? Осталось только выбрать оригинальную легенду, чтобы схимники меньше опасались. Но доклад Споуна наводит на мысль, что даже прилично закамуфлированным идеям ничего не стоит провалиться. Нужен нажим, нажим извне. Руководство торопит. Параллельные исследования зашли в тупик: препараты, изготовленные в лабораториях, на поверку оказались не так надежны и не так чудодейственны, как рассчитывалось. А вот сведений, что в Тибете имеются успехи, собрано немало. Неизвестно, каким путем местные добиваются этого: травами, алхимией, магией или еще чем-то, но факт установлен, и он, полковник Динстон, наделенный большими полномочиями, находится здесь. Но результата пока никакого. Даже службы Китая нейтральны в содействии. Неужели монахи обладают столь большой независимостью? Вопрос...

Динстон настолько углубился в свои размышления, что резко вздрогнул от неожиданно появившегося луча коридорного света. Прошло еще время, прежде чем он разглядел хитроватую усмешку на довольном лице Маккинроя.

Вид и манеры эксперта не импонировали жестким понятиям Динстона о современном мужчине. С жестами учтивого джентльмена, тот более походил на высокородных сэров, нежели на какого-то мало известного чиновника. Роста выше среднего, блестящие смоляные волосы, ровные картинные залысины. Взгляд затихшего аристократа перед крупным карточным выигрышем – Маккинрой производил впечатление человека, полностью осведомленного о состоя-

нии дел вокруг него, всегда готового дать критическую оценку обсуждаемому. Люди его склада никогда не тушуются, уверенные в себе, в полемике они умело заставляют оппонента потерять почву под ногами.

Втайне Динстон завидовал им: они эрудированны, закончили лучшие колледжи, высоко котируются в высшем свете. Элита, к которой терпеливо подбирался он, Эдвин Динстон, но с которой нелегко будет ужиться. В своей практике всячески стремился подсадить выходцев из высоких слоев. Но сейчас он зашел в тупик, и помощь эксперта ему была просто необходима.

– Хэлло, мистер Маккинрой, присаживайтесь.

– Хэлло, господин Динстон. Судя по вашей хмурым внешности наш идейный плащ прохудился. Скоро за кинжал возьметесь!

– Шутник вы, мистер, шутник. Хотел бы и я быть в таком же прекрасном настроении и так же сыпать остротами. Не скрываю, нахожусь в некоторой растерянности. Нуждаюсь в вашей консультации. Миссия, с которой мы здесь, по всем соображениям заходит в тупик. Не могу уяснить, кто и в чем нам может помешать. В двух словах дело обстоит так: у монахов тибетского района имеется послушник европейской национальности. Там он воспитывался и прошел почти полный курс обучения премудростям восточной борьбы. Нам он нужен, как специалист прикладного единоборства для обучения нашей агентуры. Как вы должны понимать, в некоторых нюансах нашей работы последний акцент нам приходится тщательно скрывать. Хитрить, потому что они ни в какую не согласятся выносить свои тайны за пределы стен монастыря. В предварительных условиях указано, что мы приобретаем его с целью агентурной помощи для некоторых наших служб, как агента-телохранителя. Они согласны на некоторый обоюдный договоренный срок, после чего воспитанник возвращается обратно. Главное выманить его за стены мертво живущей обители. А там, думаем, он не откажется от жизни, которую сможем ему предложить. Но эти воинственные аскеты не согласны даже на частичные условия. Можете ли вы что-нибудь пояснить в данной ситуации?

– Могу, господин Динстон, конечно, могу. Но, как говорится – ваша фирма, наши..

Маккинрой недвусмысленно замолк, как бы соглашаясь со сказанным ранее.

– О, не сомневайтесь, мистер Маккинрой. Наша фирма уважает содействующих. Сумма, соответствующая весу сказанного, надежно пополнит ваш счет. Вопрос, с которым мы здесь задержались, принципиален для наших боссов, и они хорошо заплатят, лишь бы не тянуть с ним.

Эксперт удовлетворенно кивнул..

– Если вас не затруднит, расскажите мне подробности первого визита. Но главное, что за человек ездил в монастырь. Ваше личное отношение к Китаю и его гражданам.

– Даже не знаю, что сказать. Для такого щепетильного вопроса был послан человек, недостаточно отвечающий нужным требованиям. Мне думается, с китайцами могут разговаривать сами китайцы.

– Здесь вы на удивление точны, господин полковник, – манерно стряхивая пепел, подтвердил эксперт.

– Сам визит ничего не открыл, кроме новых вопросов, которые меня настораживают. О китайцах я нечего не думаю – плебеи, которыми нужно достаточно ловко манипулировать. Наглы, хитры. Побудешь среди них и таким дурачком себя ощущаешь, будто всю жизнь и был им. Терпкая нация.

Маккинрой расхохотался.

– С пристрастием, но верно. Видно, пресытились китайской действительностью, коль она вам так больно в почки засела.

– Не стоит отнекиваться. Все так. Но дурно то, что я в положительном исходе начинаю сомневаться.

– Пройдет.

– О, мистер, вы утешаете меня, как я несколько минут назад успокаивал подчиненного.
– Только прошу, не обижайтесь. В принципе я понял ваши трудности. Идти с голыми руками к китайцам то же самое, что угрожать бананом стаду обезьян. Засмеют. Но начнем. Первые ваши трудности связаны с самым обыкновенным незнанием как самих китайцев, так и образа их мышления: того уклада обыденной жизни, который не отвечает нашим понятиям. Не сочтите за дерзость: сколько вы в Срединной?

– А что это за район, мистер Маккинрой?

– Китай!

– Вот как?..

– Это не последнее, и все же?

Динстон помялся, как запнувшийся, не уверенный в себе ученик. Пожал плечами.

– Пятый месяц. Но не думаю, что это какое-то упущение.

– Нет, конечно, но... влияет.

– В каком смысле?

– Думаю, что не так вы взялись, не с того конца. Нация, господствующая на данной территории, сложная по характеру и отклонениям от общепринятых понятий. Этикет при деловой обработке с ними нужно соблюдать от первых до последних поклонов. И прежде всего уважение, учтивость. Подчеркиваю.

– Но не может же это в серьезной степени влиять именно на ход переговоров. Здесь главное – выгода. Ее мы и предлагаем. Но... – недовольная мимика Динстона начала преобладать.

– В том-то и дело, что может. Такой они народ. Улыбнись, поклонись. Сделай удачный комплимент. Другом будешь. Но если вы будете действовать на гоп, с позиции требующего, то, боюсь, дело застрянет. Китай – не мелкая нация.

– Это тот уровень дебатов, который меня никогда не интересовал и ни к чему не обязывал. Мой круг исполнительских интересов не затрагивает побочно существующих моментов. Если бы миссия, с которой я прибыл сюда, была бы признана трудной, как вы считаете, то уверен, в Китай прислали бы специалиста более узкого профиля.

Динстон уловил в глазах Маккинроя необъяснимые хитринки. «Может, этот лукавый тип более догадлив, чем рисуется со своей светской простотой», – подумал он.

– Но понимаете вы, как далеки от Поднебесной те, кто не находится на ее земле?

– Вот с этим я согласен.

– Руководство поспешило, не зная сути. Оно заранее обрекло вас на неудачу.

Динстон резко выпрямился.

– А вот с этим я в категоричной форме не согласен. Откуда такой пессимизм, мистер Маккинрой?

Угрожающие нотки в голосе выдавали раздражение полковника.

– Не так уж они просты и податливы, как кажется из-за океана.

– Верю вам. Ну и что же? Я доверяю изложениям специалистов, но, думаю, вы сгущаете краски.

– Китай всегда был загадкой для исследователей.

Многогранен и искрист, как никто другой: то ли темный котел, то ли сверкающий водопад.

– А ваше мнение?

– Нужно с ними дипломатичнее. Терпеть и понимать.

– Это вам нужно. Для этого вы здесь. Мне нужно удачно завершить начатое.

– Я понимаю ваше нетерпение. Но все же, пока вы здесь, нужно показывать, что вы в курсе местных порядков и не менее воспитаны, чем они.

– Я постараюсь следовать вашему совету. Время рассказать, если, конечно, вам известно, про эти, укрытые от цивилизованного глаза, монастыри.

– О, это длинная история, требующая при пересказе очень много отступлений и дополнений, чтобы быть достаточно объективным.

– Ничего, не глупый, пойму.

Маккинрой изящными движениями раскурил сигару, предложенную щедрым жестом полковника. Сейчас он более походил на интригующего рассказчика, который стремился не столько посвятить в тайны, сколько привлечь особенностями их смысла.

– Вообще, по тем социальным и внутривластным условиям, что сложились в Китае в силу самобытности народа, только там и могла практика рукопашного боя достигнуть совершенных высот. В некоторых монастырях, где издавна сложилась база для теоретических и практических изысканий в повышении мастерства ведения поединков (тех групп, которые входили в какие-либо союзы бунтарского действия или политического сопротивления), жизнь заставляла со всей ответственностью и исследовательской тщательностью относиться к способам защиты от нападений многочисленных противников. Со временем была разработана и система скрытой неудержимой атаки. Постепенно обычный вид уличной драки и боевого поединка перерос в стенах монастырей в редкое по зрелищности, удивительное по совершенству искусство единоборства. Соперничество переросло не столько в превосходство физических данных противников, сколько в противостояние мысли. Согласитесь, для столь сурового места и такая демократичность.

– Да, да, – поспешно заверил Динстон.

– Китай всегда оставался самой демократичной страной среди остальных.

– Не уверен, но прошу вас, мистер, не уходите от сути, не путайте меня.

Эксперт поднял палец.

– Так называемые стили ведения боя. Какой из них практичнее, совершенней, доказывалось в смертельных поединках членов соперничающих школ.

– А вот это уже демократично, – перебил на фразе Динстон.

– Время было такое. Хотя, надо отметить, в Китае оно всегда такое. Без этих проломных усилий вид рукопашных схваток так и остался бы на уровне дилетантской дубинки. Только на тех высотах, в решающих схватках, когда дыхание смерти явно затрудняет рабочее дыхание, натренированное свойство сохранять самообладание, управлять в критические минуты своим разумом, подчинять тело воле, подавлять панические инстинкты, добывались важнейшие элементы слагаемых побед. Этим познаниям способствовало то, что в Срединной издавна существуют тайные организации и еретические секты, как элемент китайской действительности. Сохранение жизни в условиях преследования и террора играло не последнюю роль в том, что все братства оказались живучими и исторически постоянными. Сложилась следующая закономерность: чем серьезнее организация, настойчивей в достижении всеобщего равенства и братства, тем глубже познание тайн человеческой психики, ее невидимых особенностей, выше индивидуальное мастерство, крепче боевой и братский дух среди самих членов.

– Это уже существенней для понимания монастырей. Может, мы на такой наткнулись? – прервал речь Динстон.

Эксперт кивнул, подчеркивая значимость и своих слов, и вывода полковника.

– В действительности эти организации и оказались более стойкими, имеющими значительное влияние на низы общества не только в целях борьбы с угнетателями, но и в формировании того китайского духа гегемонизма, особенностей нации, с которыми быстро согласились правящие слои и который так неудобен для нас.

Одной из таких еретических сект, до последнего времени выступавшей за равенство и братство, справедливость, за Китай для китайцев, являлся «Белый лотос». Самая долгоживущая и значительная секта из всех прошедших по истории страны. Именно от нее отделялись новые братства, увеличивая и без того многомиллионные тайные сборища Срединной, собирая по существу всю Поднебесную в единую монолитную систему, способную вершить большими

делами на всех уровнях внутригосударственной жизни. Эти же дочерние секты – «братства» в основном оказывались вывесками, надежно прикрывающими собой от губительных мер центра базы и видимость «Лотоса».

– Круто. Каково положение с обществами сейчас?

– Сложно судить. Все они запрещены. Некоторые легализованы, стоят на учете. Но для китайцев всегда мало значит голос центра. Любой указ, идущий из столицы, разбавляется, затухает. Не имеет поддержки в народе. Думаю, что если присмотреться к жизни монастыря, можно будет что-либо определенное сказать.

– Представляют ли монастыри какую-либо опасность для общества?

Маккинрой пожал плечами, подвергая сомнению слова полковника:

– Вы не так меня поняли. Монахи не имеют выхода в свет. Закупоренный сосуд...

– Тем и опасней! Этот сосуд в любой неизвестный для наблюдателя момент может взорваться.

– Ого, глубоко вглядываетесь! Мне всегда импонировало чувство наших рыцарей видеть опасность там, где простой мирянин ее не осознает.

– Я принимаю вашу наивность, мистер, но все же почему в вас сквозит столько иронии?

– Наверное, потому, что для Великой Америки темные сутаны не могут представлять грозящей опасности.

– Не представлять.. Это сейчас. Вы просто чиновник, клерк. Вы не имеете ответственности за будущее страны, потому и смотрите на все через призму защищенной беспечности. Мы не имеем права так предаваться необоснованному благодушию и спокойствию. Потому мы не выжидаем. Мы обязаны знать, что где творится и кто чем дышит. Всякая крамола не опасна, если о ней известно заранее.

– Я приветствую это, господин полковник. Только прошу, не действуйте напролом. Нахрап не поможет. Настоятели и старейшины очень обидчивы, самолюбивы, непомерно горды с иностранцами. Лучше самый обходительный такт, лучше переиграть. Это они легче воспринимают. Сейчас в Срединной крутые времена. Лучше не поднимать со дна и не мутить спокойные воды монашеского омута.

– Ваш юмор с опаской, но мне нравится, что в нем много оптимизма.

– Видите ли, китайцы не оставляют места для бравады, потому приходится сначала думать.

– Хорошо. Надеюсь, мы не намного отклонимся от ваших предостережений.

– Это будет вашим самым сильным козырем в общении с монахами. Но, как вы думаете, не будет ли полезным, если я с майором навещу монахов в следующей встрече?

– О'кей, я уже подумывал предложить вам именно это. Но, так как вы выразили согласие, осталось решить, в качестве кого вам следует там появляться. И еще: майор выражает опасение за сохранность собственной персоны. Каково вам? Вам придется ехать при полном изменении личности.

– Не думаю, что это обязательно. Для них я мелок и неинтересен. Всего лишь эксперт. Могу предположить, что если было нападение на группу Споуна, значит, монахи о многом извещены. Просто так в Китае редко нападают. У них еще высокое поклонение перед транспортом, особенно в западных районах. Машина у них ассоциируется с силой, могуществом.

– Тогда все, вами прежде сказанное, приобретает иную окраску.

– Да. И, по-видимому, этот монастырь, в который вы пожаловали, далеко не так безобиден, как можно предполагать.

– Придется со всей серьезностью отнестись к ним.

– Только почтительной вежливостью можно вызвать их на некоторую долю откровенности.

Динстон с той же внимательностью наблюдал за экспертом. Положительно он ему начал симпатизировать. Этот с плеча не рубит. В нем самом много от китайцев проявляется, И, знает он их, видимо, неплохо.

– Мистер Маккинрой, – полковник не торопился. Еще и еще раз оценивал возможности специалиста. – Вам не доводилось слышать или встречать в каких-либо письменных упоминаниях о применении тибетскими магами и прочими мудрецами средств воздействия на волю и психику людей?

Маккинрой удивленно развел руками.

– Конкретно нет, хотя досужие вымыслы наполняют пространство вокруг уст болтунов.

– Но ваше мнение, и почему досужие?

– У меня нет никакого мнения. Не задумывался. Но байки и сказки у всех народов имеются.

– В данном случае я веду разговор не о байках, но об оружии как таковом. Ведь не можете же вы отрицать возможность подобного?

– Отрицают только невежды. Но и вы меня своей формулировкой в угол загнали.

– Так что вы думаете? – Динстон напрягся.

– Ровным счетом ничего. Фактов никаких не имею.

– Но считаете опасным, если что-то из этого арсенала может появиться у какой-либо агрессивной кучки маньяков.

– Несомненно.

– Не настораживает ли вас, что упорство затронутого монастыря может иметь под собой почву в стремлении сохранить имеющиеся секреты.

Маккинрой глубоко вздохнул. Растерянно вытер лоб.

– Ну, вы меня снова... господин полковник. Все это, конечно, разумеется, но и ваши соображения мне кажутся плодами профессиональной подозрительности.

– Мы должны подозревать. В этом наша работа. И поэтому возможные очаги следует проверять, изучать, чтобы не оказаться в один прекрасный во всех отношениях момент на краю гибельной ямы.

– Меня успокаивает, что у наших высоких умов столь глубоко работает инстинкт самосохранения. Господин полковник, я прекрасно вас понял; если что-либо достигнет моих ушей, немедленно найдет и ваши.

– О'кей, мистер Маккинрой, это я и желал услышать от стопроцентного американца.

Маккинрой встал, показывая, что пора уходить.

– Постойте, самое главное, ради чего я вызвал вас к себе.

– Слушаю, сэр.

Эксперт остался стоять, осторожно взирая на полковника.

– Я надеялся, что вы мне сможете назвать человека, который, наверняка, сумеет местные спецслужбы обратить лицом к нам.

– А что, разве китайцы пасуют?

– Не знаю, чем объяснить их сдержанность.

– Лицо имеется влиятельное, но оно дорого стоит.

– Я уже ставил вас в известность.

– Понял, господин полковник. Завтра вас известят.

– Прекрасно!

– О'кей, господин полковник!

– О'кей!

Динстон остался один. «Ну и бестия. Такая же, как китайцы, – неудовлетворенно хмыкнул он, – говорил, говорил, но ничего толком и не высказал. Ждет взноса. Пять тысяч должно его успокоить».

Глава вторая

ТЕНИ

Полумрак.

Настороженная тишина.

Мерный, подвывающий хлест лопастей вентилятора. Из-за огромного министерского стола тусклым светом оловянных зрачков выглядывают два малюсеньких немигающих глаза. Позади спинка непомерно большого кожаного кресла. Не совсем понятно, кто восседает там. Но когда раздается шепелявящий голосок с высокими нотками экспрессивности, сомнения исчезают – человек.

Вернее – человек.

Теневой – для того, кому он известен и на кого он жадно накладывает свою лапу (лапку) чиновника. Пигмей – за глаза, там, где он не может видеть или слышать даже при помощи выдрессированных ищек.

Лицо влиятельное.

Шутить с ним не с руки. Достоверные слухи: один из членов «Организация 16 мая». Иначе...

Иначе никому не хочется. Жизнь – она одна. Одна на одного человека. Другой не дано. Иначе уже никакие мистические силы Вселенной не повторят твою запоминающуюся, неординарную, стремящуюся к совершенству личность.

И потому никто не осмеливается раздражать его, тем более...

– Ну-с, дорогой товарищ начальник, позвольте мне, недостойному, поинтересоваться вашим драгоценным здоровьем? Какие бы годы вы еще пожелали для себя, уважаемый?

– Покорнейше благодарю, товарищ министр, не жалею. И вам светлейше желаю того же, а годов поболее, чем моих, не меньше чем в три раза.

Стоящий мягко поклонился.

– Ну-ну, можно проще. Одни в этой комнате. Лучше ублажите мой слух следующим: почему приятели-американцы жалуются, что не способствуют прогрессу во взаимоотношениях? Мы не маленькие страны, чтобы пренебрегать имеющимся. Это и некоторое оное, понимаете ли, немало гнетет мое чувствительное к внешним раздражителям здоровье. Хотелось бы, чтобы ваши пожелания мне сходились с вашими делами.

Не меня выражения лица, генерал внимательно посмотрел на Теневого. Кроме отблеска мышиных зрачков, ничего не угадывалось в полумраке.

– Я придерживаюсь официальной политики, тех положений и документов, что спущены мне сверху.

– Верно, дорогой мой товарищ. Печатно все верно. Только досадно слышать мне ответ сродни недалекому и посредственному чиновнику. Не зная вас лично, я бы так и подумал. Но вы работаете на ступеньках большой политики, а отвечаете мне, как ура-патриот из санитарного батальона. Но, кроме всего прочего, тем, кто не внизу, следует понимать цитату Великого Кормчего: «Полный беспорядок в Поднебесной ведет к всеобщему порядку». Очень, поясню вам, глубокомысленная фраза. Достойная больших умов. Не следует нам путаться в ее определениях и цели. Мы проводим ту политику, которую требует от нас партия. Мудрые цитаты Вечного точно направляют нас к великой цели и надо быть истинным китайцем и верным последователем товарища Мао, чтобы не плутать в столь простых, озаренных истинах. Думаю, вы погорячились, вверяя мне свои плакатные мысли о существовании отношений – и, я охотно допускаю, что наши стойкие кадры негативно относятся к иностранцам. Это естественно. Но время – бурный поток; – и мы должны силой своего ума, врожденной хитрости, выжидатель-

ности, уметь своих прямых и косвенных противников заставить служить нашим интересом. Это намного сокращает путь к цели, которым мы идем. Думаю, что в существе пропагандистской работы не лишним будет напомнить вам, что в политике существуют такие связи, которые пристегиваются к слову «будущее». Смыслом его мы и должны руководствоваться при определении наших негласных отношений с конкретными службами некоторых стран. Политика – та же девочка: сегодня глазки строит, а завтра фигу. И каждый раз с улыбочкой. Так вот, чтобы не чесать впоследствии потную лысину и не злиться на флиртующую подругу, надо всегда иметь при себе то, посредством чего можно заставить ее всегда быть благосклонной и покорной. Иначе. Иначе лучше прозябать на какой-нибудь другой работе. Бездарей политика не терпит. Слишком высокие ставки. Государственные. Из этого следует, что тот, кто стоит на трибуне, говорит толпе одно, а тот, кто под трибуной, делает все, чтобы подмостки власти были достаточно прочны, чтобы масса не роптала, не лезла валом на помост, не расшатывала утвержденные устои. Спецслужбы – это не просто шпионские гнезда с приличным окладом: это еще первый эшелон дипломатических отношений между странами. Для вас это не должно быть новостью. И, как следствие, не должно быть показной неприязни, вражды. Только игра. Игра умов: кто кого! В каждый момент качания политического маятника наши органы должны чутко среагировать и не терять времени для налаживания связей, которые у толковых начальников должны быть всегда. Вот здесь кроется мудрость нашей работы, и вашей, мой генерал. Но вы, я вижу, всячески стремитесь отдалить штаты. Они нам еще очень и очень пригодятся.

– Простите, товарищ начальник, но это для меня озадачивающее откровение, – просто вато схитрил генерал.

– Может быть. Я доверяю вам. Но, предлагая столь ответственное место, наверняка учитывали, что вы не простака. Поэтому вкратце закончу так; мы не должны иметь врагов. Скверно, когда кругом одни недруги. Не определить, откуда может быть нанесен первый удар. Но бить их нужно. Бить так, чтобы не подозревали. Иначе уже они набросятся всем скопом. А это, признайтесь, чревато...

– Да, да. Я вас прекрасно понял, – недвусмысленно, стараясь не возбуждать человечка, заверил генерал.

– Я верю в вас. Так что там у вас?

– Наши специалисты осторожничают. Не решаются уступать таких мастеров, какими исконно являются монахи.

– И чем они это обосновывают?

– Высшее искусство единоборства – монополия только нашей страны. Распространению ни под какими предлогами не подлежит.

– Чушь... Возня закостеневших умов. Они вербуют его в качестве агента, телохранителя. Тем более, что по данным, которыми я располагаю на сегодня, этот монах ограничен в развитии и еще там во всяком, что относится к жизни.

– Мне лично не попадались ограниченные монахи, – не желая того, поддел Теневого генерал.

– Вы подвергаете сомнению достоверность сведений, поступающих ко мне? Докажите, и я отправлю своих неуклюжих болванов на каторгу.

– Никак нет. Здесь они имеют именно те данные. Но надо еще знать самих монахов, чтобы умело толковать их данные. Поверьте, монахи дурачков обучать не будут. Не простая это наука – искусство рукопашного боя.

– Ну и что. В этом ремесле он преуспел, а в науках ни бум-бум. Как спортсмены. А этот к тому же профессионал.

– Профессионал, – с насмешливыми нотками сомнения произнес генерал. – Профи, они за деньги тренируются. А эти?

– Хм-м, новое в рассуждениях. Это уже достаточно подозрительно. Значит, закрытие и разгон монастырей имеет под собой определенную почву.

Генерал поднял брови. Неосторожно сделал шаг вперед,

– Но не будет ли тактическим просчетом преследовать буддийские и даосские святилища?

Маленький отмахнулся.

– Не будет.. Не ваша печаль. Это решено до нашего с вами разговора, не нами. Очищение морального состояния нации полностью совпадает с курсом и учением товарища Председателя против религии и прочих ревизионистских отклонений, гибельных поветрий отдельных групп и группировок. Заодно выбивается из-под ног почва у сохранившихся негласных сект и обществ.

– Но сами монастыри воинственных течений находятся далеко в стороне от известных оккультных центров. Трудно найти проводника, который бы согласился указать дорогу к нужным разбойничьим базам.

– Патриоты всегда найдутся, товарищ. Мы по ходу решим, какие храмы закрыть, какие оставить. Но, замечу вам откровенно, вы удивляете меня. Или возраст или положение дает вам право снисходительно относиться к обязанностям внутренней безопасности. Это не похоже на шефа спецотдела. Где решимость? Вам решать дополнительно возникающие трудности на пути указаний Великого Мао! Ведь тогда непонятно, для чего, собственно, вы находитесь на столь ответственном и высоком посту в репрессивном органе.

От брошенных с размаху слов генерал ссутулился, обмяк. Лицо побледнело, красные пятна раздражения проступили на лбу.

Теневой понял, что перебрал, и, затушевывая возникшее отчуждение, поскорее спросил:

– А Шао?

– Только Шао? – без прежней силы прошамкал генерал. – Против него нет ничего, что давало бы основание для ответных мер. И как подозрительное гнездо, не входит в поле зрения соответствующих отделов.

– Но опять же, то, что они воспитывают убийц, – я правильно выражаюсь, – да еще не ханской национальности, уже заслуживает быть наказанными.

– Если только так.

– В основном только так. Но, если они сумеют проявить понимание идей и курса Председателя, общих целей революции, дополняю: государственных и политических, – то в наших силах сохранить монастырь в его древней декорации. А воспитаннику нужно внушить, что тайны, принадлежащие народу, с которым он вырос, не должны распространяться. Он поймет, если не глуп. Если же его амбиции окажутся выше его возможностей, не думаю, что для ваших работников составит трудности убрать его, как не отвечающего интересам нации.

– Положительно можно предполагать, что при такой постановке вопроса они растеряют аргументы для обоснованного отказа.

В полумраке зловеще высветились улыбающиеся зубки человечка.

– Должны. И это втолковать в их скупые, неразборчивые головы надлежит вам. И американцев заодно потеряем в долларах. Игра стоит свеч. Она исключает потери с нашей стороны и одновременно входит в государственную задачу пополнения казны иностранной валютой. Так что отстаивайте себя, товарищ.

Глава третья

*Вот так и ты:
Палимый лютый
Тоской по Знанию,
Чист и смел.
Застигнут смертной минутой,
Отдай все то,
что ты имел.
Евгений Винокуров*

Скорые, по-кошачьи мягкие шаги на ступеньках деревянной крутой лестницы. Только притертый поскрип некоторых наиболее обветшалых досок.

Не меняя позы, настоятель выслушивал привратника. Состояние глубокой отрешенности сменилось настороженностью. Спокойное, ироничное лицо слегка искривилось при последних словах монастырской служки.

– Брат, проводи приезжих в боковую комнату встреч. К нужному времени я предстану пред ними.

Так же тихо при последнем слове привратник исчез.

Настоятель сидел на верхней площадке крыши пагоды, созерцал окружающее, думал о своем. После сообщенной новости спокойный ритм углубленных размышлений – чань – прервался.

Довольно скорый, неожиданный приезд американцев напомнил о первой встрече. Тогда, после разговора, он рассчитывал, что янки вторично не появятся. Путь из Пекина в монастырь не близкий, и если визит повторяется, то вряд ли они скоро отступятся. Что за этим скрывается? В каком слове истинный слог настырности янки?

В одиночестве, наедине с самим собой, настоятель давал волю резким переменам настроения. Его сухое, благое лицо кривилось вспышками гнева, если он находил в действиях янки намек на попрание монашеской суверенности, передергивалось страшной ухмылкой, которая постепенно переходила в сосредоточенное выражение.

И все же, старательного Споуна пробирал необъяснимый мандраж. Не боязливый, нет. Какой-то сторонний, нудный. В животе начинались склочные перемещения содержимого, несмотря на то, что он часов шесть-семь не ел. Что-то больно давило на стенки сосудов, бурлило.

Но он молодцом силился смотреть на монахов, остро чувствуя и их такой же пронзительный взгляд. Старался дословно следовать наставлениям полковника. Но как это было непросто. Майор видел перед собой лица, ровным счетом ничего не означавшие, одинаково скучные, неприятные своей сухостью, надменностью. Эти беспристрастные лица пугали его. Не мог никак решиться, с чего начать разговор, на что делать ставку. Голову пусто хладила отрешенность настороженного сидения.

А Большой Чемпион.. Нет, на него лучше не смотреть. Еще не так поймет. От него можно сорваться, растеряться, сойти на хрип.

Спокойнее. Успокойся. Ты – визитер. Никому не враг. Вот только эти глаза Вана. Или глаз? Один глаз. Или все же два? Сколько же у него глаз? Узкий, словно граница между светом и тьмой. А кажется два. Но ведь он одноглазый. Все говорят. Может, скрывает. Жук. Какое-то миражирование. Один глаз. Конечно, один. А может, два? Или смотрит, будто два. Нет, все же один. Раздваивающийся, проникающий. Разве с таким совладаешь. Что думаю? За моей

спиной Великая Америка. Первый народ. А я, как из малоизвестного островного племени. Чуть. Глупости. Я дипломат.

Меня трогать нельзя. Оскорблять тоже. Я американский подданный. Я...

Минуты шли. А он все пожимал плечами, да поглядывал то на своих младших офицеров, то на монахов.

Настоятель изредка наклонял голову, давая молчаливое согласие иностранцу начать разговор. Но после очередного кивка у Споуна еще более озадачилось лицо, пальцы бессмысленно теребили папку с бумагами.

Неизвестно, сколько еще длилось бы неловкое сидение, если бы настоятель сам не начал тихим, но твердым голосом:

– Мистер Споун, положение вас обязывает начинать не с молчания. Благодаря какой инициативе вы совершили столь длинный и нелегкий путь сюда, в сердце среднего Китая?

– Да, да, господин настоятель, – согласно кивнул майор. Он был рад неожиданной поддержке, – дороги в Китае ужасные. Как только вы ими пользуетесь?

– Довольно просто. Ходим пешком, – сухо ответил настоятель. Он не был склонен поддерживать разговор на лишнюю для него тему.

Споун понял намек, но не желал упускать нить.

– Мы потеряли несколько человек. Не могу назвать другой страны, где бы подобное по своей реальности близко подходило к здешней действительности.

Ничего не изменилось в лице монаха. Будто не слышал, от кого прозвучали слова. Но он также тихо и убедительно пояснил:

– Что делать, не любят у нас иностранцев, особенно на машинах, особенно на военных, особенно не приглашенных.

Узкие щелки глаз без интереса продолжали смотреть мимо американцев.

Маккинрой, видя нервную нерешительность майора, решил вселить уверенность в подавленного Споуна.

– При первом знакомстве кто-то должен приходиться первым. Как знать, может это зачатки больших и полезных отношений между поистине великими державами.

– Поднебесная облагораживает свое многочисленное одиночество и, по возможности, защищает свою прихоть.

Эксперт уловил неприязнь, но решил не идти на попятный.

– Все же для тех, в кого стреляют, мотив не становится яснее от видимой предвзятости.

Лица монахов растянула язвительная гримаса. Она хмурила Споуна, но никак не Маккинроя.

Споун проклинал свою неловкость. Но, стараясь сразу смотреть на всех, заговорил:

– Господин Дэ в прошлый раз мы остановились на том, что вы сможете уступить нам воспитанника, если для этого созреют условия. Наше руководство твердо намерено увеличить сумму вознаграждения за него до цифры, названной вами.

– Мистер Споун, прошлое не относится к настоящему, каким бы убеждающим оно ни было.

Майор подавленно уставился мимо монахов. Остальные офицеры непонимающе молчали. Маккинрой покусывал губы.

– Уважаемый господин Дэ, я офицер, выполняю приказ. Я не могу уехать от вас, не получив хоть какого-то утвердительного знака. Меня будут до тех пор присылать сюда, и если не меня, то другого, пока вопрос не найдет ответа. Мне остается выполнять приказ моих боссов и лишней раз отвлекать вас от ваших насущных дел. Поверьте мне, лично я никогда бы к вам не совался.

Приходилось верить любезной физиономии Споуна.

– Охотно одобряю вашу откровенность, – кивнул настоятель.

– Вот-вот, почтеннейший господин Дэ, полмиллиона долларов за мальчика. Устраивает вас такая сумма? Если вы считаете, что мне не подобает так мелко предлагать, то назовите сумму, устраивающую вас. Уверен, наше руководство благосклонно отнесется к вашим требованиям.

– Мне нечего вам ответить, мистер Споун, кроме того, что я говорил ранее.

– Да, – помог майору эксперт, – нерезонно отказываться от гонорара. Ваша страна не богата. Правительство монастыря не субсидирует. Наши деньги для вас большое подспорье в вашей же деятельности. Господин настоятель, мы просим у вас одного человека. Мы не претендуем на ребят китайского происхождения. Ваши воспитанники – ваша гордость, ваше будущее. А русский? К чему он вам? За него мы предлагаем очень большие деньги. Вы сможете подготовить новых ребят, имея такие средства.

– Гладко говорите, если не ошибаюсь, мистер Маккинрой. – Эксперт кивнул. – А вы попробуйте что-нибудь разглядеть в пятилетних малышах, что из кого получится.

– Резонно, но не понимаю, зачем держать так крепко в монастыре европейца. Никаких дивидендов с него вы не снимете. Он мертворожденный для Китая.

– Мы не собираем дивидендов, мистер Маккинрой. Во-вторых, он китаец русского происхождения. И старайтесь помнить сказанное мною раньше.

– Я хорошо помню, – твердо изрек эксперт, – и не вижу серьезных причин повторять так упорно известное вам и нам. Недальновидно вы поступаете, отказываясь от очень выгодного для вас предложения.

– Ну насколько – решать нам.

Внимание монахов незаметно переместилось с поникшего Споуна на уверенного Маккинроя. Их пронзительные глазки недобро ощупывали эксперта.

– На что вам русский? – продолжал настаивать Маккинрой. – Научите вы его, вырастет он и растворится в толпе, ничего не показав и никому в жизни не послужив. Не изведав ни радости, ни печали, ни простого житейского удовлетворения.

Глазки монахов тускло отсвечивали на каждое слово.

– Мистер Маккинрой, у каждого свое понятие счастья и сущности жизни. Мне, как человеку, немало пожившему и много передумавшему, искренне жаль вас. Ваша плотская слабость, которая со временем переходит во вредную для общества болезнь безмерного удовлетворения никчемной плоти, мешает не только совершенствованию человека, но и сдерживает эволюцию общества в целом. Поэтому мне, даже при желании, трудно помочь вам, так как в руки растления и общего упадка своих воспитанников давать я не намерен.

– Расчетливо сказано, но не доказано. И все же зачем он вам? Пустой балласт. Не лучше ли деньги?

Кто знает, не будут ли ваши ученики в будущем вашими же врагами. А это, признайтесь, нередкое явление в ваших странах.

– Мистер, вы претендуете на неплохое знание внутренней действительности.

Эксперт деликатно кивнул.

– Вы живете затворной жизнью и, наверное, потому думаете, что знание местной действительности ведомо только вам. Жизнь не утаишь. Все, что когда-то представляло привилегию немногих, постепенно является перед взором мировой общественности.

До этого отрешенный сквозной взгляд настоятеля, прощупывавший пространство за спиной американца, переместился на эксперта. Последнее резюме, видно, его очень заинтересовало. И оно точно передавало не случайный интерес иностранцев.

Рядом сидящие тоже настроились, глубоко перебирая услышанное. Только Ван, сидевший немного поодаль, в стороне, продолжал безучастно покачиваться. Мозолистые костяшки пальцев монотонно постукивали по утрамбованной земле.

Настоятель медленно обвел взглядом младших офицеров. По их сонным ромам определил: они непричастны к словам Маккинроя.

– Тот мальчик, которого вы так назойливо запрашиваете, предлагая нереальные для нас суммы, не может быть переведен в другое место по существенным причинам. Одна из них та, что он не пригоден к жизни за стенами святыни, незнаком с нею. Второе: он подрастающая гордость монастыря. Готовится к соревнованиям среди молодых. Мы не можем уступить свои позиции.

Настоятель показал рукой на сидящих схимников. Те согласно кивнули.

– Они изъездили весь Китай, присутствовали на многих соревнованиях. Несмотря на то, что наш опекун будет самым молодым среди участников, он выиграет. Для каждой школы самый настоящий и действенный дивиденд – это чемпион, живущий в ее стенах.

Маккинрой был весь внимание. И теперь готов был к новой атаке. Похоже, нашупано уязвимое место у монахов.

Он учтиво, с оттенком укора, галантно заговорил:

– Насколько мне известно, господа, китайцы не допустят к внутренним соревнованиям представителей иной расы. Уважаемый Дэ и вы, господа служители, не мне напоминать то, что вы прекрасно знаете и без меня. Я заинтригован вашим парнем, и не будет угодничеством, если скажу, что я на его стороне. Так вот, разрешите мне предупредить от своего имени, что в дальнейшем жизнь юноши может оказаться под угрозой. Прошу прощения за некоторую указуемость, но Америка здесь уже ни при чем. Это ваш устоявшийся внутренний порядок. Русский не будет допущен к соревнованиям. Он у вас враг под номером один. Я сторонний наблюдатель, и то никогда не решился бы ни подобный шаг. К трону Поднебесной патриархи Китая никогда не допустят мастера иной национальности, какими словами ни прикрывайся, и будь он семи и пядей во лбу.

Глаза монахов сузились до лезвия бритвы. От неподвижных лиц веяло холодом и скрытой угрозой.

Маккинрой был атакующей стороной. Он старался найти в них тень растерянности, замешательства. Понимал, что загоняет в угол, надеялся выявить на сухих лицах смущение, растерянность. Но те холодно буравили зрачками пространство, вбирая в себя сказанное американцем.

– Я знаю, много препятствий на нашем пути, но верую: разум возьмет верх, – также спокойно, как и сидел, изрек настоятель.

– Когда-нибудь, но не сейчас и не в ближайшее время, – примирительно согласился Маккинрой. Он видел: настоятелю нечем крыть. – При нынешнем нелегком материальном положении Китая деньги, предлагаемые вам, – очень сильное подспорье.

– Для вас деньги все. Для нас же искуснейший боец значит много больше. Наши традиции – наша жизнь.

– Но он еще в стадии обучения, – нетерпеливо, как бы сердясь на служителей, словно на упрямых мальчишек, информировал эксперт.

– В конечной стадии, – с прежней невозмутимостью уточнил настоятель.

– Хорошо, почтенный Дэ, вы упорны, непонятны. Семьсот тысяч за молодого, неискушенного в жизни парнишку. А? Семьсот тысяч! Какие значительные перспективы открываются у вас в будущем. Каких высот может достигнуть ваша обитель. А у нас он будет только агентом, связным. И то недолго.

– А у меня он будет чемпионом, – не унимался в своей идее монах.

– Наивность. Простая наивность. Необоснованная, неподтвержденная. В мире можно быть чемпионом, но только не в Китае. Вы его изначально обрекаете на гибель. Поймите, уважаемый Дэ: у вас же холодная голова, трезвый ум. Не той крови он. Не той. Разум здесь не совладевает с предрассудками. Шовинизм вашей страны не менее, чем в Германии. А то, что

испокон веков является монополией только Китая, ни под каким предлогом и никогда еще добровольно не отдавалось. И это уже ваша исконная черта.

– Не напоминайте мне, пожалуйста, негативные штрихи моей страны. Они не всегда будут доминировать в жизни, – холод начинал сквозить в слове настоятеля.

– Простите, почтенный отец, это у меня от того, что за мальчишку я начинаю просить, как за своего подопечного. Кому, как не вам, знать положение, бытующее в ваших провинциях.

Сейчас уже настоятель подозрительно косил на эксперта.

– Послушать вас, получается, что я толкаю своего воспитанника на гибель. А вы, его защитник, всячески пытаетесь воспрепятствовать нашему роковому шагу.

– Да-да, господин настоятель, выходит, так оно и получается. Даже преступники предпочитают охотно отсиживать свое, чем попадать под нейтрализацию своих дружков или противников.

Глаза настоятеля снова безучастны.

– Отметьте, мне шестьдесят шестой год. О чем могут думать в уединении люди моего возраста, размышляя над жизнью? Фактически это растянутая граница предела активной человеческой жизни. Пусть человек проживет еще двести, двести пятьдесят лет, но он уже никогда не будет строить долгосрочных планов. Надеюсь, вам понятно, что в таком возрасте, в любой достопочтимый момент бытия и по различным, часто не зависящим от нас причинам, человек очень легко отходит в мир иной. Не так ли, мистер Маккинрой?

– Так, тем более, что не каждый надеется дожить не то что до названных вами годов, но и просто до преклонного возраста. Но мне становится понятно ваше лирическое отступление.

– Ну, не столько лирическое, сколько прозаическое, – голос служителя стал растянутым, усыпляющим. – Мне шестьдесят шесть – черта, черта, от которой все чаще холодок темноты сжимает сознание. А ведь прикинуть: всего лишь шестьдесят шесть. Как неуловимо, странно устроено подсознание человека. Что приостанавливает мерное, удовлетворенное течение жизни? Какие сигналы исходят, предупреждая, что близка твоя переломная черта, отделяющая счастье бытия от вечного покоя. Неужели разум подает сигналы, чтобы ты поспешил, если еще не все сделал в своей жизни, неужели он кричит внутренней сутью, вызывая тебя к действию, не позволяя транжирить попусту отпущенное тебе время. И это при всем том, что по своим возможностям живое существо может жить не менее двухсот лет. Не менее. Как мы нерасчетливо мнем и треплем нашу жизнь в буйной молодости, глядим свысока вдаль, которой боимся, не принуждая себя дорожить настоящим. Потом одинаково скорбим, что дни иссякают и что не продлится век наш более, чем у других. Приходит время и каждый, кто чем-то серьезно был занят в жизни, делает аккордный шаг в своем бытии. Да, я посвятил свою жизнь изучению и совершенствованию системы У-шу. Как патриарх наш, который не присутствует сегодня, и как славный Ван, который кроме всего прочего достиг уважительных побед. Одновременно готовил учеников-последователей. Почему в нашем монастыре только сироты? Только с одной целью дальнейшего развития искусства единоборства. Политика, так полонившая души людей, авантюризм, интриганство, с помощью которого добиваются для себя в жизни многих привилегий, у нас исключены. Большая общая цель не оставляет поводов для низменных вожделиний. Люди отошли от зверей тогда, когда им мало стало быть просто сытыми. Нелегко пятнадцать лет учить и воспитывать человека. Ребят, которые не выдерживают, не усваивают нашу науку, мы отсылаем в родственные монастыри. Сирот больше некуда девать. Не могу сейчас ответить, почему судьба уготовила именно его. Не китайского, скажем, маньчжурского или пусть корейского происхождения. Но, как видите, мне шестьдесят шесть. Смогу ли я, хватит ли мне времени, да и встречу ли другого способного ребенка. Второй раз выложить душу не дано никому. Да и кто знает, на каком слове остановится моя молитва.

– Как не понять вас, мудрый Дэ. Но давайте еще раз проанализируем реальность. Вы много вложили в русского. Много сейчас ставите в планах на него. Но если не отодвигать саму

китайскую действительность за ширму наивной близорукости, без предложений и увещеваний, то придется осознать тот факт, что все приготовления его как будущего бойца-чемпиона губительны для него. Это простая констатация неопровержимого. Мне хорошо известен китайский шовинизм, национализм. Ему нет равных в мире, как бы ни кричали о себе немцы или евреи. Вы все равно стоите впереди них. Обособленность как нации, это у вас непреложно во всех поступках. Стратегия и тактика на любом уровне человеческих и межгосударственных отношений. Берусь даже рассмотреть вопрос дальше, с той позиции, что многое может иметь удачное продолжение. Например, произойдет маловероятное, и ваш воспитанник будет допущен к соревнованиям. Он победит, как вы утверждаете. Его первое место на турнире будет равносильно подписанию смертного приговора себе. И вы, уважаемый Дэ, будете не косвенным виновником его гибели. Ему не дадут продолжить карьеру чемпиона. Трудно припомнить, сколько чемпионов Китая дожило до старости.

Настоятель молча показал на сидевшего поодаль дремавшего Вана.

– Это единственный, – соглашаясь, не отступал эксперт, – уникальный случай, вызывающий восхищение той волей и собранностью, а главное, целью, которую имел перед собой Большой Чемпион. Но в вашей истории некороткий список граждан, имевших высшее звание. Где они? – Маккинрой знающе выпрямился. – Те чемпионы все китайского происхождения, и все равно, мало кого миновал нож или стрела, если они только раньше не оставляли трон вакантным. А ваш воспитанник будет как травинка на шквальном ветру. А ветер тот состоять будет из холодного оружия, применением которого так богата ваша страна. Против него ополчатся все, без исключения, школы и секции Китая. Все. Ваши союзники самое большее, что смогут сделать, это остаться нейтральными. Ваш авторитет, популярность Вана не уберегут его. Только усугубят положение. Он падет, как пали многие до него: сильные, опытные, имевшие корни в своей же стране. Убьют его. Убьют, как убивали многих, кто не умел лавировать между жизненными реальными ситуациями.

Не теряя внешнего спокойствия, самообладания, настоятель глубокомысленно уточнил:

– Он должен уметь защитить себя, иначе какой он чемпион.

Легкомысленная наивность, пагубная, ничем не подкрепленная, – махнул рукой Маккинрой. Его стало тяготить необъяснимое упрямство настоятеля. – Можно противостоять группе, толпе, но не массе. Вы не убережете его. Реалии вашего Китая более жестоки, чем наши, американские. А у нас? Через три-четыре года он вернется к нам. В России дольше нельзя продержаться. В любом случае там он будет в большей безопасности, чем здесь. А Китай для него не родина – мачеха. Мачеха с чужими сыновьями, братьями. Каждый из местных рад будет при случае убрать его. Это отвечает интересам нации.

Монах наклонил голову, давая знать, чтобы американец приостановил свою бесконечную тираду.

– Все было бы проще, если бы начало было простое и замыслы не те. – Дэ опустил свои глаза. Но казалось, будто он сквозь прикрытые веки пристально изучает сидящих. – Когда отшельники нашего монастыря принесли мальчонку немногим более двух лет от роду, я наблюдал, как он сидел в углу кельи. Ни к кому не тянулся, ни на кого не смотрел. Был он маленький, беспомощный, но так неподдельно силен своей детской независимостью, что я пришел в осмысленное возбуждение от того, каким может быть человек, если он представлен самому себе, если он существует своим, пусть маленьким, но ни от кого не зависящим и никому не подчиняющимся миром. Родители его умерли на руках монахов, которые принесли его в монастырь. Представляете!.. – глаза настоятеля восхищенно расширились. – Перед вами ничто. Но оно в такой степени гордое, ни к кому не льнущее, от всех отталкивающееся, что невольно воспринимаешь ту сверхъестественную мощь, которой существует это дитя, – голос священнослужителя высылся монотонной гаммой. Торжественный ритм продолжался с тем же упоением. – Вот тогда у меня и зародилось. Я поверил в свою заветную цель: вырастить человека,

достойного называться этим великим словом. Добавить к жизненной тверди физической уверенности, которой обладают наши великие мастера. Появится человек, близко отвечающий требованиям настоящего разумного интеллекта.

А вы хотите приобщить его к службе низкой и подлой, вылепить из неокрепшей души шпиона, не зная человека, его внутреннего мира, его чаяний, просто используя покорные полезные качества. Не сделка ли это с моей непрощающей совестью? Кто я буду? Чем покроются мои седины?

Вы должны понять, мистер, зная, что человеку, у которого изъято детство в том понимании, которое имеет каждый из нас, при мысли, что и жизнь у него пойдет не своя, приказная, мне становится горько, думается, что и я не своей жизнью живу, выполняю чью-то скаредную волю. Деяния мои упираются в какую-то стену, которую не вижу, не предчувствую.

У Маккинроя что-то сжало внутри. Трудно было представить, что такая жесткая аскетическая натура, какую с детства воспитывают монахи, может звучать глубокими сентиментальными аккордами.

– Мы, Дэ, всю жизнь ходим вдоль невидимой запретной зоны-стены, во многом мешающей нам жить так, как хотелось бы. Куда она ведет? Кому дано ответить на извечный для человека вопрос?

– Знали бы вы, чего мне стоило решиться воспитывать ребенка в стороне от людей, от сверстников.

– Но совсем понимаю вас, – осторожно вставил эксперт, подобное воспитание замедляет развитие.

– В какой-то степени да. До двенадцати лет мальчик был фактически изолирован от сверстников и посторонних. Он знал пять человек, которые его обучали. Через них познавал мир. Его психика, мышление, сохранили чистоту родниковой воды, личностный оттенок. Четырнадцать лет – это возраст, когда можно обучать человека, но не воспитывать. Далее им занимается только жизнь.

Представьте теперь молодого человека двадцати двух лет, который имеет свои вполне богатые жизненные концепции, приобретения. Если приходится обучать такого, то обучение и воспитание его в духе бойца представляет немалые трудности. И учтите, только к сорока годом это будет боец, которого столь долго готовили. Но это, к вящей правде, возраст зрелого мышления. Человека влечет не столько к риску, опасности, романтике нового, сколько к осмысливанию философской, психологической трактовки единоборства. Вот здесь и нарушается понятие единства теории и практики. Сила, убедительность истинных понятий возможного и происходящего. Определения, взгляды ученика будут ошибочны по своей природе, так как волею судьбы он будет лишен схваток, где лезвие смерти выступает со сжимающей душу отчетливостью. Но, если обучаемый не проходит по грани существа двух миров, то и представление материальности жизни и смерти будет искаженным, не истинным. Близким к понятию живущих обыкновенной мирской сутью. А ведь многие озарения приходят на грани существующего. Ведь цель наша, конечная, не столько обучение искусству единоборства со всевозможным оружием, сколько обретение одухотворенного спокойствия, трезвой мысли в самых неожиданных, по-настоящему опасных ситуациях. Воспитание мудреца и философа. Эти догмы – непреходящее условие всего курса обучения.

– Уважаемый учитель, объяснили вы очень неординарно. Но и после сказанного считаю уместным настаивать на прежней просьбе. – Тень признательности отразилась на лице эксперта. Он потер руки об штаны. – Поверьте мне, моему достаточному опыту. Здесь, в монополизируемом Китае, ему места не найдется. И никто, кроме вас, Вана, сожалеть не будет. Ваша специальность имеет такой узкий круг избранных, что сжиться с ними практически невозможно.

– А я почему-то всю жизнь верю в то, что люди смогут понять, смогут понимать. Верю в разум.

– Благое пожелание. Светлая наивность. Но она не защищена. – Настоятель поморщился, но не перебивал. – Вообще, желаемое может быть, если противоборствующие стороны равны по силам и к тому же согласны. Если нет – война. В Китае, убежден, примирение произойдет не скоро.

Дэ пожал плечами. Лицо его снова обрело восковой оттенок. Он поклонился:

– Я оставляю вас на некоторое время. Мне полезно было с вами познакомиться и как с компетентным собеседником, и как с толковым представителем нации, которая смело теряет авторитет, не заботясь о своем будущем. Вы мне многое напомнили, о чем я перестал задумываться.

– Минуту, почтенный Дэ, если не секрет, чем сейчас занят воспитанник и можно ли увидеть его со стороны?

Маккинрой ожидал услышать уклончивый ответ, но гордый монах только мягким жестом попросил следовать за ним.

Они прошли узкий коридорчик, зашли в небольшую комнату. В стене искусная щель, равномерно замаскированная общей потертостью и неопрятностью поверхности. На нее и указал настоятель.

Маккинрой пригнулся, посмотрел. Нетерпеливый Споун также сунулся к щели. На внутреннем дворике, плотно и чисто утрамбованном, несколько молодых послушников сидели полукругом недалеко от пропасти и наблюдали, как их товарищ передвигался при помощи бамбуковой палки по двум длинным параллельным бревнам, косо вкопанным в землю с одной стороны и наклонно нависшими частью своей длины над ущельем.

У Маккинроя и Споуна дух перехватило от неожиданности.

В бревнах на небольших расстояниях друг от друга виднелись торчащие палочки с небольшими закругленными шляпками. Упражнение было довольно примитивным, но утомительным и опасным: ученик подтягивался на палке, как на турнике, длинными пальцами держась у самых ее краев, рывком перебрасывал один или одновременно два края на следующие, ближе к пропасти зацепы. Задание: добраться до вершины этого довольно уникального гимнастического сооружения. Если послушник, теряя силы или по небрежности, цеплял палкой шляпку, проваливались все зацепы, и неудачник ехал вниз, если не мог каким-либо образом притормозить. Затем начинал заново карабкаться вверх, но уже далеко не с той силой и энергией.

Маккинроя и сопровождавших захватило это зрелище: они со спортивной страстью и пробирающим трепетом наблюдали.

Выбившиеся из сил ученики покидали снаряд, презрительно окидывая взглядом вздыбившиеся бревна, неподатливые их крепким рукам.

Эксперт жадно запоминал лица учеников, местность, скудность и суровостью способствующую настрою на выполнение опасных упражнений.

Американец в такой степени вошел в азарт болельщика, что не сразу отметил про себя паренька, отличающегося внешностью от прочих азиатов. Он был светлее, более дик взглядом, но с необъяснимо мягкими движениями для такой внешности. Несоответствие выражения лица и тела смутило эксперта. По спине противно поползли мурашки. Он оглянулся. Споун вытирал лицо платком, гадко сплевывал:

– Что за мерзкий тип? Это не русский, это крашенный какой-то!

– Это и есть требуемый вами человек, – учтиво прошамкал монах.

– Пренеприятнейший кадр! Готовый киллер. Не верится мне, что это русский. Я их видел живыми, жил с ними – они не такие. Не верится мне.

– Второго иностранца у нас нет.

– За что платим? Вы посмотрите, – обиженно, уже к Маккинрою обратился майор. – Ну и товарищ. Что вы думает, эксперт?

Маккинрой усмехнулся.

– Таким, приблизительно, я и представлял его. Но присматриваться надо. Там видно будет. Хотя впечатление, будто на подборе трупов работает.

– Харя неустрашимая. Чем ты его проймешь? Стоит ли нам так настаивать на нем? Дин-стону теперь совсем другую картину распишу.

Послушник тем временем старательно преодолевал ступени подъема. Он держался за палку только мышцами рук. Оставалось несколько зацепов. Эксперт даже представил, как монах этим же путем спустится обратно. Но тут неожиданно выступы одновременно вошли в бревна. Ученик заскользил по наклонной вниз. Маккинрой удивился: парнишка очень аккуратно проходил снаряд. Не было заметно, чтобы он зацепил шляпки. Но монах резким движением вскинул тело вверх-вперед, обхватил бревна ногами изнутри. Выгнулся, выпрямился, уже сидя на бревнах, пронес свою палку вперед. Зацепы медленно вышли из потайных ямок. Еще несколько движений – тело повисло над устрашающей пропастью – вершина достигнута. Теперь, более спокойно, тем же путем спустился обратно.

Ничто не изменилось в его облике. Ни всплеска радости, ни удовлетворения.

– Смышленный, – ни к кому не обращаясь, проговорил Маккинрой.

– Похоже. Серьезно подходит к каждому упражнению, будто главному в жизни, – кивнул и как-то слезно зашелся Дэ. – Малая заполняемость опытом, отношением с живыми, небольшой объем памяти возвеличивает каждое препятствие неодушевленного характера. С предметами способен тягаться. А вот люди? Для него это сплошное белое пятно. Сможет ли совладать с их хитродействием?

– Если будет жить среди людей, сможет. Иначе... Сухой лист отпадает.

– Веско. Прошу прощения, я вас оставлю на время.

Дверь закрылась. Четверо монахов разошлись по углам. Лица неподвижно застыли, и только легкое посапывание, изредка нарушавшее могильную тишину кельи, напоминало о жизни.

Они находились на втором этаже обители. Четвертым был Коу Кусин, или «Карающий Глаз Истины». Острый всплескивающий взгляд его постоянно ощупывал одно место в пространстве, с которым он как бы негласно общался.

– Что ты сможешь дополнить к известному? – обратился патриарх к Коу Кусину.

– Пока меня увлекает только настойчивость янки. В Пекине творится полный хаос, беспорядок. Развитие культурной революции перерастает в обыкновенный шабаш и дезорганизацию. Иностранцам живется сейчас очень несладко. При случае и без случая толпа избивает их, шпыняет, заплевывает. А вот американцам это как будто бы не помеха. Маккинрой? – здесь «Карающий Глаз» пожал плечами, нашел другую точку в воздухе. – Этот из торгового представительства. Обыкновенный чинуша. Неплохо знает порядки в нашей стране. Но сейчас мне представляется, что он немного больше, чем чиновник, и больше, чем капитан по удостоверению.

Вполне может, что его, как знатока Китая, прислали в помощь Споуну.

– Но он не был бы так нажимист.

– Да, все их действия не просты.

Патриарх посмотрел на настоятеля, но его перебил Ван:

– Все равно не так нужно разговаривать с янки, – выпрямился – каждое слово должно бить их, показывать кто они, а кто мы. Они наглеют после каждой фразы – мы шаркаемся беззубо перед ними, будто они наши наставники. Купец этот совсем бояться перестал.

Лицо Вана кривилось от сдержанной злобы. На руках бугристо вздувались вены. Пальцы в нетерпении подрагивали. Сквозь сухую бледноватую кожу проступали неправдоподобной

величины сухожилия. Они шевелились, выпячивались, словно готовые к нападению змеи. В них по-настоящему предрекалась смертельная схватка.

– Успокойся, Ван, всему свое время. Пусть янки сластятся в своей купели. Нам ли учиться выжидать, – патриарх одобрительно кивнул словам настоятеля. Дэ, размышляя, продолжил: – Мы неплохо утомили друг друга. Через словоохотливого эксперта я стремился точнее выведать всю подоплеку этих странно санкционированных поездок. Ведь разрешение на передвижение по стране не так-то легко получить. Капитан прав: они имеют влиятельные силы. Но и подозрительно: с их имеющимися возможностями стремление к незначительным прибавкам. ЦРУ слишком могущественно, чтобы утруждать себя приобретением какого-то неизвестного монаха. Но каков он сам, а? Точно указывает причины, под впечатлением которых мы не имеем прежней силы препятствовать соглашению. Силен. Знает, чем живут наши власть имущие. Если через них начнет действовать, то в наши головы могут полететь увесистые палки.

В дверь постучали. Вошел привратник, поклонился.

– Офицер из Пекина прибыл. Желает немедленно видеть.

Священнослужители непонимающе переглянулись.

– Янки не дремлют. Катают шары по всевозможным каналам, – злобно прошипел Ван.

– Если зацепили наши службы, ним ничего не останется, – наставительно изрек патриарх. – Чтобы не выглядеть теперь подозрительно самим, придется давить на доллары и готовиться...

Он не договорил, но по глазам монахов видел, что поняли его однозначно.

– Проведи офицера в дальнюю келью. Дэ поговорит с ним. Янки не должны видеть его.

Века ожиданья того и сего...

Тоска ожиданья – сильнее всего

С рожденья до смерти мы все в ее власти.

С рожденья до смерти мы ждем свое счастье.

И ждем свое счастье и рвемся на части.

С рожденья до смерти имея его.

Бахтияр Вагаб-заде

Три низких поклона.

– День добрый, почтенный отец. Как здоровье ваше, ваших друзей? Как обстоят дела? Давно вас не видел. Наверное, накопились какие-нибудь вопросы?

Дэ скупно улыбнулся.

– Добрый вечер, уважаемый Вэн. У нас и дела идут, и время не стоит. Где только та дыра, куда все валится? Только взрослеем и глупеем.

– О, если кто и меняется, то только не вы, не монахи. Время вас не берет. Недаром такие карманы глубокие, потайные. Вот где минуты про запас держите. Есть у вас час и посидеть, и побурчать на человечка. Здесь вас не обойдешь. Но я думаю, как все мирские: не стоит ломать голову над тем, должен ты существовать или нет. Вопрос решенный: раз ты есть, значит нужен. Вот только кому и как использовать то, что имеешь и что можешь. Вот это вопрос вопросов.

– Э-э, уважаемый, не приписывайте мне только то, что я привираю в полемике. Слишком я люблю грешного человека, чтобы так о нем отзываться.

– Ну об этом можно и не говорить. Ваши мысли становятся ясны, когда потолкуешь на тему: «Человек – вместилище пороков, а пороки – продукт творческого разума».

Майор по-ребячески хохотнул. Настоятель кивнул. Он знал этого офицера: еще с прежних времен сохранились деловые связи, и никто не стремился их нарушить.

– Значит, я так прост, что мои сокровенные мысли проникают в соседские головы. Человек – дитя природы и в своем бытии недалеко отошел от зверя дикого. Неужели у меня не получается иносказательно? – грустно запаясничал Дэ.

– А может, именно ясны своей глубиной. Для тех, конечно, кто желает понять. Не скорбствуйте зазря, уважаемый учитель, тема головоломная.

– Ну да ладно, уважаемый Вэн, тема вольная, но, кроме общего недоразумения, ничего не привносит. Что же занесло вас в нашу тихую обитель, поддерживаемую духами да подаяниями мирян? Вы очень занятой человек. Особенно в теперешнее время. Хотелось бы знать, что творится в столице?

– Хм, на это не скоро смогут ответить даже историки. Я слишком маленькая пегая птичка. Служу тем, кто правит. Вот если бы весь Китай охранялся такими духами, которых воспитываете вы, то Срединная по-настоящему была бы непобедима, больше существовало бы порядка на ее территории.

Майор Вэн, с лицом ближе к монгольскому, непомерно узкими глазами, вечно блуждающей улыбкой при разговоре довольно часто кланялся. В беседах часто шутил, выдавливал немало сарказма.

Продолжая загадочно улыбаться и кланяться, Вэн пояснил:

– Если мы, занятые люди, несем натруженными ногами свои не спокойные головы в такой малолюдный и неинтересный район, как ваш. Значит, центр служебной деятельности переносится в Шао.

– Огорчительные откровения для спокойствия вседержителя, – невесело пробубнил Дэ.

В помещении они находились вдвоем. Старейшины и Коу Кусин расположились в верхней низенькой комнатке, где была превосходная акустика, так как более половины потолка составляла плотно натянутая бумага.

– Значит, пора нам, наверное, присваивать звания. Для вас это ничто, а к нам меньше разномастных путников заворачивать будут в личных интересах.

– А что? Кто знает. Вполне возможно, что за некоторые услуги генерал предложит чин. Была бы польза.

Лукавые глазки майора весело светились. Представлялось, что он приехал к настоятелю потрепаться, отвести душу. После очередной фразы помолчал. Сосредоточился и, как бы извиняясь перед священнослужителем, заговорил:

– В отделе создалось довольно неловкое положение. Американские официальные лица обратились к нам с просьбой о содействии в заключении соглашения на одного из ваших послушников. Но занимательно то, что по неизвестной причине генерал, вначале не обращавший внимания на янки, вдруг засуетился. Чего я и пригнал сюда на перекладных. Он хочет знать, в какой стадии проходят переговоры и основную цель янки. Нет ли каких оригинальных идей в ваших нестандартных головах?

Дэ сидел, вращал небольшую бамбуковую палочку в руках. Лицо его не изменило доброжелательного выражения, но пальцы жестче вцепились в дерево.

– Не ожидал я, что янки так скоро наступят на вас! Их торопливая настойчивость в немалой степени настораживает меня. Шесть дней прошло с начала первого визита, а в известность поставлены и вы, и, по-видимому, кто-то там повыше. На второй вопрос я тоже хотел бы знать ответ. Янки не придают большого значения камуфлированию своих секретов, но довольно странно распоряжаются людьми. Им ведь лучше нашего ясно, что Споун не способен вести длинные напряженные переговоры. Но присылают его. Не людьми ли они прикрывают свои истинные намерения? На поверхность выплыло новое лицо, как бы ни связанное с общей идеей, но его подготовка и, как утверждают, возможности гораздо шире обыкновенного торгового чиновника.

Повинуясь своей привычке, майор наклонился вперед.

– Когда в последний раз вы разговаривали с ними?
– Несколько минут назад, Вэн оторопел:
– Они здесь? Они опередили меня?
– Сейчас они занимаются анкетными данными ученика.
– Почему я не заметил следов машин? Да и сами автомобили, где стоят?
– Немудрено. Их хлопотно потрепали в прошлый раз. Теперь они маскируются и принимают меры необходимой обороны.

– Да, иностранцы сегодня вынуждены крепче закрывать свои ставни. Народ распоясался, зуботычины дает направо и налево. Но это и хорошо, уважать будут. И то, что они у вас, тоже хорошо. Посмотрю со стороны на них. А вы, задумчивый Дэ, как отнесетесь к возможности за деньги, временно, предоставить им человечка?

– Отрицательно. В следующий раз у янки меньше будет шансов топтать заповедные места наших предков. Я не предполагал, что они сунутся сюда вторично.

Майор примиряюще развел руками:

– Уважаемый Дэ, опять вы впадаете в крайность. Не торопитесь. Подумайте о Китае. Второго случая может не представиться. Мы имеем надежную возможность разыграть с американцами лишнего.

– А кто этот лишний? – помрачнел настоятель.

– Как кто? – не ослабляя юморного тона, переспросил Вэн. – Что для нас иностранцы? Дети родные? Чужая кровь. Нам с ними не жить, – но увидав, как потемнело лицо монаха, осекся и спросил:

– Если у вас имеется иное мнение, почтенный учитель, скажите. Вопрос будет решаться к взаимовыгодной стороне дела. Хочу ввести вас в курс тех обстоятельств, что сложились в верхах. И скажу без предисловий: кое-чем придется поступиться. Но я уверен, мы найдем решение, удовлетворяющее всех нас. Американцы шустры, имеют рычаги скрытых пружин. А там мы не можем сказать нет. Власть. Но дело не обстоит так мрачно, как думается. Янки просят человека на два-три года для обучения. По первым наметкам, это будет на территории Кореи. Кстати, это наше условие. А потом в России. Сколько там будет, менее известно, но ответственный уверяет: не более двух лет. Так вот, мы кое-что придумали. Нам пригодится свой человек у янки. Он сможет передать методы подготовки агентуры, достижения шпионской науки. Здесь мы отстали. Глупо с нашей стороны отказываться от столь выгодного варианта.

Лик настоятеля был отрешен и далек. Вэн даже не уловил, слушал его Дэ или нет. Но, услышав приглушенный голос, успокоился.

– Мы не должны его терять.

– Не беспокойтесь, уважаемый Дэ, все вопросы страховки будут отрепетированы совместно.

– Подозрительно все, ненадежно, неизвестно, – с сердцем выдал монах. – По каким-то одним им известным причинам ставят на русского крупную игру.

– Не может быть. Преувеличение. Но подумать стоит. Конечно, их требования не могут не вызывать сомнительных мыслей.

– Вот поэтому и подозрительно.

– Ну и пусть. Мы со стороны посмотрим, чего они хотят. Сейчас важно, что и вы, и мы можем сорвать немалый куш. Разве деньги не заменят всего того, что делается с приложением больших усилий и времени. А если так, это прекрасно! Нам еще долго жить.

И майор состроил такую мульти гримасу, что настоятелю ничего не оставалось, как тоже хмыкнуть.

– Сколько они дают за парнишку?

– Последнее предложение – семьсот пятьдесят тысяч.

– Ото!!! Да за такие деньги можно купить всю секретную службу Китая. И вы еще раздумываете?! А я, доверчивый, думал, распри идут на несколько тысяч. Не торопился – майор вдруг посуровел. – И вправду, такие суммы заставят насторожиться. Крупно взялись. Значит, он нужен, Нужен, и все. А мы должны помочь им раскрыться. Иначе как? Кто разгрызет металлический мозг янки? Пусть ваш парнишка и втискивается потихоньку в бурную жизнь. Не только нам ребусы решать. Без народа мы никак. Много вопросов встает. А как они вышли на него?

Он был в заявочном списке на один из турниров по молодым. Думается мне, мы рискуем больше потерять, чем приобрести, уступая своих людей американцам. Янки достаточно могут, чтобы позволять себе ошибаться. Мы такого позволить себе не можем.

Майор тоже побарабанил по земле, как это делал Дэ:

– К сожалению, вы отрешенные идеалисты. Приходится жертвовать людьми ради жизненных интересов. Опуститесь на землю. Интересы Поднебесной выше интересов личной замкнутости. – Дэ нехотя кивнул. – В жизни приходится жертвовать малым ради большего. Не вам и не мне это напоминать. В настоящее время требуется не многое. Поторговаться, набить суму потолще. Тогда и нам легче свои проценты выбить из американцев.

Настоятель долго смотрел, не мигая, на стену за майором. Потом, словно очнувшись, спросил:

– Разве нет возможности решить вопросы без русского?

Вэн щелкнул пальцами, показывая, что все уже решено.

– Не рискуйте зря. Раз он стал известен в высоких кругах, скрыть не удастся. Делом вербовки занялись серьезно. Неизвестно еще, как могут отнестись к тому, что на территории метрополии обучен иностранец, Лучше пока не раздражать нервные верха. Но если все окажется к выгоде Китая, то, сами понимаете, никто ничего против иметь не будет. Такова логика, было бы выгодно. – Дэ сжал кулак: – Янки еще не раз будут сокрушаться, что нашли дорогу в эти края. Поплатятся за свой вездесущий нюх.

– Почтеннейший, не стоит так удручаться. Кто знает, может, ваш воспитанник много пользы принесет и вам, и стране. Жизнь еще не раз переставит то, что, казалось бы, прочно стоит. «Ветер вечности неторопливо перелистывает книгу судьбы по-своему», – как не раз сетовали вы.

– Да, если только не вырывает их из общей книги бытия, – думая о чем-то своем, ответил монах.

– А мы, как и положено великой нации, будем две, а то и три цели вести. Если все идет к этому, почему не попробовать. Китай силен тем, что умеет выжидать.

– Самонадеянная нация, – голос Дэ был тих и печален.

Майор не встретал, чувствуя, что монах немало расстроен; но подытожил: – Ничего страшного. Пусть это будет нашей заботой. А сейчас мне необходимо посмотреть на янки со стороны. Руководство желает знать все. Маккинрой – хитрая лиса.

Настоятель показал рукой на дверь, приглашая идти.

Темными коридорчиками он провел офицера к боковой комнате, откуда были видны и слышны американцы. Сам же другим входом вошел к ним.

Маккинрой внимательно посмотрел на вошедшего настоятеля. Тот стал живее, но глаза сохраняли пасмурность, озабоченность.

– Уважаемый Дэ, почему в анкете не указан возраст воспитанника со дня и месяца рождения?

– У нас этого никто не знает. Все сироты. Приблизительно известен только год.

Эксперт хмыкнул. – Тоже кроется какая-то загадка.

– Ничуть. Наоборот, нет тайны. Если никто не знает, то и нет места для скрытых вождений. В нашей обремененной неизвестностью жизни сокрытие дня рождения, время зача-

тия является дополнительным барьером, защищающим нас от тяжелых увечий и губительных последствий от полученных ударов в поединках. Циклы развития: лунные, сезонные, суточные в состоянии тонуса организма значительно отклоняются в сторону низшего и высшего колебаний жизненной энергии. В периоды спада организм более подвержен губительным травмам даже при несильных, не очень точных атаках противника. Если сопернику будут известны часы рождения, дни, то он постарается использовать биологические режимы в свою пользу. Будет искать встречи для боя в те часы, когда эмоциональный и физический циклы минимальны и сопротивляемость внешним воздействиям наименьшая. Знаки зодиака оказывают не только магическое воздействие потустороннего мистицизма, но и действие психологической, талисманной защиты. А это, поверьте мне, немало, когда надеешься только на себя, на свое умение и опыт.

– Трудно верится в возможность воздействия каких-то нереальных сил, тем более сил собственного воображения на организм.

– Вам трудно, потому что вы не касаетесь этой темы. Но психологическое воздействие на организм всегда было сильнейшим стимулятором не только здоровья, но и долговечности. В этих вопросах существует целая система, знание которой дает видимые преимущества над соперником. Вот почему мы принимаем только сирот. Не только враги, но и братья по духу и вере не знают времени рождения друг друга. Это исключает подноготное тщеславие, ведет к более родственным отношениям. И для врагов мы остаемся незаполненной карточкой в их досье.

– А заявки на соревнования?

– А какое это имеет отношение, если за основу принят год? После двадцати четырех лет мы вообще считаем, что разница в годах не играет роли, если оба соперника изъявили желание встретиться.

– Круто.

– Пустота – лучший тайник даже для ваших служб.

– Уважаемый Дэ, время, нам пора отъезжать. Что смеем мы передать начальству?

Настоятель пожал плечами.

– Без патриарха мы эти вопросы не решаем. Но, в залог ваших серьезных намерений на период консультаций, если оставите сто тысяч сейчас, думаю, что Пат сможет положительно отнестись к надоевшему всем нам вопросу. Если вы в дальнейшем откажетесь от переговоров, то еще сто пятьдесят тысяч выплатите в счет компенсации того, что вы прознаете здесь, и за информацию, полученную за время пребывания.

Споун даже подпрыгнул от радости. Никак не ожидал подобного оборота событий.

– Лейтенант Берк, – зычно гаркнул он, – отсчитайте требуемую сумму. – Господин настоятель, все ваши слова и пожелания будут в точности донесены до начальства. Чтобы вы еще желали от себя добавить?

Дэ обернулся. Он увидел радостные глаза майора, но только ответил болезненно.

– Нет, ничего.

Через несколько минут машины, злобно урча, оставляя черный след на нетронутой цивилизацией местности, тронулись поспешно от посеревших стен обветшалого монастыря.

Глава четвертая

*И здесь песен особый мотив.
И речи людской, и молчания.
Уж камень на что молчалив,
И он вам расскажет сказание.
Здесь тянется все в облака:
И камни, и плоские крыши.
Любая гора высока.
Но люди мне кажутся выше.
Танзиля Зумакулова.*

Старый монастырь.

Осевший, потемневший от долгого монотонного ожидания лучших дней. Его серые, подпорченные временем стены не выделяются на фоне неяркой, блеклой местности. Горный изломанный пейзаж. Скучная, неприхотливая растительность. Пугающее явью глубокое ущелье, прилегаемое с обратной стороны двора. А далее снова горы, скальные, с редкими клочками кустарника и мха. Вид монастыря, положение сохранили общую настроенность к защите, тишине, сокрытию своего в суете мирской.

Во многих местах дерево покрывает такой же тяжелый и липкий от годов лишай. Лианы пугалом свисают со стен, не надеясь на живительную поддержку. Можно смотреть на пагоду с расстояния семьсот—восемьсот шагов и не увидеть ее. Низенькая. Трехъярусная. С боковыми пристройками. Закрученные углы крыш круто вписываются сказочными драконами в рельеф небогатой декорации. Не сразу отличить их опытному глазу. Уступы, изломы гор объединяют храм с общей какофонией серости и обыденности, приглушенности звуков. Только одна дорога подходит к воротам. Местами до того сжимаются кряжистые подножия гор, что не каждый грузовичок рискнет протиснуться между базальтовыми выступами. Сама обитель не выглядит солидной, крепкой, но стоит удобно.

Единственная дорога змейкой вьется меж невысоких гор и одичалых холмов, увозя неприятное ощущение свидания со здешней местностью на удало иную равнину, где среди радостной зелени и многочисленных деревень быстро забываешь богом и людьми заброшенный убогий уголок сокрытой земли.

Немного осталось их, таких серых, неназойливых, живущих своей, никому не известной, размеренной, не интересной для мирян жизнью. Тишина, мудрый покой, философская мысль царят в тех местностях. Они не интересуются миром – и мир ими. В добре и сожительстве.

Страна оглушающих контрастов и раздражающих противоречий.

Следует оговориться: тот, о ком идет речь, еще не мог относиться к элите признанных мастеров. Не мог в силу своей молодости. Но, благодаря полному вживанию в курс подготовки, воспитываемое отшельничество выделило его из строя братьев.

Наставники Шао были более прогрессивны, чем настоятели других монастырей, но и они не торопились делиться высшими секретами и таинствами единоборства. Каждая школа, секция, тем паче монастырь, секта свято берегут боевые секреты, бдительно следят, чтобы они не покидали стен их залов.

Но в отношении с русским настоятель Дэ постепенно отошел от неписаных законов сохранения боевых тайн. Своим долгим вдумчивым взглядом сознавал, что в его руках то зерно, которое по всходу радуется глаз, и что плоды будут самого надежного свойства.

Он начал заниматься ребёнком, когда тому было около трех лет, проникся к сироте отцовской привязанностью. Сам себе судья, Дэ видел незаурядные способности мальчика, его увлеченное желание и признание того, что пустое время, выпавшее на его дни, полезно занять тем, чего требуют отцы. Рус прочно схватывал на лету и быстро разучивал новое. Уже в первые годы настоятель понял, что сможет вырастить из ученика человека сильного и телом и духом. Он так вжился в свои думы, что со временем незаметно для себя выявил, что это и есть высокая мечта – дело всей жизни.

Что же мальчик?

Что этот, появившийся на свет разум, попавший в условия, во многом отличные от судеб его сверстников?

Детство.

Что мог видеть и слышать в монастырских стенах окруженный молчаливыми людьми ребенок, если он не часто видел даже своего духовного отца – настоятеля монастыря.

Серые стены, небольшой двор, безрадостная местность, где, вопреки принятым представлениям, восход и заход жизнеутверждающего светила неполно радует глаз расцвечивающими красками утра и вечерних зорь. Прекрасными, полными затаенных мыслей и мечтаний были только ночи: с особо торжественными мигающими звездами, скорбными от не проходящего одиночества и упоенно мелодичными в захватывающей гармонии вселенской стихии. Главенство гордой великой мысли о единении материи и разума, усиленной угрюмой какофонией тишины, грозными очертаниями величественных горных исполинов. В это время и в этом месте истинным владыкой момента была мысль; неторопливая, глубинная, наполненная торжественным смыслом бытия и светом познания.

Тьма необъятной бездны неба, сплошь усыпанная бриллиантовой россыпью играющих огней, так убедительно и доверительно нашептывала о чем-то неизмеримо большем. Нельзя было, созерцая, не думать о величии, животворности существующего, до глубины сокровенного, щемящего и увлекающего романтической далью звезд, которые, мигая ежесекундно, завлекают доверчивые думы к себе, в загадочные, полные таинства пространства. Там, представлялось, не может существовать ни ложь, ни обида, ни злобный оскал враждебных лиц. Казалось, будто здешняя местность сознательно существует для душевного покоя, философских побуждений, созерцания души пространства в своем изначально существующем единении. Только ночь, ничем не отвлекаемая, дает глубину, широту всеохватывающей, сильной воображениями мысли. Каждый задумчивый, меланхоличный момент бытия отодвигает яркие краски жизни, повседневной радости, дает простор для объемного представления существующего, критического анализа наболевшего. Ничто не мешает здесь надолго уйти в себя, в свои мысли и пребывать в них до тех пор, пока не прояснится твой разум, не окрепнет дух личными решениями.

Что же ребенок?

С трех лет начал он обучаться по строгой программе, которую преподавал ему сам настоятель. Ничто не мешало и не отвлекало мальчика от повседневных занятий. С шести лет десятилетний малоподвижный монах Чжу обучал ребенка языку, литературе, истории, географии и математике. Но это занимало не более трех часов в день и всего пять дней в неделю. Все остальное время по шесть, восемь часов в день уходило на заучивание стоек, движений, поворотов, уходов, уклонов, общеразвивающих и специальных упражнений, которые с возрастом усложнялись, увеличивались в объеме, интенсивности. Многочасовые повторения, каждодневность занятий так вжились в него, въелись неисчезающей обыденностью, что во сне реально видел себя движущимся в самых различных естественных и неестественных положениях: по горам, скалам, ущельям, канатам, лестницам, деревьям, копьям. Невообразимым кошмаром снились ему ночные прыжки с кувырками, отработкой ударов над водой и приводнением в ледяную купель. Звери с человеческими лицами, люди с обликами зверей преследовали его, догоняли. Удары наносились со все возрастающей силой и безжалостностью. Крики станови-

лись громче, свирепее, ужаснее. Лица вихрем менялись в калейдоскопе событий, искривлялись, преломлялись, вырастали до размеров видимого пространства и... и исчезали. Следом появлялись палки, цепи, нунчаки, серпы, шестоперы, кинжалы, сабли, клевцы. Они поодиночке и разом налетали на него, переламывались, раздваивались при встречных блоках и парировании. Он уклонялся, отпрыгивал. Отбивал руками, ногами. Дальше оказывалось, что это руки и ноги его спарринг-партнеров. Приемши кричал. Кричал громко. Слышал себя во сне. Вздрагивал. Просыпался. Холодный пот явственно напоминал о сущем. Галлюцинации зловеще являли гомерические лики: они дергались, сардонически и громогласно гоготали. Внезапно исчезали. Тело охватывали жуть и тленный страх. И... наконец наступил момент, когда все кошмары кончились, все куда-то провалилось, исчезло, не появлялось. Рус стал спать спокойно и сильно. Было ему тринадцать лет.

На общем собрании Дэ сказал, что Рус стал настоящим бойцом, психологически окрепшим и стойким. Что дальше он будет обучаться с группой прикладного мастерства.

Мальчик не мог понять, как настоятель определил, что он вырос в мастера рукопашного боя, но что это было так, чувствовал по себе. Заключительные поединки с партнерами он провел на высоком безэмоциональном уровне. Знаменитый семидесятишестилетний Ван удовлетворенно цокнул языком и долгим взглядом провожал Руса, пока тот не скрылся в храме.

С этого момента мальчика дополнительно начали обучать русскому и английскому языкам, философии, анатомии. Подросток все так же продолжал жить уединенной жизнью отшельника. Настоятель нечасто собирал монахов вместе, и они редко видели друг друга. Рус считал себя уже вполне взрослым, когда Ван в дополнение к двум диким котяткам, жившим в одной келье с ним, подарил ему только что родившегося ягуара.

– Не бояться зверей будешь в том случае, если поживешь с ними и будешь досконально знать их повадки. Звери трусливее человека. Менее опасны своими бесцелевыми действиями, но люди пасуют перед непредсказуемостью, – наставлял старый профессионал.

Привыкнув только повиноваться, Рус не представлял себе иного существования. Не видел, не знал, как живут люди за стенами монастыря. Вечерние кроссы на пятнадцать—двадцать миль в горах были для него единственным выходом в мир, подобно вхождению ребенка в мир сказок и неизведанного. Спутниками его на протяжении нудных месяцев стали зверята и природа, с которыми он глубоко чувствовал себя неделимой частицей мира, что окружал его. У мальчика было достаточно времени долго вглядываться на песчаное светило, на застывший хоровод вечерних звезд, беседовать с внимающей твоим речам луной. Слушать шепот нетерпеливого ветерка да рыночный шелест листьев и травы.

Взращенный на строгих и непреклонных догмах древних мудрецов, наставлениях великих даосов, юноша ни о чем больше не думал и не мечтал. Не представлял мир более того, что ему было известно. Думалось, что и весь мир, с его деяниями и кривотолками, состоит из нравоучений Конфуция, толкований Лецзы, Чжуанцзы, Лаоцзы, требований святого аскета, неподражаемого Бодхидхармы (Бодай Дарумы).

Дни шли. Шлифовались мастерство и опыт молодого монаха. Вырос ягуар. Во время вечерних прогулок они забавлялись, заводили звериные баловства между собой. Крестьяне окрестных деревень нередко слышали их грозные раскатистые крики. С боязливым удивлением наблюдали бескровную борьбу человека и ягуара, которым подмякивали два огромных свирепых кота. А бойцы, в пылу возни, увидав поодаль людей, убегали дальше в горы. Скоро жители привыкли и больше не вздрагивали при угрожающих рыках ягуара и боевых кличах юноши.

Так рос он, не думая о будущем, не вспоминая прошлого Настоящее проходило в нем рутиной бесконечных занятий, разучиванием приемов, взрывами искрометных схваток.

В один из немногих вечеров, во время сеанса созерцания и размышления, настоятель сказал Русу, что наступает период подготовки к сдаче норм прикладного мастерства. И что теперь с ним будет лично заниматься сам Ван.

Волнующая весть крылом тронула жесткие губы юноши. Неужели с ним будет заниматься сам легендарный Ван? Неистовый Вам, достойнейший потомок и последователь древних мастеров и наставников – «Белого лотоса» – Чжан Саньфэня, Юэ Фэя, Цзэ Хунпэя?

Удивительный Ван: одноглазый, в шрамах и рубцах, подрубленное ухо. Пусть и редко виделся с монахами Рус, но по обрывочным рассказам много знал о нем, признанном и непревзойденном мастере поединков, ночных схваток, победителе шести тигров-людоедов.

Как чемпион Ван имел много друзей, поклонников, но как первый не меньше сгруппировал вокруг себя и врагов. Жестокая борьба за лидерство не имела ни границ, ни условностей. Здесь, в самом настоящем смысле гнусного слова, в ход пускалось все, что могло способствовать хоть в какой-то степени достижению определенной цели. Ван многократно подвергался нападению одиночек, соперничающих групп. Враждующие школы и секты большой страны других путей борьбы за чемпионский титул не видели. Но Большому Чемпиону, как стали звать Вана, успешно удавалось проходить перипетии закулисных поединков. Согласно утвердившимся представлениям, его уже не ждали в следующих заявочных списках на соревнования. Но, к разительному удивлению комиссии, им приходилось по нескольку раз вчитываться в фамилию и имя Вана, сверяя все анкетные данные, предполагая, что в списках возможен однофамилец чемпиона. Но нет: месяц рождения не указан, остальное отличалось только продлением срока чемпионства. Рассчитывали на некоторый тактический ход со стороны мастера, к примеру, красиво занять второе место, сохранив полное уважение и силу бойца. Но все ожидания рушились, как только чемпион входил в квадрат соревнований. Стоять так просто и в высшей степени достойно мог только он. Каждый жест, каждое движение его приводили в ликующий трепет всю многочисленную аудиторию зрителей. Где и у кого мог он перенять такие выразительные движения, так и оставалось для всех тайной.

Нет, друзей все же он имел больше.

Проходили очередные соревнования, турнирные бои. В следующих заявках его не надеялись видеть. Слишком тяжелы и прочны были устоявшиеся традиции, слишком много пало выдающихся мастеров. Но он, к необыкновенному удивлению и слезливому восторгу буквально всех, снова и снова выходил на ковер. В корректных, зрелищных, абсолютно понятных для зрителей поединках с осязательным преимуществом выигрывал у соперников. Мастерство его было безоговорочным, никем в словесной полемике не оспаривалось.

После долголетия на чемпионском Олимпе, когда заключались пари, сколько еще сможет в своей жизни протянуть Ван, – укоренилось мнение, что настоящий чемпион должен уметь защитить себя.

Вана отличало могильное спокойствие, большая честность в соревнованиях. В практике соревнований не имелось случая, чтобы чемпион нарушил или по-своему трактовал правила соревнований. Претенденты на титул с нагловатым постоянством изощрялись в новшествах обхода понятий турнирных положений, их искажений, бесконечных апелляций. Вся эта возня длилась вокруг Вана до тех пор, пока он в свои сорок четыре года не оставил трон Олимпа вакантным.

И сразу же, будто по мановению волшебной палочки, преследования, нападения, ущемления свободы передвижения по провинциям прекратились.

Чемпионство но прошло для него даром. Все увечья, которые он получил, являлись следствием ночных драк, безжалостных побоищ. Здесь Ван был воином. Таким, каким и должен был быть, защищая себя, свой стиль, память и дружбу друзей. Мастерство, хладнокровие, опыт ведения боя признавали все, кому посчастливилось остаться живым после смертельных поединков.

Не угрожал, не преследовал. Все бывшие враги стали выказывать свои симпатии, признавать демоническую способность вести ночные бои.

Отличная неустрашимость, замкнутость блеска сатанинского глаза в ночи, под которым матерые противники сковывались, и ужасное чувство приближающегося конца сводило на нет все потуги их напряженной воли.

Вот краткое прошлое Вана. Немного осталось свидетелей и участников ночных баталлий, жестоких сеч. Только рассказы, поражающие самое смелое воображение, ходят о нем среди пожилых людей, обрастая со временем новыми подробностями.

И теперь, когда Вану под восемьдесят, никто не решается померяться с ним силой, мастерством. В далеко преклонные годы сохранил он трезвый ум, гордость, крепость тела и духа.

Этот человек должен был дальше продвигать совершенство молодого монаха. Совесть, честность, мастерство наставника одинаково много занимали места в его жизни. Рус очень гордился, что его, самого молодого среди послушников, будет обучать легендарный Ван. Завтра начнется новый этап не только в обучении, но и в самой жизни юноши, познание тех моментов, когда решение принимается по ходу ведущей мысли. Но он докажет, что будет достойным преемником славы монастыря и самого чемпиона.

Глава пятая

ЛОГАРИФМЫ ИЗМЫШЛЕНИЙ

Дымчатый полумрак.

Динстон удовлетворённо выключил магнитофон. По лицу его мягко пробегали тени давно забытого удовольствия. Сытно прищуриваясь, гулко потрескивал командирским голосом:

– Но, жуки. Настоящие, древесные. Древооточцы. Забились в горные щели, сверлят свое потихоньку, а ты гадай, чем они живут, чем мыслят. Лихо закручивают: чемпионство. дивиденды. А Маккинрой? Споун, заметили, какой нюх у него? Как чувствует струнку? Свой среди чужих. Но ученный. Знает, за какое ребро хватать китайцев. Одно слово – эксперт. Может даже и дипломат, хотя не так утончен. Но для нас он находка. Приплачу вдвойне, лишь бы помог до конца.

Споун сидел спокойно, развалился в кресле. Сигара лениво дымила, игриво напоминая о нюансах приближающейся ночи. Смирительность разливалась по его сонному лицу. Широкая улыбка показывала крупные зубы.

– И вы, майор, начинаете схватывать некоторые особенности нашего положения.

Споун заискивающе вытянулся. Но Динстон, не замечая угодливости, продолжал:

– Конечно, то, что мы могли прознать, далеко не айсберг, но и видимую часть прощупали неплохо, – и покосился на погрузневшие глаза подчиненного, – в той степени, в какой нам позволили. И здесь торгашеская хватка Маккинроя нам еще пригодится. Наверняка кое-какие мыслишки про запас у него имеются. Попробую рекомендовать его Центру. Здесь он гораздо полезнее при наших службах, чем при прочих. Думаю, шеф по достоинству оценит его, – снова посмотрел на слипающиеся веки майора. – Достаточно ли имеющихся данных для полного успеха в следующей поездке? Они ведь так охотно отказываются от предыдущего. Время поджимает. Пять месяцев. Последние дни придется изрядно помотаться. Что вы думаете, майор?

Споун спешно стряхнул с себя романтичность порхающей в облаках девы, перестроился.

– Думаю, что все практически зависит от того, допустят ли русского к турниру и какова будет действенная помощь китайских коллег. Если монах окажется незаявленным на участие, то он теряет все, чем оперировали старейшины.

Жесткая улыбка появилась на базальтовом лице Динстона.

– Вижу, китайцы вгоняют в вас то, что не сумели учителя и инструкторы. А они, судя по записи на ленте, всерьез ни вас, ни нас не принимают. В последней беседе имеются настораживающие моменты, заслуживающие отдельного внимания Управления. Сумма выкупа, быть может, немного не реальна, но не наш карман.

Полковник сел. Старательно занялся сигарой. Немного помолчал, наблюдая за перемещениями дыма:

– Торгуются. Что-то здесь тоже не чисто. Но монах нужен. Семьсот пятьдесят – сумма. Но используют же местные службы монахов. Как они в таких случаях разговаривают? Похоже, имеют какие-то обязательства. А нам за все приходится платить. Во что же это выльется?

– Но меньше, чем в полтора.

– Очень возможно.

– Непривычная ситуация, – за неимением лучшего, учтиво вставил Споун.

– Пора привыкнуть, майор. В Китае подозрительно все. И то, что они пишут, и то, что не пишут. Что показывают и что предлагают. Монастыри, эти скрытые идеалы справедливости, добра. Сами монахи.. Весь сброд, именуемый китайцами... Никому и ничему нельзя верить. Каждое слово – через цензуру недоверия. Только так с ними нужно, и никак иначе. Мы не

имеем права на расслабление. Монахи – достойные противники, – незаметно для себя изменил тему Динстон. – Меня берет азарт, как в былые годы. Инициатива на нашей стороне! Значит, парнишку звать Рус?

Споун вздрогнул. Оторопело кивнул.

– И приставка Ли?

Споун снова неожиданно для себя поддакнул. Динстон зубасто рассмеялся:

– Что это вы, как монах, стали мне кивать.

– Привычка, – неумело отрекся майор.

– Можете идти. Через минуту появится Маккинрой. Что он теперь расскажет? Чертовски закрученный малый. Или, может, он себя уже всего использовал. Не может быть. Оставайтесь, Споун, он немало интересного рассказывает.

Как бы вторя сказанному, неожиданно пахнуло коридорным запахом. Тяжелая дверь бесшумно открылась и закрылась под энергичным движением эксперта. Он, не мешкая, бросил приветствие обоим и по-хозяйски занял свободное кресло.

– О'кей, мистер Маккинрой. Не в ладах я с тем, что уже знаю про монахов, и с тем, что и как, они требуют. Что за клан? И что после всего этого вы мне предложите?

– А что можно предложить? Кто перед вами? Вы не знаете своего противника! Ваша атака – деньги. Победителей не судят. Платить, не скупясь.

– А обещанный вами?

– Он уже в курсе. Его влияние после этой встречи весомо обозначилось. Не успокаивайтесь, что монахи так просто отрешились от защиты. Их вынудили.

– Сколько ему должны?

– Немного, главное – доллары.

– Связи у него имеются? Маккинрой деланно оскорбился.

– Как можно, сэр. Какой бы я был торговец, если бы не знал прочих подноготных мира сего.

Как бы мне с ним встретиться?

– Скоро. Его тоже не следует баловать. Мы – Америка. Сейчас нужно умело давить на монахов. Подогревать момент. Полностью убедить их в невыгодности и даже опасности содержаться в своих стенах иностранца. Репрессии сейчас не что-то отвлеченное. Шокирующая явь. Вмиг можно оказаться ревизионистом, вражеским элементом.

Наконец Динстон сбросил с себя напряжение, облегченно вздохнул. Потянулся.

– Наконец-то я услышал от вас то, что долго и с нетерпением ожидал. Я всегда утверждал, что один знающий спец стоит больше своры этих никчемных агентишек, которые способны стрелять да напиваться.

Споун прикрывался густой пеленой сигарного дыма.

– Но самое главное и основное – что у вас, мистер, уже имеются связи. В Пекине тревожно. Особо не разъездишься. Перевернут автомобиль юнцы, да еще под зад надают. Культурная революция. Очень своеобразная нация, – последние слова Динстон произнес с явной иронией и насмешкой.

– Я говорил вам, что Китаем никто никогда толком не управляет.

Маккинрой тоже улыбался. Но блеск его глаз был далеко не таким победным, как у полковника. Что-то ему было известно больше, чем самоуверенному офицеру, но что-то сдерживало его продолжить разговор. Но Динстону больше ничего и не нужно было. Он нечто уверенно прикидывал в уме. С лица исчезла серая озабоченность. Пальцы по столу барабанили победный марш.

– О'кей, господин полковник.

– О'кей, мистер Маккинрой.

Глава шестая

Вечное, неистощимое подглядывание. Штурмующая зависть. Охающее стремление опередить, обойти. Ущемить в правах. Заставить подчиниться. Выведать все. Запугать. Быть первым. Гегемоном, не подверженным сомнению. Единым в одном и единственным во всем.

Пыточная канцелярия. Тайная коллегия. Теневой кабинет. Секретный отдел. Комитет по стратегическим вопросам...

Что еще?

Отделы по согласованию.

Но это уже наше время. Короче: АНБ, ЦРУ, ФБР, РУМО и прочее, прочее, прочее. Без чего в нашей надоедливой жизни трудно представить решение политических, экономических, военных... бытовых, семейных... и многих, многих жизненно не очень важных вопросов.

Вот что находится под вашей кроватью, в нашем подвале, в гараже, сарае, игриво подмигивает вашей супруге: будь она трижды проклята – болтунья.

Вот ваша тень. Ваш страх и пугало. Ваше горе. И.. Баста... Не вам одному тяжело, невмogu. Под всеми висит известное и ежесекундное... зловеще покачивается. Не дай бог. Не дай.. Не приведи всевышний к сокрушению наших чаяний и надежд. Отринь грядущее. Останови мгновение. Авось и повезет. Везет же дуракам и пьяницам. Вознеси и помилуй. Будем ждать, будем надеяться: терпеливо, трепетно, покорно.

Приложим свое любопытное, но безвредное ухо к следующим дверным замочным скважинам. Слышимость может быть не ахти какой, но мы с вами, читатель, тоже не так наивны и примитивны, как думают порой некоторые от сильных мира сего. Нам жить. Мы ответственные. Поэтому нам надо все знать.

– Что ж, товарищ Чан, ваши догадки во многом оказались сходны с действительностью. Динстон – ябеда. наших заверений для него оказалось недостаточно. На Теневого наступил – запах пошел гнилостный и уничижающий. Прохиндей. И этот клещ обойный полчаса тыкал мне пальцем в лоб. Политикан! Он знает, как нужно строить отношения с противниками, кто есть кто! Пигмей от политики!

Вся язвенная накопившаяся желчь выходила из генерала булькающим потоком продуманной брани. Он выискивал самые кусающие слова, самые такие, чтобы утихла боль от нанесенных обид и унижений. Старческий голосок, но с нотками драчливого упрямства, лихо импровизировал, не обращая внимания на подчиненных, терпеливо сносивших гремучую брань по отсутствующему лицу.

– Как сметлив, способен на своем месте! Жук портфельный! Гнида цитатная. Обидел он меня крепко. Выскачка! Выехал на неурядицах. Уловил момент и ветер. Теперь он все знает, все видит. Каждому волен указывать и поучать. Пройдоха, каким место в грязных вертепах проституткам противозачаточные подносить. Подумать только, кто сейчас над нами. Вот и люби после всего этого свою страну. Ну ничего, плохо он знает старика. Не так все могуче и неуязвимо кругом, как представляется его сытному чреву. Вы, полковник, молодчина, за это я вам обязан. Американцев я считал проще.

Полковник Чан, без интереса до этого разглядывавший карту страны, решил помочь шефу забыть неприятности.

– Странно не то, что янки добрался до Тени. Странно то, как они, прожженные тактики, так явно, просто со смешным базарным прикрытием, выставили свои кадры на нашей территории.

– Ну-ну, – поддержал шеф, уловив для себя мысль в словах подчиненного.

– Торговое представительство: но кто в министерских особняках не знает, что Динстон мечется в нужде по монахам. Общие цели! Для кого? – риторически жонглировал мыслями Чан. – Что за резидент? И шайка при нем – поголовно диверсанты – прямоугольные личности. Все снисходительно относятся к ним, но искомую цель бравых простачков выявить никто не может.

– Ну, а вам что приходит на ум? Вы ведь тоже полковник.

– Оказывается, еще не все известно. Появилась новая фигура: скромная до подозрительности – торговый эксперт мистер Маккинрой.

– Что это у них все торговцы? Ну и нация.

– Вот это и наводит меня на мысль, что янки тоньше взялись. Кто мог вывести Динстона на Теневого?

– Если так напропалую бравировать, то вы сами себе карты из колоды таскаете.

– Только карты. Но чьи? Что за масть? Игроки-то в Лэнгли.

– Чанушка, не поучайте только вы меня. Мне хватило от Пигмея. Никто вас за один стол с господами из Лэнгли не посадит. У нас игры заочные.

– Нет, нет. Я только рассуждаю. Американцы запросто идут на провалы там, где им есть резон. В остальном они действуют на достаточно высоком рискованном уровне. Возможности имеют самые разнообразные, средства неограниченные. Поэтому, думается мне, Динстон и его команда – театральная труппа, не более.

Генерал нервно зашевелил пальцами, но сохранил равнодушное спокойствие.

– Сам полковник не замечен в противозаконных акциях, почему все так наивно и выглядит. Но надо обязательно распознать степень их воздействия на наши высокие чины. Суметь вовремя нейтрализовать, чтобы не вклинились прочно к нашим охочим до заграницы лицам. Полковник Линь, мне и ваше мнение важно.

– Согласен с тем, что непривычно возьмется они у монастырей. Но Шао не первый, куда они сунулись. Туристы, путешественники, – иронически пощупывая свои очки, мямлил неохотно Линь. Щупленький, лысоватый, очкастый, он не производил должного впечатления на своей должности. Немногие догадывались, какой своеобразный интеллект таился под этой невзрачной внешностью. – И разрешение есть, и визы всякие. Для них нет проблем даже таких, с которыми сталкиваемся мы. Вот разница между нами и ЦРУ.

– Не зубоскальте, товарищ Линь, не прибедняйтесь. Вы же не крестьянин. Что они сумели, то сумели. Это их ловкость, их козырь. Нам бы так.

– Да, это ЦРУ, а может, РУМО. Кто их знает. У них столько служб, что немалых трудов стоит определить, с кем имеешь дело. Но поступать так небрежно, значит в открытую пренебрегать нами.

– Вот вы и заставьте себя уважать.

– Монахи сами не «пустой горшок», – Линь поднял очки, словно ему так, через призму расстояния, лучше было видно священнослужителей. – Заставят уважать себя. Да и Динстон не та фигура, которую навязывают нам. Деньги – еще не все. Полномочия бойкие, но все равно не тот.

– Верно. Тень нащупали. Заимели козырей старшей масти.

– Но мы посмотрим, кто крупнее взятку загребет. Послушник-то наш... Он сможет стать козырем первой величины.

– Горазды вы, товарищ полковничек, даже в этом положении определились. Так вот, если мы не так просты, как рассуждают о нас янки, надо переиграть их. А пока они с большим основанием могут мило веровать нашей железной наивности. Готовьтесь, Америка прочно цепляется за земли наших гордых предков. Мне немного осталось. Вам придется вовсю потягаться и с ними, и с надменными самураями, и с подлой Моссад. И это несмотря на то, что цели будут почти идентичны. Слишком мы разные нации. Слишком у каждого много своего на уме.

Слишком мы все целим в гегемоны. Помнить это нам нужно ежечасно. – Генерал подул в кулак, вздохнул. – Так что там с Шао?

– Стойко держатся. Но уже побывал майор Вэн. Они не возразили его доводам.

– Удивительно мне слышать такое, товарищ Чан: «не возразили». У них, что, иное есть на уме? Оппозиции быть не должно. В чем заключалась первоначальная причина несговорчивости аскетов? Такие деньги... Они что, небом обеспечены?

– Кто их знает. И так может быть. Но я полагаю, что выше валюты всегда стояла цель, – Линь даже не поднимал головы при разговоре.

– Вы всегда находите неудобное продолжение. Но это неубедительно. Какая может быть высшая цель у существ, которые жизни-то не видят. Выискивают слова для оправдания своего никчемного существования.

– Сложно однозначно ответить. В стране тысячи монастырей. И какой-то один... Что скажешь?

– На что они существуют, это один вопрос. А вот цели.. Не уходите от ответа, товарищ Линь. Не верю, чтобы какой-то разваленный монастырь отказывался от столь щедрого подаяния.

– В принципе, да...

– Старайтесь без принципов.

– Имеется одно. В этом вопросе товарищ Чан лучше меня знает, откуда палки растут.

Полковник догадывался, что интересуется генерала. Встал, подошел к карте. Подтянутый, стройный, он был много моложе обоих. Большие залысины не портили его мужественного лица, выявляли не только уже отмеченные успехи на службе, но и устремленность, с которой он отдавался работе.

– Монахи затворники. Если они о чем-то рассказывают, так только о своем прошлом. А оно у них богато. О данном монастыре затрудняюсь что-либо конкретно сказать, но общая картина прошлого подобных монастырей такова.

Буддийские храмы, даосские святилища – темы, которые я исследую немалое время. Их обыденное таинство, спокойно-величавое философское суждение о бытии притягивали меня для понимания их сущности. Начну с того, что меня озадачивало: откуда, из каких нор во время кризисных ситуаций в стране выскакивали предводители и командиры, умеющие мастерски владеть оружием, бесстрашно ведущие в бой массы крестьян. Заметьте, во все времена восстания возглавляли не просто незаурядные военные стратеги и руководители из народа, а именно кудесники боевого искусства. Эти воители из неизвестности постоянно, играючи, побеждали командиров императорских отрядов. Немало дает наша литература, архивы, кое-что вывели у стариков забытых и запущенных монастырей. Несмотря на то, что они малоразговорчивы, напрашивается мысль, что почти все монастыри являлись школами по изучению и обучению борьбе.

– Подобные отношения – уже история.

– Как смотреть и что видеть! Иногда прошлое лучше видно, чем настоящее. Из этого прошлого в настоящем сейчас то, что сохранились турниры между школами. Монахи также приводят туда своих приемышей.

– Из ваших слов выходит, что юнец, которого так слезно домогаются янки, обученный.

– Так все и есть. Иначе американцы не выкладывали бы таких свирепых сумм.

– Поэтому они так подозрительно настойчивы. Ну что ж, чем выше означенная сумма, тем выше наш процент.

– Так. Но не лишне было бы прознать их истинные цели.

– Вы подозреваете, что у них может быть еще что-нибудь?

– А вы рассчитываете, что они нам все сказали?

– Ну, товарищ Чан, ты тоже, как и товарищ Линь, мудрствуешь лукаво. Нельзя же так срезать с горы на гору. Во всяком предложении ищешь свой подтекст.

– А я вот полностью согласен с сомнениями Чана. Надуют они нас, если не будем подвергать критическому сомнению каждое их предложение.

– Ну, если два таких волка согласны с чем-либо, не смею перечить. Может, оно все так и есть. Вам, товарищ Чан, скрестить свои колотушки и с Динстоном, и с монахами. Вам еще только сорок пять.

Глава седьмая

Его уже ждали.

К тому же знали в лицо. Посему, без дополнительных помех, с традиционной китайской вежливостью и предупредительностью провели в большой кабинет на втором этаже. В нем неслышно, с хитровато-застенчивым взглядом, восседал на простом деревянном стуле полковник Линь, быстрые нервные руки которого то судорожно замирали на некоторое время, то начинали безудержно шарить или перебирать.

Когда настоятель вошел и поклонился в старинном приветствии гао-дао, тот быстро, но достаточно степенно вышел из-за стола. Жестом пригласил сесть, сам также сел рядом.

Оба были примерно одинакового возраста, с одинаково гордой посадкой головы. Но если священнослужитель держал ее ровно и немного назад – незаметно, но подчеркнуто – то хозяин кабинета – несколько вперед и чуть приподнятой. Осанка настоятеля подчеркивала безразличие и высокомерие. Осанка второго говорила о постоянной заинтересованности и несколько большей высокомерности, которая властно подкреплялась занимаемым положением. Несмотря на отрепетированную осанку, лицо его принимало выражение согласно теме разговора.

– Каков почтенный возраст глубокоуважаемого служителя неба?

– О, великий Ван, мои годы так еще незначительны и коротки в бытии земном, что не стоят трудов при их упоминании.

– Нет-нет, почтенный друг, к вашим годам нельзя не относиться с уважением. Они наполнены смыслом, историей, познаниями.

– Нижайше благодарствую. Наше никчемное бытие проходит, конечно, в долгих бдениях и размышлениях, наполняется частичками истины, но сути сущего постичь не может. Многолика Вселенная и ее трепетное создание – человек. В этом терновом трепетании плоти трудно различить зерна истины, крупички великого начала.

Линь встал, прошелся до дверей, плотней прикрыл. Обернулся и, поддерживая беседу о великом и сущем, с такой же интонацией заговорил:

– Все просто в самой жизни – живи, работай по интересу. Но как трудно, а иногда и невозможно следовать той цели, которую избрал. Которую ценишь, которой отдаешь и себя, и годы, и силы, а они, к сожалению, не беспредельны. Вы, уважаемый Дэ, догадываетесь, зачем вас пригласили сюда, на Дунцяо Мансян. Майор Вэн обстоятельно рассказал мне о ваших тревогах. Поверьте мне, нашей работе и тем силам, которые под нами и которые далеко не слабы и наивны. Мы вынуждены подчиняться тем, кто над нами. Мы порошкообразные: нас сотрут. Это безусловное правило наших служб. Но хочу прочно заверить вас: ваши условия при согласовании проекта с янки будут первоочередными. С нашей стороны тоже будет вестись игра, чтобы высокомерные джентльмены из-за океана прочувствовали своеобразие нашей нации. Что вы, Дэ, утешительного нам посоветуете?

Глаза полковника мягко скользили по настоятелю, сверяя свои слова с реакцией схимника.

Но тот безразлично и довольно сухо ответил:

– Ваш офицер честный человек. Он передал все, что мы имели. Добавить мне нечего. Общая картина происходящего вам виднее.

Полковник беспомощно развел руки

– Вижу, дорогой Дэ, вы все еще обижаетесь на нас. Это несправедливо. Обстоятельства и внешние силы толкают нас на столь тесное сотрудничество. Поймите: мы хотим так увязать ваше и наше, чтобы выгода была обоюдная и цель достигнута. Насчет информации вы правы.

Но мы не имеем глубокого источника. Вы лично три раза имели беседы с американцами и потому уже можете дать некоторые определения, которые помогут нам. Например, с майором Споуном.

Дэ неожиданно улыбнулся. Несомненно, полковнику лучше было бы сниматься в комедийных фильмах. Такое беспомощное у него лицо.

– Споун ничто. Не тратьте время. Его шеф, полковник Динстон, зубаст, хотя и не виден. Но, судя по подчиненному, также недалек. Вы имеете прекрасную возможность снять доллары с янки.

Линь широко улыбнулся, от чего настоятель тоже не удержался.

– Вот это уже коллегиально, уважаемый Дэ. Но, но... но... необходимо помнить, что за спиной Споуна стоят отнюдь не глупые и с непростыми целями джентльмены. Они знают, что им надо; и если запустили вперед таких как Динстон, значит, они чего-то опасаются немножко больше, чем обычно. И поверьте, в нашей далеко не дурацкой работе мелочи, едва заметные штрихи нередко оказываются ориентирующими. Если бы не они, все укладывалось бы в устав, положения, правила, – полковник поднял палец, посмотрел на него, устыдился, – все было бы до скуки и серости логично. Но потому человек и трепетное создание, что ему неймется. Мысль мечется к поисках совершенства, в поисках разнообразия, в поисках того, где и в чем прекрасен сей неразумный мир всеобщей логики.

– И для этого войны, для этого шпионаж и все гнилое, пошлое, что может выдумать трепетная мысль?

От такой откровенности Линь осекся, удивленно посмотрел на настоятеля.

– О, почтенный Дэ гуманист, но бьет категорично. Вы правы. Но не осуждайте так строго человечков. Не потому войны, что жаждут их. Здесь что-то более глубокое, чем обычное волеизъявление. Большие умы многие веков бьются над этой темой. Единого ответа не существует. Вот и сейчас одно из главных действующих лиц – вы. В ваших силах способствовать нам. Янки не опасны ни богатством, ни техникой. Их глобальные цели – первая и главная опасность. Вы меня понимаете?

– Если вы искренни, то полностью...

– Значит, согласны, что ваша роль и роль воспитанника не так уж мелки, как может казаться из тех статей, что предлагают нам Штаты.

– Если только за нашими действиями лежит добрая цель.

– Преотлично, дорогой Дэ! Для мира очень важно, когда каждый чувствует свою ответственность в свое время и на своем месте. От ваших слов зависит, как мы будем действовать дальше.

– Но мне, право, трудно решить, что надо сказать, – настоятель пожал плечами. – Восемьсот пятьдесят тысяч – сумма, на которой мы остановились после третьего, скорого посещения нашей обители делегацией американцев. Опасно гнуть палку, не соизмеряя ее гибкости. Такие суммы? Янки могут отказаться.

Линь захихикал. Очки сползли на нос.

– Нет, нет. Янки не откажутся. Не расстраивайтесь. Они предлагают – не вы. До девяти-сот пятидесяти тысяч можете торговаться не оглядываясь. Мы наблюдаем за ними. Если что в их стане зарябит, мы вам немедленно дадим знать. Хорошо, что мы поняли друг друга. Мы с вами живем в разных мирах. Вы в своем внутреннем и нигде больше. А мы – в нашем, пусть недостаточно слаженном и подогнанном под нормы мечтаний, но реальном: с его невыносимыми буднями и кровавыми огорчениями. Разговариваем на одном языке, но понимаем друг друга с какими-то каламбурными предубеждениями. Пока я удовлетворен ходом переговоров. Цена замечательная, – полковник удовлетворенно потер подлокотники кресла. – Очень жаль, Дэ, что вы никогда не интересовались разведкой. А ведь нашему аппарату приходится несравненно труднее, чем прочим ведомствам. От нас требуют. Нам приходится изворачиваться, что-

то придумывать. Для того она и создана, чтобы было возможным неписаное. И поверьте, наши промахи некому прикрыть. Выпутываться приходится самим. И здесь мало просто ума. Требуется еще много различных качеств, которые способствуют выходу если не сухим из воды, то хотя бы не грязным, – Линь задумался. Потер нос, сдвинул очки. Дружелюбно глядя на настоятеля, продолжил: – А требования растут. То, что кто-то где-то тщательно скрывает, противная сторона жаждет знать, а то и иметь. От нас требуют. И будь ты величайшим гением, но если не сможешь выполнить задание, падешь, как рядовой, как бездарный мастеровой. Конечно, правительство выделяет средства, но не более. Оно не ломает голову над тем, выполним ли их очередной каприз, не задумывается, реально ли оно.

Линь нагнулся к настоятелю. Без игры, проникновенно спросил:

– Слышал я, уважаемый Дэ, что вы крепко привязаны к мальчику.

Тот молча кивнул. При напоминании о воспитаннике лицо настоятеля немного омрачилось. Не мигая смотрел перед собой. Полковник закусил губу. Не прошла мимо его внимания легкая перемена в лице монаха. Немного помолчал, продолжил:

– Наши планы заключаются в том, чтобы Рус, пребывая у янки, работал на нас.

Настоятель кивнул и, как бы соглашаясь, щелкнул пальцами.

Линь успокоился.

– У американцев много полезного можно почерпнуть. Они будут обучать юношу последним новшествами шпионской науки. Все, что будет известно ему, станет нашим достоянием. Также он будет задействован для работы в России. И в этом случае для нас немалая выгода открывается. Через пару лет ему придется убраться оттуда, – Линь своеобразно усмехнулся, – и он снова будет ваш.

Монах молча кивнул. Встал, прошелся к окну. Некоторое время через щелку в шторах смотрел на улицу.

– Когда майор докладывал вам, у вас не возникали побочные мысли целевого несоответствия?

Полковник пожал плечами.

– Видите ли, мы очень мало знаем и янки, и про янки: о чем они разговаривают и как разговаривают. Нам не с чего строить свои соображения, не с чего анализировать. В этом вопросе мы и ждем от вас помощи. Ведь вы не только первое действующее лицо, но и основной заинтересованный анализатор проскочивших мыслей у представителей американских служб. Нам из-за сухих донесений просто не представляется такая возможность. Без вас нам недолго впасть в ошибочные рассуждения.

Дэ согласно кивнул.

– Деньги, деньги и ничего, кроме денег. Странно. Если им нужен только специалист, то их по белу свету немало. Японцы со своим каратэ снабдили все и вся в этом мире. Гонконг, Шанхай. Гуанчжоу предложили миру разновидности уличного кэмпо. Страдающее манией единственно непобедимого, неправильно названное деревенское кунг-фу. – Но вот привлекли взоры приезжих и глухумани Тибета. Вас это не заинтересовало?

– Вообще-то пока нет. Туристов и бродяг в этом районе хватает. Мне больше запомнилось то, что немало погибло людей при довольно запутанных обстоятельствах.

– Может быть, – не обратил внимания на явный намек настоятель. – Кто не знает горы, местные обычаи, всегда становится жертвой самоуверенности, невежественности. Но не об этом сейчас дума. Та легкость, с которой они двигают свои ассигнации в нашу сторону, пораживает меня, предупреждает, что под этой ширмой могут быть запряваны более коварные мысли. Мишура голословности подменяет цель и истину. Ведь только под напором нашего несогласия янки поторопились успокоить нас и доложить, что требуемый человек будет служить агентом на русской территории. И в связи с этим они, мол, настоятельно просят выделить им мастера. Никакой твердой почвы в определениях! Все зыбко.

Линь запоминающе выслушивал доводы настоятеля. Пальцы замедлили бег по оправе очков.

– Первое наше подозрение в том, что янки желают вникнуть в секреты наших монастырей. Тогда это слишком ничтожная цена. У сэров ничего не выйдет. Но и не это решающе. Потеря монополии Поднебесной в искусстве единоборства не должна свершиться. Терять превосходство, веками выпестованное, отточенное, доказанное, ни под каким предлогом мы не имеем права. Не для того наши великие мастера уединялись, чтобы потомки раздаривали потом нагретые приемы, способы их разучивания, методику отработки и совершенствования. Наши патриархи делали это для нас и в своих завещаниях заклинали нас всеми небесными силами хранить тайны так, как ничто не хранится более в этом подлунном мире. И если по какой-либо причине произойдет неожиданное, наши мастера объявят войну до искоренения всем, кто вынесет тайны за пределы стен монастырей и Срединной вообще. Я не хочу, чтобы мой ученик, которого я растил для побед и продолжения наших традиций, пал от рук тех, кто его обучал.

Полковник немигающе следил за настоятелем. После минутного молчания произнес:

– Право, уважаемый Дэ, сказанное для меня ново. Вы очень бдительно храните свои тайны, потому и сумели заподозрить янки в возможном отступлении от выработанных условий. Что ж, такой поворот событий вполне возможен. Вы убедили меня. Думаю, сумеем общими усилиями улажить верха, сохранить древние секреты, уберечь мальчонку. Как видите, в том, что касается общей монополии страны, мы в крепком союзе.

Настоятель посветлел лицом, но грустно взглянул на полковника.

– Вот здесь и начинается то, чего мы боимся. Я пробовал втолковать американцам, что он не может быть полезен, но они не желают этого понимать. Боюсь, что они тогда постараются убрать его. Он ведь к жизни не приспособлен. Близок к инкубаторному. Ему нельзя там. Ему не известны мирские интриги, людское коварство.

Линь поднял руку:

– Не беспокойтесь, Дэ, руки янки до него не дотянутся. Мы тоже знаем свое ремесло. Вам остается совсем немного. В монастырь придут наши люди для подготовки его к новой деятельности. Вкупе с вами, думаю, результат будет самый надежный. Торгуйтесь дольше, но без лишних эмоций. Успокойте Вана. На полученные вами деньги не распространяется влияние наших и государственных служб. Так что для вас это реальный случай подзаработать. Никто больше не сможет вам предложить таких сумм.

Настоятель сел:

– Одна просьба у меня. Ваши офицеры должны общаться с отроком очень мягко, без нажима. И чтобы не существовало различий между тем, что мы ему вверяли, и тем, что намерены привнести в его душу ваши люди.

– Прошу вас, уважаемый Дэ, не беспокоиться; идеологию затрагивать не станем. Только любовь и восхищение Китаем. Он русский, но не имеет своей родины. Нам остается только более укрепить привязанность к приютившей его стране. Мы достаточно понимаем щепетильность вопроса. Я дам дополнительные указания.

Линь встал, перешел на свое место за столом.

– Не смею вас более утруждать, почтенный настоятель. Если возникнет что-нибудь непредвиденное, обращайтесь сразу ко мне через моих офицеров. Буквально все вопросы будем решать только вместе.

Монах встал, поклонился. Скользящим шагом плавно вышел из коричневой комнаты.

Глава восьмая

*Неслась по ветру рваная бумага,
Пустые банки, ржавая листва.
Весь мусор власть невидимого мага
Вытряхивала из-под рукава.
Лариса Васильева*

– И все же, товарищ генерал, я не могу полностью быть удовлетворен вами. Нет оснований. В прошлый раз я надеялся услышать от вас более конкретно про тайные секты оппозиционного толка. Но о вражеских группках сведения ко мне приходят со стороны. Совсем не от тех лиц, от которых я желал бы иметь полную и достоверную информацию. Слушая их, мне приходится каждый раз морщиться, будто я не китаец, но иностранец, далекий от местной действительности. Растолкуйте мне, что могут представлять сегодня бывшие тайные общества, в особенности «Байляньшэ»? Не нравится мне, когда у общих революционных идей появляется оппозиция, резкое недовольство, а кое-где слышно бряцание ножами, угрозы. Что за мотивы? Какие цели? На каком основании?

Теневого надо бояться, думал генерал. Он любой промах подводит под ревизионизм, измену идеям и курсу Председателя. Эти слагаемые позволяют ему смещать людей, заменять кандидатурами лояльными. Если вызвал, значит, чего-то добивается.

Покашляв в кулак, выпрямившись в кресле, генерал знающе заговорил:

– Это вопрос, у которого пока нет ответа. Но, думаю, если нам не будут мешать силы, почему-то считающие себя вправе быть компетентными и способными приниматься за те дела, где они по своему недоразумению могут получить такое же фиаско, какое получили янки, то мы сможем подготовить ответы.

– Странный тон у вас сегодня, любезнейший генерал. Здесь можно немножко точнее выражаться.

Но сегодня генерал не имел намерения краснеть и ежиться под оловянным напором Теневого. Сегодня его нечем давить, и он готов был к любой неожиданности.

– В средние века, когда личное мастерство во многом решало успех в боевых действиях, «Белый лотос» и его филиалы очень часто поднимали восстания. Возникновение оружия, огнестрельного, особенно его усовершенствование, стало сводить на нет великое боевое искусство Братства. Это заставило руководителей сект реже, но более тщательно готовить выступления. Последний раз «Лотос», как таковой, упоминался в период общей борьбы 1796–1804 годов. Потом, по положениям исследователей, лик истории мутили только его филиалы или родственные братства. Само оно как будто исчезло. Но вот анализ документов показывает, что в подавляющем числе бунтов чувствуется одна рука.

У них многовековые традиции, обширная сеть баз в темнейших местах Тибета и Гималаев. Уничтожить секту, если таковая еще существует, практически невозможно.

– Может быть. Но вот после затяжки «большого скачка», отчетливо в низах стали слышны призывы недовольства. Эпицентр шума возник в южных провинциях – исконные места, откуда обычно начинается всякая смута. Подобное замечено в центральных провинциях.

– Области густо заселены. Работа агентов малоэффективна. Сведения самого общего характера. Недовольный люд всегда охотно слушает крикунов.

– Так что, товарищ государственный муж, – не выдержал Теневой, – трудно схватить такого крикуна?! Или бочка недоступна?

- В некотором смысле, да. При появлении полиции они как сквозь землю проваливаются.
- А сами агенты для чего созданы?
- Не особо-то против толпы попрешь. Разотрут вчистую.
- Вздор какой-то. То арестованных не рассовать по камерам, то одного схватить нельзя.
- Толку.. В камерах толпа – зачинщиков нет.
- Мне это все не нравится.
- Мне тоже.

– Так предпринимайте что-нибудь! За что вам платят? Где этот – «белая трава»? – пискливо загнусявил Теневой, в ярости не следивший за словами. – Что вы ущемляете мое самолюбие? Почему какие-то тени без роду, без племени определяют то, что не вменяется в их обязанности? С каких пор государство оставляет без ответа действия групп, идущих вразрез с генеральной линией партии? Это оппозиция! Раскол! Бунт!

– С этой целью собираются факты, документы. Пустой риторикой не загонишь зверя в ловушку.

– И собирает их любезнейший товарищ Чан, дилетант от независимой честности. Таким нельзя работать в госаппаратах. Не таким сотрудникам нужно давать поручения, отвечающие особым внутригосударственным моментам, когда борьба идей докрасна накаляет глотки борцов. А такие, простите пеня, интриганы, сводят на нет усилия многих высокопоставленных товарищей.

- Но товарищ Чан – один из самых опытных кадров наших служб.
- Здесь не нужен опытный – здесь нужен «нужный».
- В данном случае любой другой сорвет дело. Монахи могут исчезнуть из поля зрения.
- Что, нечем его заменить?
- Сейчас уже в любом случае не стоит. Мы должны держать под контролем события,

сохранять спокойствие и неведение тех сил, которые злобно поглядывают на наш аппарат. Положение колеблется, как волны вздувшейся реки, и огромный опыт работы с людьми различного вероисповедания, взглядов, который имеет товарищ Чан, его искусство покладистой дипломатии, не позволят мне решиться на перемену кадров. Пополнить могу, но не более.

Теневой скривился:

– Знайте, покладистый товарищ, неудачи падут на вашу голову. Вам следует напрягаться больше, чем Чану. Не он должен решать – вы. Он только исполнитель. Вы посредник между правительственным курсом и надзором за воплощением его в низах. Контролер и надсмотрщик...

- Этого я и добиваюсь.
- Приятно слышать, что хоть в этом мы едины.
- Несомненно.
- Что же монахи на сегодня?.. Монахи Шао.
- Лед подтаял. Они больше не выдвигают аргументов.
- И подтаявший лед долго держится. Не расхолаживайтесь.
- Положение под контролем. Здесь не следует опасаться непредвиденного. Они не глупы.

Тем более, что нередко сотрудничают с нами. И им ли не знать, что они не смогут предпринять шагов, неизвестных для нас.

- Логично. Но мне нужно твердое слово.
- Им дана возможность поторговаться до миллиона. Они заверили нас, что интересы державы для них близки и понятны.

Теневой широко зевнул. Первое его больше интересовало. Теперь он приблизительно знал свой процент: меньше двадцати никогда не запрашивал. Хитро прищурился.

– Вы, товарищ генерал, свободны. Помните, стране немаловажны поступления иностранной валюты. Жду от вас интересных докладов.

– С великим тщанием, – поклонился разведчик.

Глава девятая

Тот же затемненный кабинет торгового представительства, навевающий щекошливые мысли о возможном величии, которое доступно посредством тишайшей секретности и непрекаемого превосходства тайного над явным.

Но народу сейчас больше.

На своем, может быть и не.. не совсем удобном месте, Динстон.

Он сидел, долго разминал сигару. Пристально, по-шпионски, оглядывал своих сотрудников в детальных поисках некоторых предполагаемых изъянов в психологии поведения и надежности. Неприятно ловил себя на любимом занятии, мелко вздрагивал.

Несколько раз прослушал пленки с записями бесед настоятеля и майора и каждый раз открывал для себя в разговоре новые нюансы. Они недвусмысленно давали полное право подозревать, что там, в далеком монастыре, они имеют противника до мелочей хитрого, неудобного. Четыре поездки пришлось совершить майору, чтобы склонить старейшин к более быстрому разрешению вопроса.

Всматриваясь сейчас в лица сотрудников, полковник мысленно сравнивал их с неведомыми монахами, не привлекающую аскетическую настороженность с присутствующими сытыми лицами, для которых не существовало более задачи, чем повыситься в звании, которое своими бытовыми когтями упиралось в жалованье и телесное благополучие. Раздраженно приходил к выводу, что его бравые парни хоть и сидят, развываясь, в креслах, как властители клуба миллионеров, не идут в сравнение с теми, до конца замкнутыми душами.

За прошедшие месяцы Динстон усвоил некоторые приемы поведения и терпения. Понимал: чтобы с ними успешно разговаривать, нужно подсылать таких же хитрых и бессовестных на слово специалистов, какими непременно являются они сами. Иначе путного добиться здесь практически невозможно. Китайцы не снисходительны к слабым и очень настраиваются на сильного противника. Сколько ни размышлял, сколько ни прослушивал записи, никак не мог понять, опираясь на какие исходные данные, монахи затребовали отчета о месте нахождения своего воспитанника каждые полгода. Ну и нюх.

Наконец Динстон закурил, глубоко затянулся и закашлялся. Отмахиваясь от дыма, как от копоты, положил сигару на авианосец. Жестом показал на Споуна.

– Начинайте, майор, введите в курс дела ответственных офицеров. Они поедут с нами. По всей видимости, это первый и последний шанс, когда общими усилиями смогли «уломать» монастырь.

Все это полковник говорил не столько себе, сколько остальным, чтобы окольными путями до Центра дошло, как нелегки здешние условия и люди.

Споун встал, махнул рукой, сел. Жестом дал понять, что сидя ему будет легче.

У него так же, как и у полковника, осталось чувство, что они вели не переговоры, а выпрашивали милостыню.

– Первое: федерация единоборств отклонила кандидатуру монастыря, копия здесь, – и он основательно ткнул пальцем в черную, с угловым запрещающим грифом папку. – Второе: здешние службы не противятся нашей сделке, разумеется, при определенном подогревании настроения, но с условием, что им тоже нужны гарантии, что лицо, приобретенное в метрополии, будет использовано по назначению. Каждые полгода обстоятельная записка о местонахождении и образе жизни. Все это стоило нам тридцать процентов от суммы, затребованной монастырем. Третье: данных о настоятеле и его ближайших подручных не имеется. Их видят только на соревнованиях, куда они иногда приводят своих воспитанников. Но это происходит не чаще чем раз в три года. Дополнительную информацию бессильны дать даже компетентные

службы Китая. – Споун в сомнении остановился, посмотрел на сидящих, добавил с довольно явным акцентом: – Во всяком случае так ответили на наши запросы. – И уже более спокойно: – Четвертое: о воспитаннике также ничего не известно. Правда, доверили нам какие-то анкеты посмотреть, но мне думается, что это писанина о двух дырках одного бублика. Настоятель при разговоре неподатлив. Хитер до самого последнего слова. Местные власти ими не интересуются. Пятое, – здесь Споун позволил себе остановиться, перевести дух, посмотреть записи, – те же источники по истории борьбы, образования школ также скупы и позволяют видеть только самую общую картину. Многие специалисты утверждают, что в каждом монастыре должны иметься книги, древние дневники-хроники. Но для нашего настоятеля это вообще не тема для разговоров. У меня все.

Во время всего короткого пересказа Динстон продолжал наблюдать за офицерами. Все слушали достаточно внимательно, хотя и по-разному. Эту разницу полковник отнес за счет того, что до сего момента каждый в различной степени был в курсе происходящего.

Позволив мыслям некоторое время отстояться, Динстон спросил:

– Майор Кевинс, вы, как военный эксперт, можете дополнить?

Майор сидел нога на ногу и, казалось, более интересовался своими конечностями, чем услышанным. Не отрываясь глазами от своих ногтей, ответил:

– К сожалению, мы занимаемся в основном экономическими и военно-стратегическими вопросами. Интересоваться такими узкоспециализированными вопросами, как национальные виды борьбы, нас никто не уполномочивал. Практического отношения к нашей службе они не имеют, поэтому добавить ничего не могу.

– Очень жаль, майор, – полковник пусто побарабанил по столу. – Ну, господа, кто может дополнить Споуна? Вот вы, капитан Дэртон, – он обратился к невысокому, симпатичному офицеру с Д'артаньяновскими усиками, – как вы оцениваете исследуемый вид, какое впечатление?

Капитан как бы ожидал, что второй вопрос будет обращен к нему. Легким кивком головы дал понять, что готов говорить.

– Начну со второго. Не стоит, наверное, так корить и ругать монахов за то, что они недостаточно податливы. Почему мы представляем, что именно наш фронт работы самый неудобный. Не думаю, что, например, с Советами легче вести переговоры. И те, и другие верны себе, своей вере. С такими постоянно неудобства. Я допускаю, что знаю о них немного. Очень возможно, что богомольные течения объединены в организации наподобие наших орденов и кланов европейского образца. Но то, как живут они, не представляет стеснения для сторон, существующих рядом. Не лишним будет напомнить тот факт, что в нашей жизни один – ты ничто. Давно уже все, кто хочет выжить, объединяются. Иначе никак. Все мы идентичны, – капитан вынул пачку сигарет, снова запрятал ее в карман. – Думаю, что мы ничего не потеряем, если начнем присматриваться к ним, изучать. Они во многом оригинальны. В Китае тысячи монастырей, и ни один не повторяет другого. О борьбе, как таковой, слышать приходилось. О практической ценности судить не берусь. То, что я видел, напоминает мне закамуфлированное пособие индийских танцев жеста. Насколько знаю возможности наших молодцов, не думаю, что они уступят азиатам. Все же удар наших громил несравненно тяжелее щелчков местных крепышей. Но последнее слово за специалистами.

Динстон одобрительно смотрел на капитана: «Готов для более серьезных работ, чем инструктором в спецшколах. Нужно рекомендовать. У него интерес к стране. Сумеет утвердиться среди скептических улыбок».

– Интересно... – заметил он вслух. – Подобное пренебрежение, недооценка обедняет нас, сдерживает прогресс. Мы отстаем. Платим бешеные деньги за каких-то учеников. Если бы мы не были так чересчур уверенны и чаще бы видели, как эти худошавые отпрыски выводят из строя наших здоровенных парней, то, наверное, скорее и обстоятельнее занялись бы таинственным видом, в котором очень много непонятного. Особенно поражает неуязвимость. Предуга-

дывать, что следующим действием предпримет соперник. Думаю, здесь требуется нечто большее, чем мастерство. Разве для молитв необходимо такое основательное знание психологии боя? Здесь правы те, кто предполагает, что в монастырях не просто молельни и добровольные затворничества. Что это? Это должно входить в круг наших интересов. А вообще, – полковник медленно обвел всех взглядом... – вот сидим здесь шестой месяц, а что знаем? Для нашей фирмы такое положение дел недопустимо. Смею вас уведомить, господа, через три дня едем в монастырь. Готовьтесь. С нами будут представители служб Китая. Отчет готовить придется каждому. Мистер Маккинрой, не считаете вы нужным что-либо внести для сведения сотрудников?

– Не думаю. Вижу – настроены боязливо, значит, серьезно. Осторожность не помешает. Я очень склонен предполагать, что данный монастырь с большой долей уверенности можно отнести к одной из старых повстанческих сект. Их секреты – большие секреты. В головах горных мудрецов много такого, что еще неизвестно цивилизованному миру. Они знают цену себе. В этом их преимущество. Наше преимущество – наши деньги. В этом мы их переубедили.

Маккинрой закончил. Полковнику не понравился некоторый командирский тон в словах эксперта, но виду не подал. В заключение еще более начальственным тоном подытожил:

– Толково составленная записка, с богатой информацией и неординарными предложениями может сыграть роль лифта в продвижении по службе. Китай – богатая мыслями и фантазерскими бреднями страна. – Динстон повеселел от шикарных мыслей. Еще с минуту он тиражировал свои остроты слушателям. – Представляйте себя иногда монахами; легче соображать.

– Все будет о'кей, шеф! – выпалил за всех на прощание лейтенант Маккой. – Монахи еще не знают, что такое наивная рожа среднего американца.

Он заговорщически хихикнул

– Завидев вас, поймут, – недовольно бросил вслед Динстон.

– Если только я буду главным действующим лицом, – дерзко парировал Маккой.

– Мы дадим тебе возможность, как только повзрослеешь, – закрывая наглухо дверь в кабинет, устало пробурчал полковник.

Он сел. Какое-то оцепенение не покидало его. Тряхнул головой, сжал виски ладонями. Наполовину он уже знал, что напишет в Центр. В этом ему, несомненно, помогут подчиненные. Неужели только он один знает единственную преамбулу цели, с которой находятся здесь все эти сотрудники, собранные из различных уголков земли. Динстон медленно закрыл глаза, чтобы забыть докучливые мысли, которые шестой месяц терзали его. И уже будто наяву видел расплывчатые тени медленно движущихся монахов, их еле заметное шевеление губами и плотно прикрытые веки. Они, таинственно колыхая сутанами, грозно приближались. Нежелание согласиться с ним, уступить ему. Глаза выпукло закрыты, и от того крупные мурашки колюче забегали по телу. Со стороны гордо подступал непримиримый Ван, плавным движением длинных рук подносил каменный кулачок к носу полковника и, ележно ухмыляясь, упрашивал звериным рыком покинуть отцовские пределы великой Срединной. Угрюмые, могильно-печальные тени то сходились плотно, то расступались. Из-за их фигур выступал такой же серый мальчонка и, высоко подпрыгнув, с кошачьим воплем ломал ногой американский флаг, который, трясясь, весь в поту и ознобе, скрюченными до боли руками, держал почему-то сам Динстон. Он совал мальчику конфетку, звал к себе, показывал пухлую пачку долларов. Но ребенок, состроив страшную гримасу, мгновенно развернулся, вынос ногу и с силой ударил полковника в голову. Раздался оглушительный треск... вопль...

Динстон вздохнул, резко выпрямился. Помотал головой. В комнате никого не было. Также горел тусклый свет. Слева от него на полу валялись осколки разбитой огромной пепельницы-авианосца с самолетами по бортам.

Полковник потер больно ушибленный локоть. Сплюнул в сердцах на пол.

Ему почему-то сейчас ничего и никого не хотелось. Нестерпимо ломило виски и был затылок.

Часть вторая ГРОЗНАЯ ОБИТЕЛЬ

Глава первая

Шесть машин, окутывая смрадными выхлопами моторов свежий и дурманящий воздух горного ландшафта, торопливо мчались по рытвинам и колдобинам не присмотренных провинциальных дорог.

Динстон спокоен. Безрассудные китайцы вряд ли решатся потревожить колонну автомобилей с двумя бронетранспортерами. На переднем китайский флажок, номера на машинах тоже китайские. Только отчаявшиеся могут предпринять что-нибудь неестественное. Потому он спокойно, с уважительным интересом взирал на открывающийся перед ним величественный ландшафт загадочного Тибета.

Срединная – часть Великой Азии. Огромная, вставшая на дыбы возвышенность далеко простиралась перед глазами наблюдателя на север и на юг. Склоны, ущелья, выступы, скальные складки рисовано и картинно, ломаным контрастом поднимались вверх, не уменьшаясь в размерах с расстоянием, не размываясь с высотой. Утреннее солнце в ярких, восхитительных тонах высвечивало все, что желало показать путникам с самой выразительной, неожиданной стороны.

Поражающая резкость восприятия, масштабность, аллегоричность. Грандиозный лик неведомого мира, сокрытого в недрах величественной молчаливой возвышенности.

Невольно думалось: именно таким и должен быть центр Азии, центр исполинского материка. В виде поднимающегося вверх многоголовчатого купола, на котором реки, обрывистые ущелья, трещины, разломы, как иероглифы для чтения истории, начертанные веками и тысячелетиями.

Полнота таинственного немого величия невольно передавалась жесткому сердцу полковника, и он под впечатлением видимого размышлял:

– Какой ни есть Китай отсталый, угнетенный в собственной изолированности, все же это огромная страна, и она, как эти горы, содержит в себе все, что необходимо для могущества такого щепетильного в вопросах гегемонии государства.

Он начал подремывать. Иногда на какое-то время засыпал, вздрагивая на неровностях дороги, просыпался, таращил глаза по сторонам и снова начинал натужно сопеть.

Неожиданно машины резко затормозили. Полковника по инерции кинуло вперед. Вроде ему послышался даже далекий треск. Шагах в трехстах большущее оголенное дерево пошатнулось, накренилось и медленно начало опускаться всей массой на дорогу. Секунды – и автомобили оцетинились автоматическими винтовками. Выжидали. Всматривались. Дерево перестало крениться, но угрожающе покачивалось.

Крутом тихо. Местность окаменевшая, вымершая.

Послали авангардный бронетранспортер. Осторожно, крайне медленно он тронулся вперед, зорко выперев дюжину пар опасливых глаз. Ствол под косым углом предупреждающе нависал над дорогой. Несколько охранников вылезли через люк, пригибаясь, короткими перебежками обожали дерево. Осмотрелись – ничего. Углубились в разные стороны от дороги. Через четверть часа был подан знак к движению. Колонна тронулась. Когда автомобиль Динстона поравнялся с авангардом, доложили; предметом вынужденной остановки оказалось старое, со слабыми корнями, дерево.

Офицеры молча переглянулись. Полковник с достоинством вытер испарину со лба. Споун грохнул кулаком по борту:

– Их проделки.

Тяжело сели обратно на свои места. Молчали. Оружие из рук никто не выпускал. Колонна медленно прошла под деревом, набрала скорость, понеслась дальше.

Скоро дорога начала кружить меж склонов гор, поднимаясь выше и выше. Сидели взведенные.

Еще полтора часа натужной езды, и вдали показались стены неприветливого монастыря.

У покосившихся ворот стояли настоятель и десяток неподвижных изваяний разного возраста.

Пока офицеры, отплевываясь, неохотно вылезали из машин, разминая онемевшие от настороженной неподвижности конечности, а китайские офицеры о чем-то быстро тараторили с настоятелем, Споун негромко, показывая глазами, пояснял Динстону:

– Сэр, вот тот, что справа от настоятеля, и есть чемпион чемпионов. Слева – патриарх.

Когда все американцы спрыгнули на землю, стало очевидно, что прибыло их не менее сорока человек. Полковник спросил переводчика:

– О чем так живо балаболят китайцы?

– Монахи недовольны, что нас приехало так много.

– А что они хотели? – поинтересовался с ухмылкой Динстон.

– Им поясняют, что у нас с собой очень много денег, потому и охрана.

– То-то, – довольно процедил сквозь зубы полковник, – пусть знают: Америка никогда не шутит, особенно с деньгами. Валюта должна знать счет и место. Потому и богата Америка. Она считает, охраняет от посягательств свои, да и чужие деньги. В этом ее сила, могущество, неподкупность.

– Браво, полковник, браво. Добавьте: и ее людей, – декламировано поддержал Маккинрой.

– Но как они бедны, – придавая нужный контраст обстановке, внушительно продолжал Динстон. Он разглядывал монахов, словно аборигенов с островов Полинезии. – Они что, с рождения носят одну рясу? Как однообразны черты лиц. Даже не представляю, куда они смогут вложить те пачки долларов, которые мы им всучим? При их-то образе жизни! Еще торговались!

– Осторожнее, – шепнул скороговоркой эксперт. – Они тоже читают «Таймс».

– Тысячи долларов, – не унимался полковник, – им за глаза хватило бы! На всех и на много лет.

Оторвали миллион. Торгуются не хуже нашего, – уже спокойнее говорил Динстон. – Но типы мрачные. Не завидую Споуну. Майор! – громко окликав офицера, деланно развлекаясь, заулыбался Динстон. – Вам ничего кошмарного не снилось?

Споун умно промолчал. Он только настороженно следил за диалогом настоятеля и китайца.

Офицеры тамошних служб жестом пригласили американцев подойти. Но представили полковнику только настоятеля и патриарха. На остальных указали, что они старейшины и весьма почтенные люди в своем кругу. Динстона рвано пробирала неприятная дрожь от монашеского взгляда и поклона.

Их сумрачные лики неподвижны, спокойны. Во время всего недолгого знакомства стояли и глядели сквозь всю американскую делегацию в пространство. Землистая сухая кожа, как грязная гипсовая маска, плотно стягивала череп, придавая лицу неземной вид. Головы двух незнакомых старейшин были гладко выбриты, и только на макушке красовался небольшой хвостик реденьких волос.

Споун тронул полковника за локоть.

– Сэр, нас приглашают следовать вот в это строение.

Динстон очнулся. Он не заметил, как в своих мыслях, глубоко ушел в себя. Потер виски, ступил следом за майором в ветхую пристройку у стены храма.

За монахами разрешено было следовать только представителям китайских служб и американской делегации в количестве девяти человек.

Когда расселись на земляном полу, полковник решил начать первым. Ему претил климат мертвенного безличия. Хотелось поскорее закончить и уехать.

– Почтенный господин Дэ и другие уважаемые господа! Сегодня мы прибыли посмотреть вашего воспитанника и окончательно оформить соглашение. Наверное, сумею выразить общее согласие, что длительная канитель, которая сопутствовала этой встрече, изрядно надоела обеим сторонам. Майор Споун в течение двух месяцев вел с вами утомительные дискуссии, которые, как я уверен, принесут пользу китайской и американской нации. Подробности известны, цены названы. Единственное, чего мне хотелось бы, так это того, чтобы после наших встреч у вас не осталось тяжелое чувство. Мы оставляем для вас в качестве презента и в знак нашей признательности к вам лично и к вашему искусству, как реальной действительности нашего технического времени, киноленты различных видов борьбы многих стран и народов. А также киноустановку и съемочную камеру с большим запасом пленок высшего качества.

Легкий поклон монахов показал, что они довольны подношением.

– Надеюсь, – уже более свободно продолжил Динстон, – наши отношения с вами сохранятся на деловом, полезном для обеих сторон, уровне.

Представитель китайских служб удовлетворенно щелкнул пальцами.

– Уважаемый Дэ, просим вас показать воспитанника и, думаю, сможем закончить на этом. Вы не менее заняты, чем мы, – полковник неестественно согнулся в китайском поклоне.

– Полностью с вами согласен, господин Динстон. Они с нетерпением поджидают нас на тренировочной поляне, – степенно поклонился настоятель.

Последовал пригласительный жест. Все вышли на воздух. Динстону стало свежее, спокойное. Что-то не лежала у него душа к аскетам. «Аллергия, старость, что ли?» – почему-то набожно подумал он о себе.

К поляне шли гуськом. Офицеры посуровели, стали замкнутыми, понуро смотрели перед собой. Неудовлетворенность чем-то сказывалась в каждом шаге. Меж низкими деревцами и большими замшелыми валунами шагов через двести вышли на поляну, с дальней стороны которой тянуло прохладой пропасти.

У живописного пирамидального камня сидело четверо парней в позе лотоса. Неподвижных и смиренных, словно осколки этого чудного валуна.

Когда вся миссия приблизилась и с сомневающимися взглядами расселась неподалеку, послышался приглушенный резкий щелчок.

Словно повинувшись невидимой магии, послушники медленно скрестили перед своими бледными ликами руки, ладонями внутрь, и, плавно опуская их, начали, не меняя позы и наклона, подниматься. От лиц казалось, полностью загнипнотизированных, с видом немого превосходства, подчиняющихся не телу, а сатанинскому воздействию неестественных сил, веяло хладом и безликим достоинством.

– Дьявольщина! – воскликнул, скривившись, Маккой.

Между тем монахи приняли боевые позы и неторопливо начали выполнять замысловатые движения, постепенно прибавляя в резкости. Невероятная легкость движений, точность выполнения приемов, совершенное владение телом удивляли.

Динстон вспомнил слова эксперта о силе воздействия и выразительности. Если бы не такие молодые лица, можно было весьма законно утверждать, что перед вами развлекается сошедшее на землю небесное воинство.

После показа техники боя начался поединок. Означилось – трое атакующих, более старших, против одного, светловатого паренька. Он маневренно стоял, искусно отводил в сторону

удары партнеров, легким финтом исчезал от опасных ударов ног, скручивал тело в движении, и одновременные атаки трех отроков повисали в воздухе, не достигая корпуса юноши. Его движения были выверены, продуманны. Не представлялось возможным воочию убедиться, в какой степени то или иное движение правдоподобно при том малом отрезке времени, которое имели ребята в своем активе. Чем и какими критериями пользовались они в выборе очередного действия. Но грация, филигранность исполнения была в такой степени вразумительной, что если бы не скорость, с которой выполнялись атаки, и сила, с которой наносились удары, можно было предположить, что виденное – давно заученный и детально отработанный поединок показательной мистики. Но реальность не давала повода для иллюзий. Звук соударяющихся костей внушал почтение в крепости ребят, а их неподвижные лица – уважение.

Примерно через три минуты снова послышался щелчок. Бойцы, скрестив руки перед собой, с долгим неслышным выдохом, опустили на колени.

Динстон перевел взгляд на рядом сидящих монахов. Увидев узкие щелки глаз, настороженно косящихся на него, вздрогнул. Неприязненные, в упор испытывающие, глаза стариков зажали вспыхнувшую было мысль в тиски неуверенности и беспредметного беспокойства.

Но он не имел права молчать. И потому с видимым равнодушием старательно выдавил:

– И это все? Это вы считаете бойцовскими качествами? Выдюжит ли это обыкновенную уличную потасовку? Перемашку способны делать и просто шустрые ребяташки. Я надеялся увидеть кое-что позрелищнее, чем откровенную бутафорию.

Настоятель, не меняя выражения лица, спокойно ответил:

– Не знаю, что у вас имеется в виду под словом «зрелищно», но мы готовим людей не для шоу-сценок. С вами прибыли специалисты некоторых видов борьбы. Испытайте.

– Верно, но многих и не нужно. С нами инструктор Кадзимаура, имеющий шестой дан по каратэ и седьмой по дзюдо. Его мнения для меня достаточно.

Сверхстепенный японец средних лет важно встал, поклонился, надел кимоно и размеренными шагами двинулся к воспитаннику.

Противники поклонились друг другу. Японец проделал возбуждающее движение боевого настроя, выгнулся, принял боевую стойку. Корпус боком. Монах отступил на полшага назад, левую руку с полусогнутыми пальцами расположил впереди на уровне груди ладонью вверх, вторую ниже, ладонью вниз.

Кадзимаура стоял. Его кулаки медленно вырисовывали движения приготовления. Тело иногда перемещалось вперед, но снова возвращалось. Временами застывал, и снова кулаки выбирали позу активного положения. Он старался встряхнуться, расслабиться. Но мышцы спорадически напрягались, и тело вновь принимало настороженную позу. Волна неопределенности пробегала по лицу.

Стоял и юноша. Его осанка выражала застывшую мысль. Глаза, как пустые фары, направлены на японца. В них ничего не светилось.

Кадзимаура махнул рукой, сплюнул. Поклонился и пошел прочь от монаха.

– В чем дело? Мистер инструктор! – скривился в недовольстве Динстон.

– Нельзя с таким работать. Убьет еще ненароком. Он же ничего не видит. Больной, что ли. В глазах ничего прочесть нельзя.

– А насчет гонорара как?

– Только по приказу его императорского величества. От меня вы требовали отчет его я приготовлю в срок.

– Но мне нужен поединок.

– Это по моему усмотрению. Да и что вы понимаете в поединках!

– Позвольте мне, сэр! – бойко вскочил лейтенант Маккой. – Японцы никогда не были толковыми драчунами. Их хватает только на лозунги и крики.

Динстон с достоинством патриция древнего Рима махнул.

Офицер быстро направился к монаху. Полковник надеялся услышать от старейшин возгласы протеста, но те смиренно сидели и лишь иногда согласно кивали вслед разговору.

– Можно начинать? – с ловкостью администратора изогнулся Маккой.

Шеф еще раз махнул.

Лейтенант умело принял боксерскую стойку. Левое плечо вперед, подбородок на грудь. Глаза, как у кабана-секача: прямо и упрямо. Пудовые кулаки натружено водил перед собой, готовясь к атаке. Подшагнул к парню. Тот неподвижно стоял, немного выставив обе руки перед собой, ладонями вперед.

Удар правой прямой. Вместе с рукой американца голова воспитанника плавно отошла назад. Удар левой. Снова голова без толчков и соударений переместилась прочь на длину вытянутой руки лейтенанта. Впечатление, будто чугунные кулаки Маккоя только отодвигали восковое лицо аморфного монаха.

Янки размахнулся шире и сильно двинул в голову. Но она, будто намагниченная, держалась на расстоянии нескольких миллиметров от руки и вместе с ней послушно отходила назад. Резче. Резче. Лейтенант мощно выбрасывал кулаки вперед и упорно шел следом. Удары были такой силы, что заставили бы замертво упасть быка-трехлетку. Но они повисали в воздухе. Физиономия Маккоя набычилась, и он уже разошелся, как танцор. Удар следовал за ударом, но парнишка, словно издеваясь, совершал однообразное. Наконец, стараясь действовать незаметно, лейтенант попробовал садануть ногой.

Тело юноши скрутилось в бедрах, и армейский ботинок последних размеров шаркающе прошелестел рядом.

– Яа-га!! – рявкнул во всю мощь грудухи Маккой и изо всей силы стукнул другой ногой,

Как в железную перегородку уперлась она в предплечье монаха. Американец взвизгнул, но виду, что больно, старался не подавать. Немного пригибаясь, продолжал вымахивать огромными кулаками, но уже без всякого старания и техники. Вот он как молотом грохнул рукой сверху, снова хрипло рявкнул. Предплечье его плотно и с болью втерлось в кость руки монаха. Лицо исказилось, но глаза продолжали упорно злиться. Серия размашистых ударов – только воздух. Американец теснил соперника к краю пропасти. И, наверное, догадался, что сможет отыграться. С отчаянным воплем бравого морпеха шумно набросился, стараясь достать и загнать к краю. И в этот миг как подкошенный плюхнулся лицом в траву. Вскочил. Но мальчишка стоял уже в стороне, и коротко двинул открытой ладонью прямо в ухо Маккою. Тот дико взвыл, схватился за ушибленное место. Короткий удар ногой, и вся стокилограммовая масса лейтенанта рухнула на землю.

Монах отошел в сторону.

К Маккою подбежали два офицера, помогли ему переместиться на край поляны.

Динстон недовольно морщился. Он не понял, почему можно упасть от короткого, внешне не увесистого толчка воспитанника. Его подчиненный и выше на голову, и тяжелее раза в два. Но дело сделано. Лейтенант повержен, и это факт, который не оспоришь.

Все это удручающе действовало на полковника.

– Господин полковник, у вас имеются еще вопросы?

Динстон поднял глаза на спрашивающего. Это был настоятель.

– Да. Имеется среди нас инструктор по фехтованию. Хочется знать степень владения холодным оружием.

Тот охотно кивнул.

Полковник повернулся, пригласительным жестом показал на капитана.

– Возьмите саблю, дорогой Дэртон. Раскройте мастерство монахов так, чтобы нам полнее было видно. И заодно докажите, что ваши угрозы не беспочвенны, когда уверяете своих собутыльников, что отрубите им уши, если они не поверят в наше мастерство.

Капитан живо встал, коротко кивнул.

– Какие условия, сэр?

– Никаких. Не петушитесь. Без крови. Поиграйте техникой, и я оценю.

Дэртон отошел в сторону, скинул защитного цвета куртку. В это время двое подростков прибежали с тренировочными саблями. Воткнули их в землю.

Капитан подошел, осмотрел все шесть сабель, которые немного отличались между собой длиной и шириной лезвия. Выбрал потоньше и подлиннее. Сделал несколько разминочных махов оружием. Рубанул ветку дерева, развернулся к монаху. Выразительным жестом клинка показал, что готов к поединку.

Юноша стоял уже с саблей, короткой, но более широкой. В ответ легко поклонился, выдвинул вперед правую ногу, клинок переместил вниз.

Капитан, судя по движениям, с какими он приближался к схимнику, имел большой опыт и проявлял высокое мастерство владения оружием. Сабля описывала выразительные линии, указывая направления атак и уколов. По мере приближения, все его внимание заострилось на противнике. Сблизившись до трех шагов, в неожиданно длинном выпаде нанес круговой удар, описав дугу под соперником, целясь в левый бок стоящего. Мах пришелся по сабле коротким движением, жестко встретившим соперника. Затем последовала серия быстрых ударов: в голову, правый бок, голову, колющий в грудь, круговой в голову, колющий в ногу. Но все атакующие выпады встречались хладным опережающим блокированием сабли. Последний колющий был ловко направлен в землю. Оружие капитана легко вошло в мягкий грунт. Не успел он выдернуть клинок, как тот мгновенно был сломан ногой ученика.

Американцы выпрямились. Динстон раздосадовано махнул рукой:

– Капитан, вы не продержались и минуты. Американец в свою очередь язвительно заметил, метнув обломанный кусок сабли в ствол дерева:

– Джентльмены не ломают оружие. Но я, ко всему прочему, не слаб руками драться.

– О, сэр, – не на шутку вспылит полковник, – не нужно оправданий. Вы биты вашим оружием. А миф о джентльменстве оставьте для газет и романтиков. Возьмите другую саблю. Я ничего не понял. Не успел сосредоточиться.

Капитан постоял несколько секунд в позе судьи с правом решающего голоса, широко расставив ноги и решительно подперев руками бока, утвердительно кивнул и подошел к воткнутым саблям. Взял не глядя одну из них.

Теперь его движения стали осторожнее, но более резки, опасны. Заметно стало, что он стремился придавить парня психологически. Заставить бороться. Но глядя на молодого монаха, трудно было сказать, что попытки имели успех.

Несомненно, Дэртон фехтовал красиво, изящно, с грацией и достоинством средневековых дворян. Его упражнения смотрелись. Техника, отработанная перед зеркалом, восхищала, доставляла видимое удовольствие. Шаги, подходы, выпады, движения и жесты могли принадлежать с одинаковым успехом как кавалеру высшего света, так и немногим наставникам изящного фехтования. Что-то блистательно-известное от восхитительного Арамиса.

Но при всем этом в нем не было чего-то именно бойцовского, строгого. То, что делалось на зрителя, сейчас выглядело неубедительным, во многом лишним и ненужным.

Изящество видимого столкнулось с простотой, кистевой мощью, безошибочно направленными движениями, опережающей скоростью удара, безэмоциональностью поведения.

С виду монах фехтовал очень просто. Клинок его сабли редко описывал большие дуги. Точность остановки лезвия чуть ли не ювелирная. С удивляющей легкостью тяжелая тренировочная сабля вращалась в кисти воспитанника. Но его элементы боя выстраивались в высокую убедительную достоверность владения искусством фехтования.

Заметно: его клинок опережает оружие американца. Вращающийся блеск сабли озорно метался по воздуху, издеваясь над попытками капитана догнать, достать. Иногда клинки долго извивались друг около друга, не оставив искры от соприкосновения.

Полоснув рубаху Дэртона в одном месте, отражение луча на лезвии протыкало ее уже в другом, тогда как янки еще защищал уже продырявленное место. Рябило в глазах от скоростных махов блестящих сабель. Послушник не водил рукой, как его оппонент: почти одной кистью вращал оружие, защищаясь и атакуя. Удары, быть может, были менее сильными, но более скорыми, экономными, с жестким сцеплением лезвий при соприкосновении. Пошла вторая минута. Лицо Дэртона покраснело, вспотело. Но он не желал признавать превосходство противника. Цветастая рубаха висела ключьями. Тяжелые выпады следовали с настойчивостью обиженного бизона. Вперед. Наотмашь.

Забыты слова полковника.

Наконец произошло то, что никто не ожидал и не каждый до конца понял. Монах, остановив боковой удар жесткой подставкой сабли, успел схватить рукой за лезвие и выдернуть ее из рук изрядно уставшего и опешившего американца.

Обреченно махнув рукой, Дэртон пошел к онемевшим зрителям. Оправдывающимся тоном устало выговорил:

– Это машина. Не человек. Нормальному с ним невозможно, – постоял, хрипло отдышался, – в глазах пелена. Глухая. Беспросветная. Тип опасный. Не от мира сего.

Потом вдруг схватил новую саблю и с диким гиком бросился на воспитанника. Тот стоял на прежнем месте, держал клинок посередине лезвия. Так он принял вызов, не меня хватки оружия. Динстон открыл было рот, чтобы образумить разъяренного офицера, но наблюдая, как юноша уверенно фехтует концами оружия, только и смог, что удивляться, да проклинать несдержанность подчиненного.

Недолго длилась сумасшедшая рубка, во время которой монахи не произвели ни одного протестующего жеста. Их мерное покачивание только подсказывало, что они удовлетворены действиями отрока. Наконец Дэртон, обессилев, бросил саблю, подошел и сказал:

– Не нужен такой. Он не поймет нас.

Но его мыслей не разделил мистер Маккинрой:

– Наверное, капитан, вы преувеличиваете. Мир един во всех измерениях. Просто вы не в форме. Никотин, алкоголь не содействуют поддержанию безупречной способности к самовыражению.

Дэртон уставился на эксперта, как на дурачка. Но тот невозмутимо продолжал:

– Длинная дорога, психологическая неподготовленность к неожиданному сопернику... Да и всякое прочее.

Слушая его, трудно было понять, сочувствует он, поучает или просто смеется, симпатизируя молодому монаху. Голос язвительно-примирительный то выдавал нотки смешливого юмора, то удивление случившимся, то оправдания и говорения, что при иных обстоятельствах все могло быть наверняка иначе. В том же ключе продолжил:

– А он молодой, здоровый. Не подвержен гнилым соблазнам бесцельной жизни цивилизации. Глаз точен, рука верная. Пробки из-под виски еще не видел. А вы, дорогой, наверняка не одну опорожненную банку от себя отшвырнули в пахучем балагане.

Капитан недвусмысленным движением пальца у головы красноречиво показал, чего стоят все вольные измышления эксперта. Но послушный ряд старейшин одобрительно смотрел на Маккинроя.

– Вы что, сэр? – похожим тоном забраковал все сказанное Дэртон. – Это вы меня в тридцать три года списываете по возрасту? Глупости.

– Как бы то ни было, – ненавязчиво язвил эксперт, – чемпионом в таком возрасте редко становятся, не расстраивайтесь. Фехтовали вы весьма умело. Согласен, что среди служб второго, как вы, нет. Но здесь школа не та. Им известны наши приемы. Нам их способ неизвестен. А это очень сильное преимущество.

Капитан сел подле полковника.

– Парень и впрямь неподдельно силен. Не мешало бы проверить его кисть Такие удары. Орангутанг.

– Ничего страшного, – тихо, еле шевеля губами, ответил Динстон, – теперь он наш. Но, – уже громче, обращаясь ко всем, – насколько я понимаю и насколько вообще смыслу в борьбе, то даже европейское каратэ, которое существует на теперешнем уровне, куда эффективнее того, что мы могли волею длительных и напряженных дискуссий, за немалую сумму в долларах видеть собственными глазами. Споун, скажите, ради чего мы затевали такой несоразмерный торг?

Майор, не глядя на полковника, зло поджал губы.

– Кто их знает? Вы заказывали кунфиста. Его нашли. Не думаю, что монахи вот так, раз, и расщедрятся, покажут все свои секреты. Не те у них рожи.

– Тише, – снова, как накануне, вставил эксперт. – Не чудите у конца дороги. На глаз не определишь, чья борьба эффективней. Японец отказался? Отказался! Мне это о многом говорит. Если вам мало, есть лейтенант из Сан-Франциско. Он девять лет занимается. Черный пояс нацепил. Вот мы и посмотрим.

– Ха! Верно. А я и забыл. Ну-ка, мексиканец, давай, твори! Может и впрямь я чего не понимаю.

– Пардон, господа, пардон. От меня требовался только отчет. Его я и представлю.

– А почему так дешево, Кинг? Ты что, не американец? – взбесился Споун.

– Конечно, нет.

– Чтоб ты сдох, оливковое масло!

– Ну, ну!

– Что ты нукаешь. Ты с мальчишкой понукай. Свое ремесло покажи.

– Довольно господа, довольно. Чего доброго, между собой кунг-фу затеем. Поучиться сначала надобно. Не смотрите так, черти, друг на друга. Все вы не стоите тех окладов, что получаете. Успокойтесь и вы, майор, и вы, лейтенант, – медленно, передразнивая, в стиле гипнотизера тянул полковник.

Подчиненные отвернулись друг от друга и дружно сплюнули на землю.

Динстон встал. За ним поднялись остальные.

Настоятель и его люди смиренно молчали, охотно забавляясь распалющимися взглядами офицеров.

Полковник с переводчиком приблизились к монахам.

– Наверняка вот этот молодой человек и есть тот русский, который нам так тяжело дается?

– Вам не откажешь в сметливости, господин Динстон, – с нотками печали, учтиво молвил Дэ. – Вы не ошиблись. Редко встречаются люди бойцовских дарований, какими обладает отрок сей.

Полковник переборол постороннее чувство и, меняя тему, знающе заговорил:

– В бою он смотрится. Невозможно представить, что так можно работать в обыкновенной драке. В нем есть что-то глубоко спрятанное.

– Праведный плод, высокая рука, – согласился настоятель.

– Если он не будет торопиться, если не случится чего неожиданного, то у него может быть интригующее будущее.

– О, господин полковник, если человека не останавливает многочисленное «если», то, согласитесь, можно жить очень долго.

– Тоже верно, – согласился Динстон. Отвесил похожий поклон. С чувством гадливости отошел в сторону.

Его постоянно не покидало чувство, что разговаривают с манекенами. На сухих лицах никогда не появлялось оживленного выражения. Все эмоции сводились к отдельным восклицаниям, шелканьем пальцев.

Лицо – подобие неудачной маски. Без видимых морщин. Не выказывает никаких стрессовых состояний, никакого внутреннего напряжения. В разговоре также неподвижны, как при отрешенном созерцании безделицы. Трудно с ними разговаривать. Не знаешь, к кому обращаешься. К живому или к коченеющей на глазах, глядящей человеческой плоти. Живую работу мысли можно угадать только по еще более сужающимся векам. Две настороженные искорки, как лезвия тьмы, напоминают, что объект существует, мыслит, скрывает в себе потенциал непредсказуемой неожиданности.

Динстон чувствовал себя уставшим, разбитым. В разговоры не вступал. Молча поглядывал на молодого монаха, стараясь предугадать в нем его будущие способности.

Тот стоял немного поодаль. Чем больше разглядывал полковник, тем более не мог определить его состояние, повседневность.

Перед ним стоял индивидуум, в такой степени пустой, отрешенный, с глухим безразличием, что Динстону отрезвляюще думалось: не напрасно ли они так долго и дорого торговались? Не было ли это глупостью; вслепую настаивать и терять столько времени и денег. Такая душа не может иметь тропинок душевной мягкости.

Настоятель что-то неторопливо бубнил американцам, показывая рукой на монастырь, ущелье воспитанников. Динстон не слышал его. Пространственный взгляд юноши уходил куда-то за левое плечо. Водянистые глубинные очи недвижно поблескивали. В немигающих зрачках, словно в темном проеме, скрывалось настороженное ожидание-готовность. Чувствовал полковник, что сквозь эту затаенную пустошь пробивались волны внимательно следящей мысли. Что взгляд неприязненного монаха не просто застыл. Что он, Динстон, находится под пристальным, упорным изучением. Что-то не по себе стало жесткому резиденту. Липкий, вражеский холодок тронул спину. Пробовал отвести взгляд – не получилось. Придавило мысль, бросило в жар. Потом в озноб. Мелкие капельки пота проступили на лице. Ноги задеревенели. Открыл рот, но уста не работали, грудь спазменно подергивалась: не вбирала воздух. Пронзающий взгляд схимника становился мертвящим, призывающим. Упорство достигало такой пронизывающей силы, концентрированности, неизбежности, что Динстон, силясь помочь себе руками, не сумел поднять их. Дурманящий туман мертвяще пробирался в голову, поплыл перед ним. Не хватало живительного кислорода. Исчезали последние силы. Пустота, обреченность пробирали могильным холодом. Глубоким подсознанием дошло, что стоящий впереди смотрит теперь на него, сквозь его тело: пустое, незаполненное. Жало глаз пронизывало сердце, мозг, нерв. Полковник зримо ощутил, как отмирают конечности, как пустота в них заполняется шалееющим холодом, просачивается к груди, голове. Свинцово сдавило шею, позвоночник. Стал хватать воздух губами, глаза беспомощно выкатились из орбит. Судорожно екнул, дернулся, и... упал. Упал тяжело, беспмятно.

К нему подбежали, приподняли, расстегнули ворот рубашки. Но полковник находился в глубоком шоке. Только после того, как настоятель надавил где-то между ребер, американец начал медленно приходить в себя. Глаза безучастно шарили по лицам столпившихся вокруг. Губы силились что-то сказать, но слышимости не было. Пробовал подняться – не смог.

Наконец в зрачках начало появляться что-то осмысленное. Динстон понял, что ему дают какие-то советы, но еще не слышал. Увидев холодные шелки глаз монахов, вздрогнул. Силы понемногу приходили, заполняли тело. Через минуту с посторонней помощью смог встать. Оправил на себе рубашку. Но тут его неожиданно и бурно вывернуло нутром. Полегчало. Вернулся слух. Снова услышал советы, обращенные к нему. Только теперь полковник достаточно пришел в себя. Обрел прежнюю надменность. Мелкая дрожь болезненно напоминала о происшедшем. Сел на ствол дерева. Офицеры участливо и непонимающе уставились на шефа, пред-

лагая свою помощь и знания. Тот махнул на всех рукой и, повернувшись к настоятелю, зло спросил:

– Наверное, это все ваше подлое коварство? Воспользовались моей впечатлительностью, старостью.

Сиплым голосом настоятель извиняюще пояснил:

– Между вами и воспитанником образовалась психологическая аллергия. При встрече возник момент парализующего давления с нервным воздействием. Это один из примеров, когда противники до начала схватки изучают друг друга, прощупывают состояние, волю, готовность к поединку. Неподготовленные, психологически слабые выбывают из борьбы на ранней стадии.

– Как это называется? – гневно прервал полковник.

– В истлевших источниках упоминается, как...

– Нет, я не это спрашиваю. Что это ваша мерзость, я догадался и без вашей помощи, – Динстон едко повысил голос. – Что за идиотство – проводить опыты на мне?

Но монах вовсе не обиделся на резкий тон американца. Казалось, он был даже удовлетворен состоянием и невыдержанностью оппонента.

– Видите ли, вы ответственны за исход переговоров. Много передумали, пережили. В какой-то степени издержались. Неуверенность крепкой хваткой держала вас в постоянном напряжении несколько месяцев. У вас сравнительно крепкая психика, но немало изъедена бурными годами прошлого. Все ваши мысли и дела в последнее время крутились около воспитанника. Он стал центром всех ваших неувязок и стрессов. Все это вместе взятое подготовило вас, ослабило для воздействия со стороны. Вы старший. Использование другого в данном качестве не возымело бы нужного эффекта. Вы бы не поверили и назвали бы все мистификацией. Ведь за те деньги, что получим мы, можно и подкупить. А так последнее слово за вами.

Динстон скривился в неестественной усмешке.

– Что за вранье. Подобрали момент: жаркое солнце, духота. Мне непривычен здешний климат. Я тоже многое могу по-своему объяснить. И тоже буду прав. Но я не стар, я еще покажу. Динстон у многих в памяти вьется. Пора кончать. Распишемся, получим деньги и о'кей. Время не дремлет.

Все двинулись обратно. Теперь впереди быстро вышагивали дюжие американцы. Им не тепелось скорее покинуть эти дикие места.

Деловые бумаги были оформлены сравнительно быстро. Долше пришлось возиться с банкнотами. Следуя заведенному правилу, несмотря на согласие монахов не пересчитывать, янки с бюрократической дотошностью пересмотрели и посчитали все пачки. Потом, чинно отдав честь, с широкими улыбками быстро развернулись и зашагали к своим машинам.

Через час был объявлен отъезд.

Старейшины все время находились вместе. И сейчас, окинув продолжительным взглядом собирающихся в дальний путь, развернулись и медленно потопали к себе.

– Минутку, господин Дэ! – окликнул настоятеля Маккинрой. – Позвольте спросить. Может это лишнее, но хочется от вас услышать. Не замечали ли вы в своем воспитаннике странное изменение блеска глаз? Такое, как бы точнее выразиться, – эксперт пошевелил пальцами в воздухе, выискивая нужное слово, – превращение из отрешенного в отвлеченное чем-то иным, более высоким в данный момент, чем сам поединок. Удивительно, он как бы загорается внутренним свечением, и разум его занят уже не перипетиями самой схватки, а чем-то совсем не относящимся к поединку. Что это? И что может занимать душу в эти перегруженные для нервов минуты?

Настоятель по-новому посмотрел мимо эксперта на удаляющихся офицеров.

– Вы не так просты, как ваша челядь. Это делает вам честь. Да, мы добиваемся такой степени свободного владения ведением боя, – пусть то тренировочный или смертный, – при кото-

ром защитная система организма, которая на первое место выпячивает важность сохранения плоти, сдвигается на отдаленный план. В эти минуты она подавлена важностью самого контроля поединка и потому включена в жизнедеятельность до определенного момента. Вся эта свобода – освобождение массы нервных волокон от ненужного напряжения – даст новую степень свободы для той мысли, которая возникает в результате полного отрешения. И именно то, что может находиться за пределами обычной человеческой мысли – на грани двух миров: темного и светлого – приближает к порогу истины. Для нас это очень важно. Без этого мы не зрим состоявшегося человека. Здесь наше учение подходит к участку нирваны: к тому моменту, когда человек, освобождающийся от земных пут, мыслит, как существо без тленного, капризного тела, как эфирный разум.

Вы хоть и американец, но, похоже, постигли многое из китайского. Сумели заметить то, что дано не каждому. Это ставит для меня загадку: кто вы? Для эксперта слишком глубоки. Для разведчика слишком интеллектуальны. Единственное, что хотелось бы добавить к сказанному и вами виденному: для отрока момент сей боевой истины наступил непомерно рано. После тридцати лет мы считаем, что человеком начинает овладевать жажда глубокого, сокровенного. Чем это вызвано? Признаюсь, для меня это тоже необъяснимо. Подмечено то также Ваном и патриархом. Тьма. Наверное, ближе всех Пат. Еще год назад он как-то обронил, что Рус хоть и ребенок в своем развитии, но мысли его уже стучатся в двери великих истин. Если это так, то в воспитаннике просыпается великий мастер. Это не слова. Это то, что когда-то имелось в редких мастерах прошлого, истина которым открывалась на безжалостном острие двух антагонистических миров. Сам Пат – представитель прошлого. Ван – его наследник. Но они молчат. Философское величие их натур находит выход только тогда, когда они, как в себе, уверены в том человеке, которому хотели бы передать сокровенность имеющегося.

– И даже вам? – но выдержал Маккинрой.

– И даже мне. Я для них еще слишком молод.

Вану восемьдесят один. Патриарху девяносто шесть. Мне только еще шестьдесят шесть. Как видите – мальчишка. Я согласен с западными мыслителями прошлого: зарывать добытое веками, кровью озарения никак нельзя. Но мудрецы наши считают мир сей слишком плотски боязливым и жалостливым к себе, чтобы поведать то, что не может служить, для мирян правдой и сутью. Многие великие мудрецы гибли в боях, в коих стремились к сущим озарениям. Уносили познанное с собой. Сколь обогатилась бы человеческая мысль, прими она в свое лоно те знания, что могли привнести чародеи боя. Неправоммерное разбазаривание, пренебрежение человеческими находками. Но они стойки в своих принципах.

– Почтенный настоятель, – скороговоркой, стараясь не нарушать мысли священнослужителя, затараторил эксперт, – а может, где-нибудь есть записи? Невозможно поверить, что столь мудрые люди могли легко расставаться с кровно приобретенным, не подумав о будущих поколениях. Они ведь философы. Не торгаши – зарывать богатства мысли в бездну небытия.

– Может быть. Если это так, то мне еще не скоро узнать, где они могут находиться.

– Поразительно. Как можно! Это же самоотречение и от лавр, и от известности, и от самого что ни на есть прогрессивного движения мысли к дальнейшим познаниям.

– Вы правы. Но переубедить их нечем. Возраст не переборешь.

Эксперт возбуждался от услышанного, но не знал, как продолжить разговор. Мысли его блуждали, призывно напоминая, что и настоятель – воин не из последних. И он наверняка имеет свои суждения. И поди, перевалил мешок обязанностей на плечи патриархов, а сам скромно, как ученик в годах, отошел в тень. Вспыхивающий рой мыслей не давал покоя.

– Извините, мистер Маккинрой, у нас времени всего одна горсть.

Монах откланялся американцу и засеменял под крышу обители.

Я не спорю с дерзкими крыльями,

*Что за тучи нас вознесли.
Только знаю: теряем силу мы.
Уходя от земли
Петрусь Макаль*

Сидели.

Девятнадцать монахов. Среди них Рус, которому еще только осенью исполнится восемнадцать.

Время туго поскрипывало натянутой тетивой. Но они сидели, и каждый думал о своем так, будто это обычное полуночное бдение. Секунды размышляюще передвигались за спину, приближая минуту, после которой долгий выдох возвестит, что решенное не повернуть вспять. От того и были они серы, печальны. Как идолы, сидели на земляном полу, скупно взирали на одну общую точку. Наконец настоятель оторвал взгляд и устремил его куда-то сквозь темную стену в пространство. Глухой голос тяжело выдавливался из волевых уст.

– Рус, время расставаться. Книга бытия переворачивает страницу, нам остается только созерцать ее строки.

Тихий, размеренный голос настоятеля затаенной, сверлящей болью обреченно отдавался в сердце юноши. От нахлынувших известий сдавило дыхание. Черная печаль услышанного ночным страхом легла на еще не до конца понимающее чело отрока.

– Пату, Вану, мне, да и другим нелегко тебя отпускать. Но судьбу не обманешь. Наше братство прониклось к тебе верой и надеждой. Жизнь отрывает тебя от тех уз, которые в свое время дали тебе приют, утверждение как человека. Дальше идут белые страницы, и тебе самому придется писать на них. Люди прочтут, разберутся, насколько твои деяния согласуются с общечеловеческим. Ты русский, но монастырь тебя принял, воспитал. Верим, что будешь достойным продолжателем наших мыслей и дел. Так уж случилось, – некоторое время Дэ молчал, поглядывая на Руса будто в последний раз, – обстоятельства сильнее нас. Твоя судьба – твой рок. Ее не отбросишь, не подкинешь в чужой огород. Видно, не суждено тебе стать прямым преемником наших долгих традиций, славою монастыря. Пройдет совсем немного времени, и ты будешь жить среди людей, коварство которых и алчность не идет ни в какое сравнение с жестокостью зверей, вся беда которых в том, что они ведут борьбу за существование. Мы не готовили тебя к мирской жизни, жизни в человеческих джунглях, где закон своего выше всяких благих убеждений. Иная судьба готовилась тебе, но, повторяю, не наша в том вина. Трудно сейчас предсказать, что ожидает тебя впереди и что может произойти в круговерти человеческих напастей. Но помни: каждую минуту, каждую секунду своего бренного существования ты должен всегда оставаться человеком в самом добродетельном смысле этого слова. Для этого дана тебе сила, – настоятель мягко взглянул на Руса. – Не забывай всего доброго, чему мы тебя наставляли все эти годы. Долго думали мы, какие слова найти на прощание, чтобы сказанное сохранилось, откристаллизовалось на всю жизнь. Тебе неизвестна жизнь за стенами монастыря. По ходу придется приспособливаться к мирской суете. Но не это тревожно нам. Через несколько лет злой ветер занесет тебя в Россию. Это твоя родина. Не делай зла людям, которые там живут. Ни на кого еще не поднимали они руки своей. Это великий народ, достойный уважения и почитания. Ты обучен не убивать. Присматривайся. Учись мягкости, человеколюбию. Тебя нетрудно обмануть. Не торопись. Прислушивайся к сердцу, голосу разума. Помни, не стоит жизнь убийцы жизни труженика. Звезды ничего не говорят, суждено ли нам увидеться. Но если тебе волею судьбы понадобится кров, помощь, приходи сюда. Ты записан в нашей книге. Сколько бы лет ни прошло, наша обитель, наши родственные монастыри всегда признают тебя, приютят. Мы верим. Верим потому, что воспитанник ты наш, кровью наш, совестью наш.

Дэ замолчал. Прошло несколько томительных минут. Недвижные лица созерцали одну точку пространства. Глаза Руса блестели от слез.

Связь времен концентрировалась в невидимой, но осязаемой точке энергии.

Заскрежетали железно слова Вана.

– Брат мой, Руса. Из-за слабости своей придумали люди лук. Как ступенька в развитии цивилизации, он сыграл положительную роль. Но худшее, что они использовали это увлекательное оружие как предмет мести и уничтожения друг друга. Непостижимо для ума столь высокого, каким обладает человек. Но сему опасному виду можно противопоставить мастерство, выучку. Со временем изобретено оружие, сводящее на нет физические возможности человека. В эволюции рода человеческого оно уже не сыграло никакой положительной роли. Пистолеты, винтовки, автоматы; средства уничтожения человека никакими соображениями высшего порядка оправдываться не могут. Варварское оружие – оружие варваров. Человек бессилен в единоборстве с ним. Наши великие предки, мастера смертельного боя, в прошлые века еще пытались доказать более высокие возможности человека по сравнению с тем оружием. Но тогда оно было еще медлительным. Сегодня защита от такого оружия – совершеннейшее владение этим оружием. Ты должен запомнить и уяснить: янки будут обучать владению многими видами стрелкового оружия. В этом они преуспели. Сынок, ты должен научиться стрелять, как никто другой. В этом для тебя шанс выжить за стенами монастыря. Для этого у тебя все имеется. Чует мое сердце: на пути твоём очень много плохих людей стоит. В мои годы люди ищут покоя. Я не ищу. Пошел бы с тобой в края дальние но меня не берут. Запомни второе: твой выстрел должен звучать первым. Иначе сердце Вана не выдержит, и пойдет он стрелять всех, кто повинен будет в твоей гибели. И попадать во врага ты должен так, чтобы не слышать ответного выстрела. Иначе все теряет смысл, значение. Незачем строить дом, если заведомо знаешь, что не достроишь. Жестоко, но это так. Такую жизнь создал себе человек. Неймется ему на мягких подушках. Убийства желает зреть. Обыватель – он и есть обыватель. Береги себя. Не вижу за стенами монастыря того, ради чего стоило бы погибать тебе. По своему сердцу ты стоишь выше многих. Только добро – твой удел и призвание. Помни нас, помни братьев.

– А я совсем не хочу уезжать! – вскрикнул сорвавшимся голосом Рус.

Угрюмые глаза, пораженные тоской, подобно стывшему огню, смотрели пламенно и моляще.

– Жизнь сильнее нас. Судьба ведет тебя на первый помост. Ты должен пройти его. На пути твоём возникнет не одна гора и не одна пропасть. Будет огонь, будет вода. Помни: человек создан помогать другим. Не давай памяти расслабляться.

То были последние слова настоятеля. Еще сидели они. Каждый думал свое и общее. Потрогав подбородок, тихо заговорил Пат.

– Рус, дитя человеческое. Как бы ни был мал человек и ничтожен по сравнению со Вселенной, он по силе своей мысли, мечты, по охвату и проникновению в самые удаленные и глубинные края мира, равен ей, подобен ей. Поэтому, как бы ни оставался мал человек и ничтожен в своей брэнной плоти, он не имеет права мыслить мелко, низко. Разум – это то, что равнит вечность и безграничность Вселенной с силой ума человеческого. Потому, Рус, не замыкайся в себе, помни, что рядом люди, что им может потребоваться твоя помощь, что они готовы помочь тебе, что один человек – не человек, как одна звезда – не небо. Человек – плоть Вселенной. Он не менее ее, но и не более. – Пат вдумчиво вращал четки-сувениры. – Помни, Рус, тебе верят. Отпускают в необъятный клокочущий мир бытия, в котором, не пожив, не разберешься. Удачи тебе и везения! Не уподобляйся мелкой сошке. Прощай.

Опыт, молодость, бесстрашие, спокойствие, крепость воли, доброта истинная – все было в этих скупых на эмоции почтенных монахах. Таких различных, не похожих друг на друга, но объединенных одной мыслью, одной целью, питавшихся одной истиной.

*Не уйти от того, что в глубинах души
Из бунтарского семени вызрело,
От того, что сейчас притаилось в тиши,
Чтобы в будущем грянуть как выстрел.
Петрусь Макаль*

Рус стоял у ворот монастыря. Глаза его ничего не видели. Недвижная бледность покрыла чело. Взгляд, частивший от беспомощной борьбы и смятения чувств, выдавал скрытый ужас. Что-то трещало внутри, как натянутый трос, готовый в любой миг сорваться.

Дэ подошел к воспитаннику.

– Ступай, сынок. Время сведет нас, и мы снова будем вместе. Ступай.

Губы Руса мелко подрагивали. Невидящим взором огляделся, еще раз поклонился старейшинам, развернулся, и неуверенно, будто впервые ступал по земле, медленно направился к американцам.

Шел, волоча ноги. Обернулся. Чуть ли не весь монашеский анклав стоял у ворот.

– Пат, – тихо, почти неслышно, заговорил настоятель, – у меня чувство, будто мы сильного ручного зверя выпускаем на волю. Как-то он сможет там? Поймет ли жизнь?

– Сильные не погибают, – с вызовом, брошенным всем силам Рока, голосом, которым даже никогда не разговаривал с янки, вставил Чемпион.

Рус удалялся от них, повернув голову. Смотрел и шел... Спотыкался... Чем более увеличивалось расстояние, тем более темнело его лицо. Шел, как бы погружаясь в морскую пучину.

– Что за сентиментального чухла выставили нам монахи? – злорадно и язвительно изрек Динстон, с ехидством наблюдая сцену прощания.

Юноша поравнялся с янки, остановился. Пальцы мелко тряслись. Желваки на скулах нервно перекатывались. Он стоял, расставив ноги, разведя руки, как малыш, которому неинтересно и страшно подходить к незнакомым. Снова обернулся.

– Довольно, – хлопнул по плечу отрока один из охранников, – дорога длинная.

Рус, не поворачивая головы, издал хрип стонающей кошки: короткий, жуткий. Быстрый, почти неуловимый для глаз шелчок ноги. Дюжий пехотинец согнулся, схватился за живот.

Подскочил второй. С отвагой бравого джи-ай протянул руку к уху парня. Но следующее мгновение гримаса боли исказила его физиономию. Он неловко кувыркнулся у ног монаха.

– Рус!!! – громовой голос Вана заставил всех вздрогнуть и обернуться. – Слушайся отцов. Повинуйся обстоятельствам.

Воспитанник собрался и медленно побрел к указанной машине.

– Вот вам, сэр, и пантомима. У Смита глаза навывкате. Доедет ли до Пекина. А ведь и не бил вроде. А вы.. мистификация. Японец, и тот наотрез отказался. Этот звереныш стоит своих денег. – Умно рассуждающий голос Споуна больно бил по самолюбию полковника.

– Помолчите, майор. Много вы знаете. Мы пристрелим его, как помойную кошку, голосом которой он так страдальчески воеет, если что не так.

– Несомненно, мы..

Но неожиданный, новый, жуткий вопль агонизирующей гиены с дрожащей вибрацией звука заставил до потери личностного передернуться всю американскую свиту.

– Каб ты сдох, – только и сказал Маккой.

– Не так-то все просто в этом обиженном мире, – продолжил прерванный разговор настоятель, – ой, как не просто. – Но в голосе слышались нотки уверенности и нескрываемой гордости.

– Дэ, ты видел косяк двери, за которую взялся Рус в последний раз?

Настоятель и патриарх повернулись к Вану.

– Там остались вмятины от пальцев. Не думаю, что кто-то сможет пережить мертвую хватку нашего брата.

Суровый глаз Большого Чемпиона зловеще светился боевым блеском, затаенной радостью.

– Хотелось бы, – поддержал патриарх. – Не слепой да увидит, не глупый да предвидит. Но мир и души людские так неопределенны. Придется Коу Кусину держать самые прямые отношения со службами. Позаботьтесь, Дэ, чтобы через две недели все настоятели «Воли» собрались во втором Шаолиньсу.

– Значит, и мы переворачиваем свою страницу? – спросил настоятель.

– Времена круто меняются. Запах и направление ветра в Срединной не предвещают никаких послаблений монастырям. В высоких кругах уже слышны призывные склоки против храмов. Нужно почти все наши монастыри, кроме Шао, переводить дальше в горы, как во времена больших репрессий, чтобы сохранить людей. Рус дал временную поблажку только для Шао. Авторитетна ли будет его фигура в полемике, чтобы смерч анархистского дебоша не тронул наши монастыри? Скорее всего нет.

Ехали подавленно, молча. Покачивались, потряхивались в такт дорожным ухабам. Разговаривать не хотелось. Думать тоже. Но...

– А вообще-то монахи довольно странные субъекты, – встрепенул всех майор Кевинс. Дремавшие вздрогнули, но, увидев, что это майор упражняется, успокоились и приняли прежние позы. Сейчас все они ехали в бронетранспортере, так как китайские офицеры остались в монастыре. – Такое, понимаете, впечатление, что они не с тобой разговаривают, а с твоим двойником за спиной. Отношение, будто все, что ни делается, так, для чего-то несущественного.

Он помолчал. Никто не изъявил желания поддержать разговор. Кевинс не обращал внимания, что с ними ехал Рус, и то, что он изучал английский в монастыре.

– Жить без цели, – продолжал настырно свое майор, – ничего не желать, ни к чему не стремиться. Нужно ли тогда жить? Зачем все это? Прозябать в – заброшенном сарае? Такое выдержать может только душа, в которой не осталось ничего человеческого, мирского, которая имеет большое зло на людей. Человек с нормальной психикой через неделю с ума сойдет в такой тюремной обители.

– Вы так думаете? – вмешался с сомнением Споун. – Первоначально и у меня складывалось подобное впечатление. Вы заметили, – повернулся удобней к Кевинсу, – чтобы на стенах монастыря проступала плесень, ползали тараканы или клопы? Чтобы слышался стойкий запах гнили? В общем, всей той смеси, которая скапливается и годами не может выветриться. Ничего подобного в монастыре нет. Я бы сказал, что их строение скорее напоминает уютный особняк на манер ретро. В нем все просто, даже пусто. У меня мнение, что это больше, чем обычный монастырь, который имеет свои, далеко летящие цели.

– Я так не думаю, – опережающе возразил Кевинс, – приходилось мне бывать и в китайских, и в японских, и в корейских, и прочих монастырях – порядок везде образцовый. И люди у них также стройны и бодры. Вот только взгляд, – подумал, покрутил пальцами перед собой, – разнится.

Споун согласно кивнул. Не хотелось дополнять. Впереди сидел Динстон и мог болезненно отреагировать.

– И все-таки, господа, нам еще повезло, – поспешил начальственно полковник. Он не желал снова пережить, даже в мыслях, прошедшее и торопился разрушить диалог говоривших. – Не часто из Китая выезжают наши миссии, имея в папках подписанные документы. Да, – обернулся он к офицерам, – заметили вы, настоятель поставил всего одну подпись. Подпись на ведомости счета по деньгам. Каков, а? И все. Во всех других стоят только наши закорючки да китайских офицеров. Они, точно, могут подвести меня под монастырь. Благо, что местные

службы поддержали. А то что за документ с односторонним подтверждением?! Но и те козявки не особо утруждались пополнить их количеством. Хитрые: под статью своему Будде.

– Хитрые? Не хитрые, скорее всего наглые, – резко огрызнулся Маккой, – используют момент, и все. Нечему здесь удивляться.

Сейчас, когда машины везли их обратно в Пекин, американцы, не обращая внимания на Руса, всюду упражнялись в охаивании китайцев. Будто бы все неприятности исходили только от них. Сидя вдоль стен вместительного бронетранспортера, офицеры соревновались между собой в определении точности высказываний в сторону монахов. Остроты с пошлостями сыпались сначала осторожно – даже поглядывали по сторонам в щели бортов машины. Но чем дальше отъезжали от монастыря, тем смелее и наглее становились речи. Открыли люки, стало светлее, свежее. Скороговорки и редких оборотов речи монах не понимал, да он никак и не реагировал на их скальные гоготания и выкрики. Это совсем успокоило американцев.

– А вы заметили, господа, – продолжил инструктор по фехтованию, – как много у них варварского, средневекового. Им чужды понятия «современность», «комфорт». О чем с такими говорить, если их удел – идолопоклонство, да козни тем, кто не верует.

То один, то второй не спеша выкладывали все, что они надумали о схимниках, дополняя своим – художественным.

Маккинрой не встречал в полемику, но с интересом ловил веселые речи. Искося поглядывал на Руса, который сидел с полным безразличием и апатией, неподвижным взором уставившись в открытый боковой люк: ни к кому не прислушивался и, казалось, ни о чем не думал.

Обмен язвительными мнениями продолжался, и эксперт, слушая их, посматривал с интересом на воспитанника. Старался уловить, что-нибудь общее между сказанным и самим монахом. Что-то магически притягивающее и неожиданно отталкивающее было в его лице. Особенно во взгляде. Отрешенность, пустота, безразличие слились в белесый тон, презрительность к окружающему.

Умеренно худощавое лицо, прямой лоб, прямые брови, сухая, благожелательная мимика привлекали. Тонкий, с горбинкой, небольшой нос придавал лицу выражение целеустремленности. Выдвинутый немного подбородок – упрямство, жестокость, густые ресницы – не потерянную наивность. Но самыми выразительными в нем были его глаза. Узкие, глубокосидящие, небольшие, они придавали лицу хищно-выжидательное выражение. Настороженность, внешнее спокойствие немигающих, внимательно наблюдающих глаз эксперт заметил у многих монахов. Неподвижное, застывшее выражение в такой степени поражало концентрацией отвлеченной мысли и внимания, а лицо в такой степени ни о чем не говорило, что любой интересующийся, будучи даже не знатоком восточной борьбы, мог по глазам судить, какой ученик опытный, а какой еще не дошел до мастерства, требующего полной физической и психологической устойчивости в экстремальных условиях.

Вообще, пока эксперт наблюдал за монахом, у него не раз появлялось желание отвернуться, не смотреть, не видеть его глаз. Необъяснимо жуткое, жалящее сквозило в них: что-то застывшее и белое от снежных склонов Гималаев. Мучительная грусть, как грани искринок с поверхности, высвечивалась в скользком взгляде и растворялась в необъятном пространстве безысходной тоски. Лет неконтролируемой мысли, вспышки необъяснимого вызывали эти, ничего не говорящие, глаза. Наивно-молящее и вместе с тем неопределенно жесткое значение кристаллизовалось на его лице. Когда поднимались веки, слеза дикого бешенства опасно блеснула на ресницах.

Маккинрой осторожно перевел взгляд на полковника. Тот сидел рядом с шофером: дремал, коротко покачивался в такт движению.

– Сэр, со временем, наверное, найдется способ, как разубедить монахов, если не отречься от обязывающих клятв, то, по крайней мере, не так соблюдать их.

– Вы все еще о них думаете? – сонно буркнул Динстон.

– Да, – подтвердил эксперт, – видимо, следует активней и в большем количестве культивировать, распространить по всему свету имеющиеся стили различных видов: и японские, и корейские, и вьетнамские и прочие. Все они в своих основах перекрещиваются между собой. И, наверняка, имеют отростки тех секретов, которыми владеют монастыри. И когда мир с избытком наполнится подобной информацией, думаю, что схимники будут не так ретивы в обожествлении своих возможностей и желании наказать оступившегося.

Полковник развернулся к эксперту в догадливом удивлении, но тот настороженно косил глаза в сторону монаха.

Нешадным вихрем пронеслась мысль по застывшим чертам лица, сохранив мазки настороженности и внимания.

– Трудно будет разобраться в чем-либо, когда в каждой стране начнут заниматься схожими видами. Полгода нам хватит на распространение всевозможных книг и брошюрок. А там, через два-три года, докажи: кто есть кто.

Динстон даже расцвел в своей широкой улыбке.

– Вы мне нравитесь, мистер. Очень нестандартная мысль. Наш метод истинно американский. Вы рождены на пакость китайцам. Что значит торгашеская хватка! Я очень положительно характеризую вас в центре. Вы нужный здесь человек.

Глава вторая

*В надежде, что в наших ошибках потомки
Найдут указующие след,
Нам кажутся светом
Сплошные потемки
И тьмою сверкающий свет.
Лариса Васильева*

– Ну, майор, если все, что вы наговорили, правда, то монахов можно уважать. Уверяете, янки слаб. Надо же. Так стоит, так говорит кремьень. Но вот с монахами не смог. Не выдержал холодного упора. Просто все как-то даже неинтересно, Ну, а деньги?

– И того проще. Как и условлено – пятнадцать процентов.

Майор Вэн с лакейской невозмутимостью выложил на стол потрепанный саквояж.

– Щедрьы американцы, – генерал хоть и выглядел уставшим, но при виде тугих банкнот оживился. Заговорщицки подмигнул офицерам: – Этим премиальным мы найдем ход.

Полковники сдержанно улыбнулись. Генерал продолжал разглядывать фотографии. Майор стоял рядом и по ходу комментировал снимки.

– Смотрите, товарищ Вэн, если что, аскеты с вас первого скальп возьмут. Вам не только придется присматривать за обителью, но и защищать ее. Как договорились. Первое слово старейшин. Хотелось бы, чтобы они для нас оставались в той же мере полезными.

Майор молча кивал головой.

– Сохраните самый надежный контакт с монахами. Очень важно, чтобы они всегда чувствовали нас рядом, надеялись и в положительной мере побаивались. Ведь так? – генерал взглянул на майора. Тот, как шаловливая марионетка, продолжал кивать. – Вы что, заразились, или на вас тоже сказывается монашеское влияние? – Тот снова кивнул. Генерал покачал головой. – И то хорошо, а то пришлось бы уговаривать. Не люблю этого.

Вэн виновато улыбнулся. Шеф погрозил пальцем.

– Вот только поправлюсь немного. Что-то вы все на стороне ищите: деньги или работу. Не допускайте, товарищ Вэн, утечки информации. Отвечайте. На вас вся метода изучения подготовки агентов на американских базах. Когда русский будет в России, войдете в подчинение к товарищу Чану. Не верю я янки. А монах – наш человек, – генерал аккуратно перебирал фотографии монахов. – Но субъект тяжелый. И эти не легче. Следует к ним продолжать присматриваться самым тщательным образом.

– В монастыре никак нельзя, – словно из бочки, хрипло загрохотал Вэн, – архары не позволяют близкого контакта.

– Как нельзя? – взъерошился генерал. – А наши инструкции? Люди, которых туда прислали? Или для монахов не существуют наши требования?

– Они выполнили все условия положения, но ни на шаг больше.

– Ну, дорогой мой, разглядеть дальше – для этого и существует искусство разведчика.

– Есть отчеты, но они ничего не говорят.

– Не говорят, не говорят, – передразнил шеф. – Шли бы слесарничать. Вижу я, монахи молчат, но все время переигрывают.

Глаза генерала не отрывались от больших, качественно сделанных снимков воспитанника. Их было немного, но различных, крупным планом. «Этот», – размышлял недовольно про себя. Он видел его в Американском представительстве, когда заканчивали оставшиеся формальности по поводу будущего агента. На черно-белых фото резко выделялись те черты

лица, которые так неприятно привлекли тогда. Но и здесь лицо монаха оставалось маской его мыслей, сущности.

Неизвестно было, что скрывается в этом полностью отрешенном, забытом человеке. В анкете уже указан кодовый номер монаха: «XS—1809». Это тоже одно из требований старейшин. По данным, то был юноша пять футов роста, шесть дюймов. Вес – сто шестьдесят фунтов. Физические данные обыкновенного крепыша. Только графа – «изометрия кисти» – пугала своей непривычностью. Соответственно, напротив правой и левой рук стояло – 295 фунтов и 280 фунтов. Генерал удивленно посмотрел на подчиненных.

– Майор, зачем монахам такие руки?

– Не могу знать, товарищ начальник. – Не понимая, к чему клонит шеф, отвлеченно резюмировал Вэн.

– Такие лапищи. – Не унимался генерал. – Они что, кожи мнут? Сплошная загадка – эти отшельники. Если этот непримиримый схватит вас за горло, вы переживете очень неприятные минуты. Если, конечно, переживете! Несерьезно мы к ним отнеслись. Ван прав: очень возможно, что это ответвление одной из боевых сект. С такими руками к небу не возносят молитвы. Полковник Линь, вы тоже включите их в сферу самого пристального внимания. Теперь я хочу знать о них все. Хватит загадок. Действовать так, чтобы управление не получало жалоб ни от настоятеля, ни от Вана, странных поборников святейшей истины и еще черт знает чего. Мне в первую очередь неприятно выслушивать, его вызывающие речи. Он прям и упрям. Поэтому, если вы сработаете неловко, Ван не заставит себя ждать. И уши еще оттаскает дежурным. От него всякое можно ожидать, как и от этого юнца, который старательно претя по их дорожке. Даем янки «своих людей», а кто они, что они, представления не имеем.

«Не человек, нет, – замолчал генерал и задумался. – Если такой сорвется, кто его остановит?»

– Майор, – он указал пальцем на лицо, – вот этот, после окончания контракта, должен быть наш. Привейте ему чувство верности и веры к нам. Его можно полезно использовать.

– Вряд ли. Все они одним дьяволом кормлены.

– А вы не теряйтесь. Я вас ценю не за рапорты. Не кому-нибудь предлагаю. Что тут мудреного? Не даром ведь.. Так я говорю, товарищ Чан!? Чего вы все молчите? Что с вами?

– Так.. Думаю.. Не в те двери стучимся! Вэн прав. У нас нет выше добродетели, чем у монахов.

– Да ну вас: сговорились, теперь дурачите старика. Товарищ Линь, а вы что скажете?

– Если товарищ Чан сказал, так оно и есть. Чужая душа – потемки. А монахи?! Вообще закрытый склеп. Заглянешь – зренья лишат. Пусть они живут себе. Ведь не трогают никого. А нам чего соваться? Своих болячек хватает.

– Ну-ну. Остается мне доложить, что наши хваленые кадры руки отрясают. Чем это вас так припугнули. Вам не звонили случайно на квартиры? Пожалуйста мне. Я приму меры. Ничего... Такого парнишку удобней при себе держать, чем против себя. Ведь не для гуманитарных дисциплин это отчужденное лицо. Думается мне, что сей субъект еще не открыл себя. Вглядитесь, – с этими словами генерал показал крупную фотографию, – разве он может переживать?!

– А вы полагаете, что мысль обязательно должна быть отражена на сморщенном лбу? – Чан, без присущей ему живости глядя в окно, словно его там более интересовало, выговаривал. – Что-то не тех результатов мы достигаем с этими чумазами. Если человек пришибленный воспитанием, что может сделать врач?

– Ну вот, наконец-то тебя растормошили. В прошлый раз ты неплохо рассказал о темных сутанах. И вот я, следуя хронологической точности, тоже поворошил некоторые бумажки. Они мне подсказали, что всякие тайные организации запрещены еще с 1949 года, и что последнее

общество «Игуаньдао», против которого велась довольно шумная кампания, прекратила свое житие в 1953 году. Напомните мне, с какой целью у нас вообще шел разговор на эту тему.

– Наверное, в связи с тем, что именно они готовят искусных бойцов.

– Прекрасно. Что мы видим сейчас?

– Ничего не видим. А то, что видим, с не меньшим успехом могут продемонстрировать легальные школы и секции.

– Конечно, – лукаво покачал головой генерал, – скромность – она не лишне, если есть риск оказаться не правым. Насколько они опасны государству?

– Они не опасны.

– Так ли? Почему столько разнообразия в ваших словах?

– Скорее однообразие на меняющейся пестрой социальной картине государства.

– Лихо крутишь!

– Согласно книжкам.

– Как ты мне надоел! Лучше б не читал, а изучал обстановку в Срединной. На монахов нужно смотреть с позиции представителей власти.

Чан подсел к генералу с боковой стороны стола.

– Инспектирование монастырей выявит только принадлежность храма к какому-либо известному религиозному течению. Все.. Но это может насторожить их! Буддийские и даосские культы соперничают в определении абсолютных истин. Это их усобица. Государству нет дела до собственных коалиций религиозных течений. Просто нельзя отбрасывать возможность того, что вполне может иметься какая-нибудь тщательно законспирированная организация.

– Ну, это мнение не только твое. Но почему все-таки жар твоего убеждения более направлен на нейтральные отношения с ними и ты не имеешь известного предубеждения к ним как к оппозиции?

Чан одобрительно кивнул.

– Наверное, прозорливей, да и просто человечнее было бы, чтобы вы, с высоты своего поста, не относились с чиновничьей предубежденностью к монахам. Все же там сконцентрированы немалые философские и живительные силы. Я склонен считать, что монастыри в своем огромном количестве оказались стойкими хранителями традиций и государственности, зорко следящими, чтобы все лучшее и нужное, чем жили предки ранее, в чистом виде доходило до потомков. В этом их весомая помощь и заслуга перед государством. Они санитары истинно китайского духа и патриотизма.

– Может быть, – генерал вяло поцарапал по столу. – Но сейчас, во время революционных перемен, они скорее всего стоят на консервативных, опасных для строя позициях.

– В беседах с ними у меня не сложилось такого мнения. Хотя в их среде есть руководители, отстаивающие старину в нетронутом виде. Но их немного.

– Увел ты меня в сторону, адвокат. Но попрошу в следующий раз более деятельного рассказа об обществах. Хотелось бы знать, каким образом чужеземец оказался в тех стенах, к какому возможному течению он принадлежит.

Глава третья

Штаб-квартира в Лэнгли.

Комфорт.

Широкие улыбки на довольных, упитанных лицах.

– Ну-с, полковник Маккинрой, поначалу я мало верил в успех вашей инициативы, но результат заставил поверить, что с китайцами можно действовать свободнее. Их можно купить. Вы оказались на высоте. Не знаю только, до конца ли сумели остаться для них тем, кем состоите по документам. Но видимого недовольства они не выказывают. Опыт ваш пригодится и в других, не менее важных местах. Значит можно крупно подыгрывать на людском самомнении. Признаться, до сего момента Динстона я выше читил. Опытный, старый кадровик, но недостаточно пластичен. Конечно, в ваших находках не бог весть что новое, но именно в вашем исполнении оно звучало убедительно и, главное, тихо. Это то, чего так не хватает нашей службе.

– Сэр, именно недостатки полковника очень действенно подыграли. Службы Китая и монахи более потешались над Динстоном, чем анализировали его действия. Так что немало уверен в том, что они в неведении как о главной цели нашего начинания, так и о тех, кто ведет всю нить игры.

– Вот это меня больше всего импонирует. Наши коллеги в последнее время часто попадают на несущественных деталях. А здесь прямо-таки спокойно, как в чертовой заводи.

– Беспорядки на территории метрополии тоже надо учесть. Они нам в немалой степени подсобили.

– Спорно. Как сказать. Мао может использовать любой предлог для усиления своего влияния. На его счету слишком много неудач, чтобы не внести в свой актив возможность принародно шельмовать Америку. Но продолжайте, самого главного я еще не услышал.

– Сэр, мое мнение едино; мы вышли на одно из течений старых тайных сект. Даже по тем емким словам, что слышал от настоятеля, будто именно у них живет Большой Чемпион, можно утверждать, что монахи принадлежат к одному из ответвлений «Белого лотоса».

– Значит, там наверняка должен иметься исходный материал.

– Несомненно.

– Наверное, у вас имеются какие-нибудь решения относительно приобретения этого материала?

– Пока только воспитанник.

– А монахи?

– Обработке не подлежат. Босс недовольно поморщился.

– Неприятно сознавать, что в мире существуют группки, которые игнорируют твою просьбу. Монастырь богат?

– Не похоже.

– Странно. Динстон просится в Штаты.

– Это будет неожиданностью для китайцев. Вызовет подозрения.

– Пусть тогда поживет еще там. Вербованный надежды подает?

– Надо, чтобы он вжился. Но и монахи, и разведка всучили кабальные условия.

– Сэр Маккинрой, в нашем распоряжении имеется возможность развратить его. Наш образ жизни, деньги, женщины.. Неужели не очнется?

– Трудно сказать. Его глаза очень не те. Если бы он был моложе... Монахи правы: к этим годам человек сформирован внутренне. Подходить к нему можно только со стороны истины, добродетели – иначе не поймет. А если не поймет, то и убить может. В нем нет ограничительной черты. Как зверь! Закон для него ничто. Старейшины – все!

– Похоже. Те фотографии, что мы имеем, не дают повода для оптимизма. Посмотрим, что сможет сделать время. Полковник, о вас извещены в Белом доме. Очень возможно, что в недалеком будущем вас пригласят для конфиденциальной беседы. Со своей стороны отмечу, что вы должны быть прекрасно осведомлены обо всем регионе Юго-Восточной Азии со стороны крупнейших преступных формирований. Это интересует некоторые влиятельные особы. О'кей?

– О'кей. сэр.

Сутки спустя. Штат Делавэр.

Средневековый, с высокими башнями, французский замок-крепость в глубине густого ухоженного леса. Тишина. Покой.

Гостиная. Из темного дерева мебель и стены. Дорогое оружие. Портреты предков настоящего замка. Тусклые свечи. Лакеи в ливреях восемнадцатого века.

Кабинет. С высокими потолками, узкими окнами, строгой мебелью.

Господин, с довольными, но придирчивыми глазами на лоснящемся, упитанном лице.

Сейчас он строг.

– Сэр Маккинрой, оставим в стороне всю интересную шелуху с господами из ЦРУ, китайцами, монахами и самим воспитанником. Это все персонажи летящего момента. Мы не запрещаем вам импровизировать от скуки. Но нас прежде всего интересует дело. Как и вас, между прочим. Готовы вы что-либо положительное сказать?

Маккинрой сидел напротив и таким же настойчивым взглядом выдавал существо беседы.

– Если поднимать истину над поверхностью...

– Сэр Маккинрой, – хозяин по-отечески ласково наклонился к гостю, – мы с вами слишком крупные игроки, чтобы раздумывать, поднимать истину или нет. Для наций существуют склонения, отклонения и прочие литературные увертки. Учитесь в нашем кругу говорить только правду.

Вы должны в полной мере отдавать себе отчет, на какой высоте находитесь и чего должно стоить ваше каждое слово. И не только оно. Не приравнивайтесь к чиновникам государственных кухонь. Они пекутся о животе своем. Нашему кругу предстоит вершить нечто большее, чем массе.

Маккинрой галантно поклонился, продолжил:

– Суть та, что я еще не нахожусь даже на начальной линии искомого пути.

– Скверно. А полицейские источники?

– По ним не выйдешь на главарей. Тем более, что в Китае сейчас не та помпа.

– Не думаю. Сейчас там удобная обстановка для анархии и неразберихи. Неужели в таком омуте пусто?

– Может быть, что-то и есть, но на дне. Я до него даже мысленно еще не доспел. По моему, стоит переместить взгляд на Сингапур, Гонконг, Филиппины, Индонезию. Там шансы весомее.

– Там есть наши люди. Ваш район – Китай.

– Да, да. Исторические справочники богаты на супермощные синдикаты. Даже сейчас можно выделить высветившийся монастырь Шао. Но до него не дойти. Контора до предела зашторенная.

– Значит, надо что-то такое, чтобы некоторые представители обществ вышли на контакт.

– Я часто думаю над этим: но чем и как?

– Время терпит, сэра Маккинрой, но забывать об этом нельзя. Надо искать все возможные пути. Какой-то путь может приблизить к цели и деть приемлемый ход

– Нужно, чтобы Динстон находился в Китае. Он со своей солдатской наивностью притягателен для «Триад».

– Значит, пусть будет так. Увеличим ему оклад, и он не будет так настойчив в изменении климата. Пятидесятипроцентной надбавки, думаю, ему достаточно, чтобы успокоиться.

– Вполне.

– На этом пока и остановимся. Но ваш район считаю перспективней, чем прочие. Традиции. Они очень живучи в азиатских странах.

Часть третья

Глава первая «ИСПОВЕДЬ»

*Мы странные люди изводим бумагу,
Чтоб в дальних чужих временах
Нашли обветшалую нашу отвагу
И ею пронзили свой страх.
Лариса Васильева*

(Запись с магнитофонной ленты)
Одна из баз в Южной Корее.

– Рус.
– Не смотри так.
– Ты не думай: ты не один в этом мире.
– Чужой мир – пучина морская, все есть, и никого не видно.
– Нет-нет, не думай так: иначе я не приехал бы к тебе и не сидел бы сейчас здесь перед тобой.

Молодой человек с бледным лицом и болезненными искрами взгляда отчужденно перевел глаза на неловко сидящего перед ним плотного мужчину средних лет, с внимательными и по-своему добрыми глазами. Присутствующий представлял собой что-то среднее между учтывым чиновником и спортсменом. Для которого, при всей его благополучной жизни, достигнутое оказывалось нелегким приобретением. И потому он особенно дорожил завоеванным положением, соблюдая все манеры, характерные для данного круга людей.

Ответа не последовало.

– Ты должен мне верить. Должен. Я ведь твой дядя по отцу. Мы с ним братья.
Глаза курсанта стали острыми. Взгляд приобрел упорство.
– Мне это ни к чему, человек. Я тебя не ждал. Ты не занимаешь места в моих мыслях.
– Не говори так. Мне больно слышать от племянника такие далекие и холодные слова.
– Истина не имеет истоков тепла, но от нее не болит голова, как от той липкой лжи, которую благозвучно распускают вокруг себя живущие в сущем мире.
– Зачем так? Зачем заживо хоронить себя в душном склепе? Если голова холодна, это не значит, что и сердце должно покрыться мерзлым панцирем.
– Слова твои хороши, но только для праздной жизни.
– Почему ты не хочешь верить мне? Я не лгу. Прошу выслушать историю твоих родителей и то, как оказался ты в существующем положении. Верь: тебе говорит твой родной дядя по крови. Который хочет, чтобы ты стал таким же нашедшим себя человеком, как и все. Чтобы ты тоже сполна вкусил тех радостей бытия, которые даст обеспеченная жизнь.
– Сладко говоришь. Я не привычен слышать такое. Слова не должны возвышаться над сутью. Если речи твои, выходящие из уст твоих, сопутствуют правде, я пойму и не буду обижен. Но коль слова твои подобны будут гиене облезлой, никогда более не смей подходить ко мне, ибо вторая встреча окажется для тебя последними рискованными вздохами жизни.
Сидящий нервно потер лицо руками, выпрямился, глубоко вздохнул.

- Зачем ты обижаешь меня? Я надеялся на совсем иную встречу.
- Я не ждал тебя, человек.
- В тебе очень много от твоего отца. Он тоже был гордый. Но ты пойми, мальчик, такую простую истину: «Трудно понять человека, если не верить его словам».
- Верное слово поможет.
- Философствующий. А я просто чиновник средней руки, забитый горою дел и вечно спешащий их выполнить.
- Так почему же ты, верткий, желаешь, чтобы я стал таким же.
- Рус, племянник, ты принимаешь слова буквально, но мало понимаешь так, что каждый человек имеет право на удовольствия в жизни, возможность заниматься любимым делом и прочим, что преподносит цивилизация.
- Цивилизация, кроме угроз и насилия, еще ничего не принесла людям.
- Здесь ты не прав. Нельзя быть вечно первобытным: цель человеческая не поднимется тогда выше той пыли, по которой он ступает.
- Слова твои достойны понимания.
- И на том спасибо. Я уже ни на что не надеюсь. Хочу, чтобы ты только выслушал меня. Верно, цивилизация преподнесла коварный житейский урок людям: каждый за себя, один против всех. Это ее стойкий недостаток. Человек слаб. Потому больше думает о себе. Я тоже живу для себя и хочу, чтобы моя родня тоже жила в подобающем человеку достатке. Чтобы они ни в чем не нуждались, чтобы были довольны собой, своей жизнью, местом, которое занимают. Никак не предполагал я, что мы будем разговаривать на разных языках.
- Это не мешает тебе высказаться.
- Да, да.. Но я, право, не знаю, с чего начать. Ты потомок русского офицерства. Надо прочувствовать каждой жилкой своей плоти момент, чтобы понять, кто были твои предки, что ты должен представлять в том кругу, каким было привилегированное российское офицерство. Только в Пруссии еще имелось подобное почитание ратного труда командного состава, да в старой императорской армии Японии. Ты, российский потомок, уподобился монаху. Я сомневаюсь, затронут ли мои слова каменистую почву твоей души.
- Трудно говоришь, человек. Не пугай меня многословием. Истина на поверхности. Не вороши землю там, где не собираешься сеять.
- Верно, все верно. Слышен в твоих мыслях голос мудрых наставников.
- Они не только в словах достойны.
- Да, да. Есть еще хорошие люди.
- Не пустословь, человек.
- Не приводи меня в отчаяние своей безразличностью. Неужели не рад ты, что у тебя есть родной дядя? В нас один голос предков, мы с тобой одной крови. Мы патриции: белая кость, голубая кровь. В нас могучий зазывной голос древнего рода, потомками которого мы с тобой являемся.
- Ты скучен мне, незнакомец. Ловок в словах, но глаза твои не отражают жара твоей речи.
- Рус, не рви мое сердце, мы с тобой одной плоти, а ты такое несешь.
- Кровь от разной пищи становится разной.
- Ты не прав. Аристократ – он и в нищете аристократ. А плебей – невежда и на троне.
- Мельчишь: или в угоду себе, или по недомыслию. История одна, несмотря на то, что люди разное едят. Знать зачастую валялась в ногах холопов. Чернь правила. Становилась родовой, и уже никто не помышлял и вспоминал, кто и что от плебеев. Вот он, человек, – разный и мелкий. Каждый себя выше мнит. Плоть слаба, а дух и того слабее. Вы такое же ничтожество, как и все наносное. Я покидаю тебя, незнакомец.
- Постой, Рус. Я столько лет искал тебя. Не силен я в спорах об абстрактном. Кто виноват, что судьба разлучила нас, что жизнь горько усмехнулась нашему роду. Я понимаю; не желаешь

менять образ жизни, – твое дело. Но ты должен знать нескладную судьбу нашего рода последних трех колен. Должен знать, кто ты есть и от кого пошел в этот сумрачный свет.

Рус, мальчик мой, нужно смотреть на людей глазами жизни. Не считай, что тебя поджидает только дубина или кастет. Жизнь скаредная, паршивая шутка, ставит препоны пострашнее оружия. К ней нужно присматриваться, прислушиваться, ловить фальшь и истину, чтобы не проползти «лопухом» мимо тех прелестей, которые она может подарить. Не будь простаком. Не держись потерянно за патриархальные идеалы. Повернулась фортуна: хватай ее, не отпускай. Она мимолетна и очень непрочна. Может прошелестеть золотой лентой сквозь пальцы и исчезнуть. Держи ее хваткой сатаны. Держи за горло. Держи, чтобы знали все и боялись.

– Это все плотские страхи. Они не призывают меня. В них погибель и страдание, в них пустая обреченность.

– Ну хорошо, пусть все это лишь оболочка. Но известно ли тебе, что мы с твоим отцом братья, что у нас одни отец и мать. Кто виноват, что жизнь разлучила? Мне сорок семь, я не имею семьи, и сейчас готов предоставить тебе все условия современного человека. Не будь отшельником, послушай, и ты прознаешь трагическую судьбу своих родителей. Излишняя гордость очень вредила нашему роду.

Безразличные глаза молодого человека пристально смотрели мимо сидящего. Казалось, он только из неведения терпел пришельца.

Плотный, с залысинами, средних лет, мужчина старался говорить и говорить. Иногда неловко при разговоре потирал руки, ерзал на казарменном табурете и хлопал по коленям с красноречивым видом: дескать, все, что сказано, свершилось. Он то внимательно смотрел на парня, то прятал взор в прищуренных веках, то косил в сторону. Не мешкая, продолжал дальше:

– Как тебе может быть известно, в далеком и истинно грешном году семнадцатом случился большой бунт в России. Дикие мужики в лаптях и с косами пошли войной против царя-батюшки, против правительства, против верхних людей, к коим причислялся и наш отец, кадровый офицер. Мать наша также из дворянского сословия. Отец, подобно тысячам своих сослуживцев, с оружием в руках долго отстаивал отечество, непререкаемые идеалы высокородных предков.

Но судьбе угодно было отвернуться от него. Вековые традиции, оплот порядочности, изначального, зашатались и рухнули, так, что на сегодняшний день ни один мудрец не отважится пророчить, вернется ли былое, удобное господу, бытие. В последние месяцы отец наш служил под началом верховного правителя – адмирала Колчака. Бездарный шпора, с апломбом праведного венценосца, оказался не в состоянии играть роль исторической личности, державного авторитета. Вышвырнули его старательно и грубо, как заношенный, дурно пахнущий сюртук. Служил потом отец атаману Семенову. Не потому, что в его крови бурлила ненависть к большевикам. До сего момента отец верой и правдой служил императору, отечеству и иже с ними. Но история меняла реалии. Жить нужно. Оказывается, как ни веруй, ни молись, а кусок хлеба на столе должен быть постоянным. Иначе нисходишь в житии своем до зверя дикого. Кров нужен. Тепло нужно. Все, кто не был профаном и идейным дураком, запасались золотом, валютой, драгоценностями: награбленными, наворованными. Мародерством не брезговали. Жизнь пригнула некогда гордые и спесивые головы до «высот» прокисающих грязных сапог на разлагающемся трупe, карманов с вонючими платками и засаленными банкнотами. Находясь при Семенове, отец наш, твой дед, понял житейскую основу. Сумел извлечь некоторую сумму золотом и мехами. С ними он исчез. Появился в Харбине. Туда же привез молодую супругу.

Я старший сын. Мой брат, твой отец, на три года моложе. Все было хорошо, пока банду Семенова крепко не потрепали. Оставшееся офицерье, еще не пропившее самогоном и бормотухой остатки здравомыслия, также начало разбредаться. Стань на хвост паршивой кошке

– она не так мерзко взвояет, как те, которые узнают, что твой сослуживец живет в тепле и добре. Им, годами мыкавшимся по сырым лесам, гнилым болотам, прозябавшим под холодными дождями, обозленным на все и вся, как нож в сердце были известия подобного рода. Помойными тварями ползали по городу истерзанные остатки бывшей победоносной белогвардейщины. Вынюхивали. Их подцепили спецслужбы далеких стран. Сколотили контрреволюционную организацию. Предлагали отцу. Гордый человек был наш отец. Он ответил: «Пока была у меня вера в отечество, в благороднейшие принципы движения, я был в первых рядах. Если вновь кто-нибудь из венценосных отпрысков подымет святое знамя, я ни минуты не стону колебаться. Мое место там. Но находиться в одной шайке с жуликами и самозваными графами. Увольте!»

– Отец захлопнул дверь перед прыщавыми носами бандитов. Ему не простили. Во время конфликта на Восточно-Китайской железной дороге наемники из террористов, по указанию своих хозяев, жестоко расправились с отцом. Они терроризировали и мать. Но она стойко отвергла все их увещания и угрозы. Это не могло не сказаться на ее здоровье. Во время японской оккупации наши коммерческие дела пошатнулись. Мать не смогла выдержать долгих нервных нагрузок и накануне второй мировой тихо скончалась. Мы были уже сравнительно взрослыми, хотя и не полностью самостоятельными людьми. Я был старшим. Хорошо помнил жуткие годы, когда от страха тряслись руки, если по ночам во дворах кто-то дико взывал от боли и безысходности. Редкие выстрелы перемешивались с отчаянным хрипом, а безлунные ночи казались долгим могильным мраком. Я хорошо помнил это, потому скупился за каждый грош, экономил на всем, старался не ввязываться ни в какие авантюрные похождения. Я был старшим. На мне вся ответственность за будущее брата и младшей сестры. Твой отец жил за моей спиной не богато, но и не голодно. Его мысли о жизни были проще моих. Он мечтал, хранил романтику детства, барство. Нередко у него проявлялась надменная гордость, а с китайцами – спесь и более высокого порядка. К ней добавились остатки чванливости происхождением. Он был мой брат. Мне было нелегко нести двойное бремя существования, но я его любил. Там, где мне приходилось молчать, он сполна покрывал это своим презрением и доказывал всем, что его звездный час еще впереди. Мне от этого было легче. Но время шло, и я напомнил ему, что пора вбивать гвоздь в основу жизни, чтобы держаться на ее поверхности. Но не так-то это было легко. Что для меня было страдальческой экономней, для него было никчемной суетой. Семнадцать лет – не так много, если голова забита фальшивой романтикой и прогнившими мечтами о недостижимом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.